

Нора
Робертс

Замкнутый
КРУГ

Нора Робертс
Замкнутый круг
Серия «Опасные тайны», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119908

Замкнутый круг: ЭКСМО; Москва; 2002

ISBN 5-04-010313-1

Оригинал: NoraRoberts, "True Betrayals"

Перевод:

Владимир А. Гришиечкин

Аннотация

Милисент Байден никак не могла смириться с выбором своего сына. Она считала красавицу Наоми недостойной его и сделала все, чтобы разрушить их счастье. Сломленные судьбы бывшей невестки, сына, любимой внучки – вот цена жестокости и предательства Милисент.

И только спустя годы уже выросшей Келси Байден удастся распутать клубок лжи и обмана, опутавший ее и ее близких.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	65
Глава 4	96
Глава 5	126
Глава 6	155
Глава 7	180
Глава 8	208
Глава 9	239
Глава 10	262
Глава 11	290
Глава 12	318
Глава 13	344
Глава 14	366
Глава 15	389

Нора Робертс

Замкнутый круг

Глава 1

Совершая круг почета со своим жеребцом, Гейб не чувствовал никакой радости от победы. Желанный золотой кубок, чемпионская попона, расшитая красными розами, внимание прессы и телевидения – ничто не занимало его.

Почти не думал Гейб и о том обстоятельстве, что его залепленный грязью вороной, которого пытались запечатлеть на пленку многочисленные репортеры, отныне войдет в историю как виргинский чемпион, победитель дерби. Даже одетый в красно-белый шелк жокей, то и дело наклонявшийся с седла, чтобы похлопать Дубля по блестящей от пота шее или принять из рук болельщика букет цветов, был скорее мрачен и нисколько не походил на триумфатора.

– Мистер Слейтер... – только и сказал он, когда Гейб пожимал ему руку. – Что же это такое, мистер Слейтер?..

Гейб только кивнул.

– Ты хорошо скакал, Джоуи. Установил рекорд дерби.

При этом известии ни на пыльном лице жокея, ни в его глазах, вокруг которых благодаря защитным очкам кожа осталась чистой, не отразилось ни тени радости.

– А как Рено? Как Горди?

– Пока не знаю. Наслаждайся моментом, Джоуи, – в конце концов, ты и Дубль это заслужили, – с этими словами Гейб обхватил вороного за шею и прижался к нему щекой, не обращая внимания на влажную от пота пыль, покрывавшую его шкуру. – С остальным будем разбираться потом.

Он сделал шаг в сторону и повернулся к Джемисону, стараясь скрыться за лошадью от направленных на него телекамер.

– Ты был ближе, Джеми. Ты можешь сказать, что случилось?

Джемисон, в глазах которого все еще видны были следы пережитого потрясения, молча вертел в руках пышный букет роз.

– Он упал, Гейб... – пробормотал он. – Этот чудо-жеребец вдруг упал как подкошенный...

Неожиданно он поднял голову, и в его взгляде промелькнуло уже не потрясение, а самое настоящее отчаяние.

– Дубль бы сделал его, Гейб! Пусть на последних футах, под самой проволокой, но догнал бы, – проговорил он почти умоляюще. – Я чувствую это, я знаю это наверняка!

– Теперь это не важно, Джеми. – Гейб опустил руку на поникшее плечо своего тренера, желая как-то его подбодрить. Как ни горек был вкус сегодняшней победы, все-таки это была победа.

Служба безопасности ипподрома сработала четко и быст-

ро. Охранники сдерживали прессу и болельщиков, так что Келси, сидевшая за переносной ширмой, лишь изредка видела мелькающие на легкой ткани тени и слышала далекие возбужденные голоса. Кто-то о чем-то спрашивал, кто-то чего-то требовал, кто-то уже праздновал выигрыш, но все это был другой мир, от которого ее отделяла лишь тонкая белая преграда, разделившая жизнь и смерть, словно стена. Здесь, внутри пространства, огороженного ширмой, царило горе, а самым громким звуком были безутешные всхлипывания Наоми.

Моисей подошел к Наоми, погладил по голове и, прижав к себе, стал раскачиваться из стороны в сторону, словно баюкая ее.

– Мо! – окликнула его Келси. – Скажи, почему?

– Не надо мне было ставить... – это прошептал Боггс. Он стоял рядом, прижимая к груди скаковое седло, и по лицу его текли частые слезы. – Не надо было...

Келси наклонилась и нежно погладила жеребца по бархатной шее. Он был такой мягкий, такой спокойный и тихий...

Потом ее внимание переключилось на покрывавшую некогда лоснящуюся шкуру корку пыли и грязи. То были следы отчаянных усилий и борьбы, которую Горди вел на дорожке, и Келси отвлеченно подумала, что, если бы все кончилось по-другому, сейчас бы его уже мыли, чистили, баловали яблоками, которые он так любил.

В последний раз погладив Горди, она заставила себя под-

няться, потом подобрала забитые землей наглазники и протянула Боггсу.

– Отнеси его вещи обратно в конюшню.

– Это не правильно, мисс Келси, так не делают.

– Да, не правильно... – При мысли о том, насколько это не правильно и несправедливо, Келси почувствовала, как у нее заныло сердце. – Но ты все равно позаботься о его вещах, как и всегда. Кроме того, нужно увести отсюда Наоми.

– Кто-то должен остаться.., ну, чтобы проследить за...

– Я останусь.

В глазах Боггса все еще стояли слезы, когда он поднял голову и посмотрел на нее.

– Хорошо, мисс Келси.

Он повернулся м, словно оруженосец, уносящий с риста-лица расщепленный щит и сломанный меч своего господи-на, зашаркал прочь.

Призвав на помощь все свое самообладание, Келси шагнула к Наоми.

– Ты нужен ей, Мо. Может быть, ты отвезешь ее обратно в отель?

– Здесь еще полно дел, Келси.

– Что смогу, я сделаю. Что-то ведь можно будет отложить и до завтра... – Она опустила руку на спину Наоми и несколько раз погладила, словно стараясь умерить сотрясавшую ее тело дрожь. – Мама... Поезжай в отель, мама...

Из них троих один только Моисей заметил, что Келси

впервые назвала Наоми «мамой».

Раздавленная горем и неизбывным чувством вины, Наоми тяжело поднялась с перевернутого ведра – только для того, чтобы повиснуть на плече тренера. Взгляд ее в последний раз упал на мертвого жеребца. Гордость Виргинии, подумала Наоми. Ее гордость...

– Ему было только три года, – прошептала она. – Три года я ждала, и вот...

– Не надо, – быстро, но твердо сказала Келси, хотя ей тоже приходилось сражаться со своими собственными демонами. – Там, снаружи, слишком много людей. Ты должна держаться, должна показать им, что ты не сломлена.

– Да. – Наоми повела из стороны в сторону невидящими глазами. – Я должна держаться. Держаться...

Келси подвела ее к выходу и, отведя в сторону подвижную секцию ширмы, невольно поморщилась при виде множества лиц. Она знала, что переживания сегодняшнего дня – предстартовое волнение, азарт гонки, ужас, который она испытала при падении Горди, – все это навсегда останется в ее памяти. Келси помнила, какая жуткая тишина вдруг установилась на трибунах, помнила, как медленно – словно пловцы под водой – бежали к роковому месту конюхи, помнила отчаянную суету и попытки убрать с дорожки упавшую лошадь и всадника.

Долго ли еще она будет закрывать глаза и видеть перед собой, как неестественно и внезапно подогнулись тонкие пе-

редние ноги Горди?

Или слышать приглушенные рыдания Наоми?

– Келси! – Едва завершив круг почета, Гейб сразу же ринулся к конюшням. Он все еще надеялся на чудо, но сразу все понял, как только увидел ее лицо.

– Черт побери! – пробормотал он, крепко прижимая ее к себе. – Его пришлось усыпить, да?

Келси всего лишь на мгновение позволила себе расслабиться и прижаться лицом к его широкой груди; потом она решительным жестом отстранила Гейба от себя.

– Нет. Он был уже мертв. Боггс подбежал к нему одним из первых, но все уже было кончено.

– Прости, ради бога, мне очень жаль. А как Рено?

Келси судорожно вздохнула, но снова взяла себя в руки.

– Его увезли в больницу. Дежурный уверен, что ничего серьезного нет, но мы ждем, что скажут специалисты.

Она выпрямилась и смахнула со щек слезы.

– Ну ладно, мне надо заниматься делами.

– Ты же не собираешься одна тащить на себе весь этот воз... – запротестовал было Гейб, но Келси отмахнулась. Она чувствовала, что стоит ей только уступить, стоит принять помощь, и горе раздавит ее. Нет, пока она не согнется – она будет стоять.

– Я должна. Ради моей матери, ради Горди... Увидимся в гостинице.

– Я не оставлю тебя одну.

– У меня есть Боггс, да и другие тоже. Пламя в глазах Гейба неожиданно погасло; он коротко кивнул и шагнул назад, оставив Келси стоять одну рядом с поверженным чемпионом.

– Хорошо, не буду мешать. Если тебе что-нибудь понадобится – обратись к Джемисону, он еще долго пробудет здесь. – Спасибо.

Это был настоящий кошмар. Когда около полуночи Келси, пошатываясь от усталости, ввалилась в вестибюль отеля, все ее чувства представляли собой сплошную рану, из которой сочились последние капли крови. Она знала, что официальные лица уже переговорили с Моисеем и с ее матерью и, следовательно, Наоми уже знает, что произошло. Она не просто потеряла призового жеребца. Случившееся не было ни случайностью, ни невезением, и даже Боггс, в последний момент все-таки поставивший на Горди, был совершенно ни при чем.

Это было заранее спланированное убийство.

Незадолго до старта Горди получил смертельную дозу амфетамина. Пока скакун мчался к первому повороту, пока он летел вдоль дальней от трибун дорожки, пока рвался к финишу, его сердце усиленно сокращалось под действием адреналина и наркотика, распространившегося по всей нервной системе. И в конце концов у шестнадцатого столба большое сердце Горди не выдержало...

Теперь всем им придется научиться терпеливо отвечать на вопросы, не реагировать на слухи и обвинения, убеждать следствие в том, что это не они сами ввели своему фавориту наркотик в надежде, что после финиша следы амфетамина каким-то чудом не будут обнаружены в слюне лошади.

Или Горди убил кто-то из конкурентов? Кто-то, кто очень хотел выиграть приз – или сорвать банк. Кто-то, кому так нужна была победа, что он не пожалел лошадь и даже рискнул поставить под угрозу жизнь жокея.

И все же Келси не замедлила шаг у дверей номера Наоми. Что она может прибавить к тому, что ее мать уже знает? Что касается утешений, то у Наоми есть Моисей, который сумеет успокоить ее и хотя бы частично вернуть ей уверенность в будущем.

Подумав так, Келси решительно пошла к дверям своей комнаты, но остановилась. Несмотря на усталость, ее возбуждение было еще столь сильным, что Келси буквально вскипала лихорадочной энергией, а мысли метались, словно вспугнутые птицы, и никак не хотели успокоиться. В конце концов, словно подхваченная порывом ветра, она быстро прошла вдоль коридора и постучала в дверь номера Гейба.

Гейб не спал. Он не ожидал, что Келси зайдет к нему – во всяком случае сегодня, после того как она столь бесцеремонно его отослала. Когда Гейб узнал все обстоятельства гибели Горди, он решил, что теперь ей точно будет не до него. Но вот она возникла на пороге его комнаты – с темными кру-

гами под глазами и таким усталым и бледным лицом, что в первые секунды оно показалось Гейбу почти прозрачным.

Тем не менее, пропуская ее в комнату, он не сказал ни слова.

– Ты слышал? – были ее первые слова.

– Да, слышал. Присядь, Келси, иначе ты упадешь.

– Не могу. Я боюсь, что если я сяду, то потом не смогу встать. Кто-то убил Горди, Гейб! К этому выводу в конце концов придут все. Кому-то было очень важно, чтобы Горди выбыл из борьбы...

Гейб пересек скромную гостиную и, открыв дверцы бара с напитками, принялся вскрывать бутылку минеральной воды.

– Мой жеребец пришел первым, – небрежно заметил он.

– Да, я знаю, – машинально откликнулась Келси. – Прости, я тебя даже не поздравила... Тут она увидела его глаза и осеклась.

– Ты что, думаешь, я пришла сюда, чтобы обвинять тебя в нечестной игре? Или для того, чтобы спросить, не имеешь ли ты какого-нибудь отношения к этому?

– Это было бы только логично, – ровным голосом отозвался Гейб, хотя внутри его все кипело. Недрогнувшей рукой он налил минералки в высокий стакан с двумя кубиками льда.

– Да пошел ты к черту вместе с твоей логикой, если ты так обо мне думаешь!

– Как я о тебе думаю?.. – Гейб хрипло рассмеялся, но сразу оборвал свой смех. – Что и как я о тебе думаю, не имеет

в данном случае никакого значения. Факты же таковы: ваш фаворит упал, а мой был первым у столба. Эта победа принесла мне что-то около миллиона долларов разом, не говоря уже о тех суммах, которые я могу заработать на потомстве. Миллион долларов – это достаточно серьезный мотив для убийства, и большинство так и подумает.

– Большинство, но не я! – Келси так резко оттолкнула предложенный Гейбом стакан с минеральной водой, что половина его содержимого выплеснулась на ковер. – Значит, ты предпочитаешь факты и логику, Слейтер? Тогда я должна указать тебе на один существеннейший изъян в твоих рассуждениях. Ты забыл самое важное – характер.

– Ага... – Гейб поставил ее стакан на низкий журнальный столик и сделал большой глоток из своего. – Ну что же, характер у меня известный...

И репутация не ахти!

– Позволь мне кое-что рассказать тебе.., правду о крутом парне по имени Гейб Слейтер. Ты же втюрился в лошадей, Гейб! Ты очарован ими, влюблен в них, предан им, как какая-нибудь двенадцатилетняя девчонка, которая грезит о своем принце. – Резким движением Келси вскинула голову, заметив, как непроницаемые прежде глаза Гейба непроизвольно расширились.

– Как-как? – переспросил он. – Я что-то не...

– Ты их любишь. Любишь! Или ты рассчитывал, что никто не узнает о том, как ты хотел выкупить у Канингема его

кобылу, потому что тебя беспокоило, как с ней обращаются?

Гейб уже совладал с собой, но Келси успела рассмотреть, что творится в его душе, и продолжила наступление.

– Или ты думал, что твои люди будут молчать о том, как ты играешь с жеребятами, точно со щенками, или как ты ногами напролет сидишь в конюшне возле больной лошади? Да ты просто мальчишка, Слейтер!

– Лошади – это мой капитал.

– Лошади – это твоя самая большая любовь, Слейтер. И еще одно... – Она ткнула пальцем ему в грудь. – Мне не по душе, когда ты говоришь мне о том, что – как тебе кажется – я должна подумать. Я не думаю, Гейб, я знаю. Ты хотел выиграть дерби так же сильно, как и я, но взять приз путем грязных махинаций и победить честно – совершенно разные вещи. Человеку, которому не раз случалось играть, не имея ни малейшего шанса на успех – играть и все-таки выигрывать, – это должно быть очевидно. Так что если ты серьезно собираешься стоять здесь и жалеть себя вместо того, чтобы посочувствовать мне, – тогда я, пожалуй, пойду. Спокойной ночи, Слейтер.

– Постой! – Гейб схватил ее за руку, прежде чем Келси успела выскочить за дверь. – Ты слишком торопишься спустить курок, дорогая...

Он отставил в сторону стакан с минералкой и потер ладонью грудь.

– Да и мишень у тебя такая, что не промахнешься, – до-

бавил он и неожиданно страдальчески сморщился. – Ладно, ты права. Может, мы все-таки присядем?

– Ты садись, а я постою. Мне надо выпустить пар.

Гейб не торопясь опустился на диван. Он никак не мог понять, смутили ли его откровения Келси или, наоборот, обрадовали.

– Мне очень жаль, Келси. Я понимаю, что слова мало что значат, но все-таки прими мои соболезнования.

– Я стараюсь поменьше думать о том, как мне сейчас скверно. Больше всего меня заботит, как переживет потерю Наоми.

– Она справится и снова восстанет из пепла. – Он сказал это совершенно серьезно, и Келси кивнула.

– Надеюсь, нам всем хватит сил, чтобы преодолеть все трудности. – Келси вздохнула и, пройдясь по ковру, взяла со столика один из стаканов, чтобы промочить пересохшее горло. – Я чуть в обморок не упала, когда мне сказали о наркотиках. Это было все равно что потерять Горди еще раз. Теперь судьи проверяют урны с использованным медицинским инструментом – каждую иглу, каждый одноразовый шприц, но даже если они что-нибудь найдут, что это изменит? Горди не вернешь.

– Если скаковая комиссия найдет иглу, которая убила его, то она, возможно, поможет выйти на человека, который это сделал.

Келси упрямо покачала головой.

– Я так не думаю. Я не верю, что преступник..., убийца мог быть столь небрежен, чтобы оставить такую важную улику. Даже если это произошло, то на игле вряд ли найдутся пригодные для идентификации отпечатки пальцев. – Снова разнервничавшись, Келси засунула руки в карманы, но тут же снова вынула их и продолжила оживленно жестикулировать.

– Только подумать, Гейб! Когда я найду того, кто это сделал – а я найду негодяя, чего бы мне это ни стоило, – я заставлю его страдать. Долго страдать!

Келси снова схватила со столика стакан с газировкой и стала смотреть, как со дна поднимаются цепочки серебристых пузырьков.

– Горди сжег свое сердце дотла. Он сражался до конца и даже хотел встать после того, как упал... – Она вздрогнула, но тут же обуздала свое горе. – Рено еще легко отделался – он вывихнул плечо и сломал ключицу, но это – сущая ерунда. И слава богу!

– Джоуи мне рассказал. Через несколько недель Санчес снова будет в строю.

Хватит горевать, думай о завтрашнем дне, приказала себе Келси. Переключить передачу – и вперед!

– Да, его можно выпустить на приз Прикнесс, – задумчиво проговорила она. – Ты знаешь нашего жеребца по кличке Прилив? Он может выступить довольно прилично.

– Умница, – пробормотал Гейб. Келси улыбнулась.

– Нам придется сделать еще очень много, Гейб. Я видела,

как увозят Горди... Это очень больно. Мне еще никогда не приходилось терять никого из близких, но я даже представить себе не могла, что первой потерей будет лошадь. Мне было очень больно, Гейб. Я любила его.

– Я знаю.

– И ты тоже... – Она подошла к дивану и приложила ладонь к щеке Гейба. – Извини меня, что я прогнала тебя, когда ты предложил мне помощь. Если бы ты остался со мной, я бы расслабилась, и тогда меня пришлось бы откачивать с валерьянкой и прочим. Зато когда на меня свалилось столько забот сразу, на то, чтобы рыдать и рвать на себе волосы, просто не осталось ни сил, ни времени. К тому же я была уверена, что справлюсь.

– Мне показалось, что ты не хочешь видеть меня, потому что я выиграл.

– Я рада, что ты выиграл. Это было единственное приятное известие за весь день. Если бы я смогла, то обязательно посмотрела бы, как вы выходите на круг почета и как вам вручают кубок.

Келси, рассмеялась и полезла в карман.

– Боже, я совсем забыла! – воскликнула она. – Гляди! – Она протянула Гейбу два билета тотализатора, один был выписан на Дубля, второй – на Гордость Виргинии. – Это я застраховалась!

Гейб поглядел на билеты и почувствовал себя растроганным, как если бы Келси поклялась ему в вечной любви.

– Ты поставила одинаковую сумму на каждого.

– Это потому, что оба значили для меня одинаково много-, Гейб поднял голову. Гнев Келси улегся, вызванный им румянец тоже исчез со щек, и ее лицо снова стало бледным, словно фарфор тонкой работы; огрубевшие от работы ладони были все так же изящны и длинны; элегантный голубой костюм, который Келси надела на скачки вместе с туфельками на высоком каблуке, сидел на ней как влитой.

Его рука сама потянулась к ней и легко коснулась непослушных прядей, выбившихся из заплетенной на французский манер косы. Волосы Келси имели цвет спелой ржи, тронутой золотыми лучами утреннего солнца.

Молчание Гейба и неожиданное прикосновение заставили сердце Келси бешено забиться. Ей пришлось напомнить себе, что она смертельно устала, что она выжата досуха, и, наверное, так оно и было в действительности. Несколько часов кряду Келси то сражалась с репортерами, которым непременно нужно было знать все подробности, то пыталась скрыться от них, что требовало не меньших усилий. В конце концов ей все же пришлось ответить на некоторые вопросы; при этом она попыталась сделать все возможное, чтобы опровергнуть самые невероятные предположения. И это была только первая волна. Келси понимала, что падкая до сенсаций пресса не оставит в покое ни ее, ни Наоми. Пытаясь справиться со всеми делами, она выложились до конца..., так откуда взялся этот новый прилив сил?

– Уже поздно. Я, пожалуй, пойду. – Она не хотела, чтобы Гейб подумал, будто она спасается бегством, но, когда он вдруг поднялся, Келси непроизвольно шагнула к выходу. – Мне надо проведать Наоми.

– У нее есть Моисей.

– И тем не менее.

Вот теперь Гейб улыбнулся, и его взгляд неожиданно потеплел.

– И тем не менее... – повторил он.

– Сегодняшний день был очень длинным.

– Длинным и тяжелым, – согласился Гейб. – В такие дни все без исключения мысли и чувства человека приходят в движение и, так или иначе, показываются на поверхности. Безумно интересно читать на твоем лице все, о чем ты в данный момент думаешь и что чувствуешь. Безумно интересно и.., эротично.

Он придвинулся ближе, но все еще не трогал ее.

– Желания, сомнения, побуждения.., инстинкты...

Интересно, мимолетно подумала Келси, как все это может не отпечататься на моем лице, когда внутри меня бушует настоящий шторм?

– Я не слишком хороший партнер, Гейб. Да, впрочем, ты, наверное, и сам знаешь.

– Не слишком хороший партнер – для чего?

– Для... – Продолжая отступать, Келси наткнулась на кресло, выругалась и обогнула препятствие. – Я недостаточ-

но хорошо владею всей этой наукой – соблазнение, игра в сопротивление, сдача в плен, утоление сладострастия. Да и момент...

– Момент чертовски неподходящий, – согласился Гейб. Он уже готов был отступить и оставить ее в покое. Пусть ему будет плохо потом – это он как-нибудь сумеет пережить. – Иными словами, в данный конкретный момент времени ты не хочешь меня. Тебе придется сказать да или нет, Келси. Сказать прямо сейчас.

– Я попытаюсь, если ты дашь мне подумать. – Она снова отпрянула от него, когда Гейб уперся ладонями в стену – слева и справа от ее головы.

– Ты еще не просчитала все шансы, и мероприятие кажется тебе рискованным, да?

Гейб почувствовал, как в нем начинает подниматься, набирать обороты знакомая бесшабашная удаль. Что впереди, победа или проигрыш? Сейчас это его не волновало.

– Ставки высоки, не правда ли? – поддразнил он. – И безопаснее всего было бы сбросить карту, так? Ты этого хочешь? Безопасности?

Почти не отдавая себе отчета в своих действиях, Келси отрицательно покачала головой и тотчас заметила проскользнувшее в глазах Гейба выражение триумфа.

– К чертям шансы! – Гейб прижал ее к себе. – Вперед, без оглядки, без расчета!

Келси отбросила прочь логику и осторожность – сейчас

они только мешали ей. Она хотела получить то, что он предлагал, – хотела чувствовать его торопливые руки на своем теле и его жадный рот на своих губах. Каким бы ни был риск, игра уже захватила ее.

Келси попыталась что-то сказать, но с губ ее сорвалось только удивленное восклицание, когда Гейб с силой прижал ее к стене и сорвал с плеч жакет. Она не ожидала от него такой неожиданной и сильной реакции.., как и от себя самой. Ведь и ее пальцы торопливо дергали пуговицы и разрывали тонкую ткань его рубашки, торопясь скорее коснуться гладкой прохладной кожи.

Наконец она почувствовала его тело – крепкое, мускулистое и вместе с тем – податливое. В приливе страсти Келси приникла губами к его губам и никак не могла оторваться.

Она не хотела ни нежных слов, ни медленных ласк. Что-то извергалось внутри ее, опасное, жгучее, и она изо всех сил стремилась к тому, чтобы то, что должно было случиться, случилось как можно скорее. Шторм, ураган, циклон – вот чего ждала она от этих объятий. Возьми меня, возьми скорее, мысленно молила она; эта мысль была единственной, она пульсировала в ее мозгу и растекалась по жилам огнедышащей лавой. Потом она услышала свой собственный смех. Он показался Келси низким, сиплым и каким-то чужим, но это, несомненно, был ее смех, потому что он повторился, как только Гейб ожег поцелуем ее шею и плечо, с которого сползла смятая блузка.

Именно смех Келси, прозвучавший неожиданно резко и громко, словно отточенная бритва, рассек последнюю ниточку, которая удерживала Гейба в рамках цивилизованности. С почти звериным рычанием он схватил Келси за руки, заставил поднять их над головой и впился взглядом в ее лицо. Келси вся дрожала, но ее глаза потемнели от страсти, а нижняя губа слегка выпятилась, словно обозначая вызов.

Продолжая прижимать ее запястья к стене, Гейб с такой силой рванул блузку на груди Келси, что крошечные золотые пуговицы разлетелись во все стороны. Тело ее завибрировало, словно струна, которую рванули слишком грубо, но взгляд так и остался прикован к его лицу.

Под шелковой блузкой оказалась почти символическая шелковая рубашечка, которая едва охватывала полные груди Келси и исчезала под поясом юбки. Гейб слегка отстранился и, опустив руку, стал подниматься вверх по ее ноге, пока не нащупал кружевной верх чулка. Потом он увидел, как изменился взгляд Келси в тот момент, когда он зачерпнул ладонью пламя, которое сам же и разжег. И, забыв обо всем на свете, Келси ринулась в это пламя.

Она негромко вскрикнула и – потрясенная, растерянная – стала отчаянно бороться с его рукой, взбрыкивая, словно мустанг, впервые почувствовавший на своей спине седока. Ощущения захлестывали ее и то поднимали на гребень, то швыряли в пропасть, то жгли огнем, то обдавали холодом, заставляя окружающий мир вращаться все быстрее и быст-

рей вокруг одной-единственной точки, которая, словно сжимающийся кулак, росла и вспухала где-то внизу живота. От страха и наслаждения Келси закусил губу и замотала из стороны в сторону головой, чувствуя, как тает и течет ее тело.

Ее освобождение было похоже на гейзер, который, глухо ворча и сотрясая окрестные скалы, поднимается все ближе к поверхности земли. Неостановимый, как любая стихия.

Едва только Келси почувствовала, что ее силы на исходе, – когда затихли все звуки, а перед глазами померк калейдоскоп радужных огней, – Гейб снова начал подниматься по ее ногам снизу вверх. Его сильные руки властно и грубо потянули юбку, губы жадно коснулись шелковых кружев лифа и стали опускаться вместе с ними, освобождая груди, так что его жаркое дыхание опалило долину между ними.

Запах и вкус ее кожи показались Гейбу изысканными, экзотическими, приправленными сладким потом и прохладными, как вода. Он слышал ее частые судорожные вздохи, слышал тоненькое поскуливание, которое время от времени рождалось в ее горле, чувствовал, как сильно и громко стучит под его ладонями и руками сердце. Ногти Келси впились ему в спину, тело напрягалось, вздрагивало и трепетало под его прикосновениями, но это доставляло Гейбу ни с чем не сравнимое, почти животное наслаждение.

Он опустил руку к поясу, и его пальцы встретились с ее руками – настырными, словно два роющих нору зверька, лихорадочно бегающими, торопливыми, стремящимися как мож-

но скорее расстегнуть ремень, пуговицы и сорвать с него эти дурацкие брюки!

Едва освободившись от этого последнего предмета одежды, Гейб вошел в нее, вошел сильно и глубоко. Его пальцы оставляли красные пятна у Келси на бедрах. Воздух задрожал от их слившегося воедино стоны, когда Гейб оторвал Келси от земли и заставил раскрыться еще больше, обвив ее ноги вокруг своих бедер. Потом его рот снова нашел ее губы, заглушив всхлипы и стоны, которые оба издавали, мчась навстречу горячему и бурному финишу.

Келси уронила голову на плечо Гейбу. Ее тело, еще недавно наэлектризованное приливом энергии, обмякло. Если бы не Гейб, который продолжал прижимать ее спиной к стене, она бы, наверное, без сил сползла на пол.

– Кто п-победил? – выдавила Келси.

Глотнув ртом воздуха, Гейб пробормотал:

– Не имеет значения. Господи Иисусе, Кел, ты просто восхитительна!

Сил, чтобы оспаривать это утверждение, у нее уже не оставалось. Разум ее только начал проясняться, и первое, о чем подумала Келси, это о том, что свое первое долгожданное и страстное соитие они совершили стоя. Потом Келси поискала взглядом свою одежду и увидела, что она, разорванная и смятая, валяется на полу у их ног.

– Такого со мной еще не бывало, – пробормотала она. –

Никогда...

– Вот и хорошо. – Гейб подхватил ее на руки, подумав, что иначе они так и простоят у стены всю ночь, словно два пьяницы, изгнанных из забегаловки.

– Нет, я...

Келси замолчала, заметив, что на левой ноге каким-то образом задержалась одна туфелька на высоком каблуке. Сбросив ее резким движением, она прильнула головой к груди Гейба.

– Нет, действительно никогда. Когда я была замужем, мы просто... Ну, в общем, не важно.

– Нет уж, договаривай, – Гейб внес ее в спальню. – Я люблю сравнения, особенно когда они в мою пользу.

– Но мне почти не с чем сравнивать. У меня...

Кроме Уэйда, у меня никого не было.

Гейб уже собирался опустить ее на кровать, но остановился и внимательно посмотрел на нее.

– Значит, до Уэйда у тебя никого не было?

Никого-никогошеньки?

Ну вот, мрачно подумала Келси, опять та же самая проблема. Ну почему я не умею держать язык за зубами?

– Ну и что?

– Ничего. – Гейб выпрямился и поцеловал ее еще раз. Он всегда считал подобные фантазии глупыми и эгоистичными, но сейчас ему хотелось вообразить себя ее единственным мужчиной. Что до Уэйда, то и самую память о нем он наме-

ревался выкорчевать с корнем. Хотя бы для того, чтобы получить от этого удовольствие.

Он уронил Келси на кровать, так что она дважды подпрыгнула на мягком пружинистом матрасе.

– Я всегда знал, что твой бывший – подонок, но теперь я вижу, что он еще и идиот.

– Спасибо. Я тоже так считаю.

Увидев, что Гейб продолжает разглядывать ее, Келси попыталась надеть лифчик, но обнаружила, что он разорван.

– Тебе придется одолжить мне что-то вроде купального халата – не могу же я в таком виде идти по коридору.

Гейб улыбнулся и, укрыв ее одеялом, улегся рядом.

– Честное слово, Гейб, как я пойду к себе в этой рубашке? – Келси потрогала смятый шелк комбинезона. – В том, что от нее осталось, – поправилась она.

– Ты просто понятия не имеешь, как она тебе идет, – с чувством сказал Гейб и провел ладонью по ее груди. – Впрочем, в ближайшее время я собираюсь вовсе освободить тебя от этих шелестящих шелков и прочего.

– В ближайшее время? – Сердце Келси отчаянно застучало, когда Гейб лениво погладил ее сосок большим пальцем. – Я не могу... Ты не можешь...

– Еще как могу! – Гейб изогнул бровь. – Или хочешь поспорить?

Она поспорила и проиграла. Несколько раз подряд. Когда

рассвет вполз в окна, Келси пластом лежала на Гейбе. Сил больше не было, но ее тело продолжало слегка вздрагивать после последнего бурного финиша. Мозг сковала усталость, она отупела, но спать почему-то не хотелось.

– Мне нужно идти, – пробормотала она. – Надо на ипподром.

– Тебе надо поспать и поесть, – возразил Гейб. – Потом мы вместе пойдем на ипподром.

– Нельзя ли заказать кофе? – Усталость все же взяла свое, и речь Келси звучала невнятно. – Я... – Не договорив, она широко зевнула.

– Конечно. Чуть попозже. – Он погладил ее по волосам и по спине, но не для того, чтобы снова возбудить, а для того, чтобы убаюкать. – Вздремни.

– Который час?

Гейб посмотрел на часы.

– Начало пятого, – соврал он без колебаний. На самом деле было ровно шесть.

– Ну хорошо.., пару часиков. – Келси свернулась калачиком, и ей сразу стало казаться, будто она, легкая точно перышко, летит вниз по все расширяющемуся тоннелю.

Гейб осторожно сдвинул ее на середину кровати, убрал с лица спутанные волосы и накрыл одеялом. Лицо Келси все еще было бледно, темные круги под глазами напоминали мазки теней на молочно-белом мраморе. Несколько минут Гейб просто смотрел, как она спит, смотрел и чувство-

вал, что влюбляется все сильнее. Это ощущение было ему настолько непривычно, что он отшатнулся от кровати, напомним себе, что между жарким сексом и горячей любовью обычно пролегает огромная дистанция.

Он хотел ее – теперь он ее получил. Что будет дальше, Гейб сказать затруднялся. Для него было очевидно, что Келси нужен не только любовник, но и преданный друг, и, поскольку он собирался выступить в обеих этих ипостасях, Гейб решил, что настала пора попробовать быть другом.

Он принял душ, потом вернулся в спальню и стал одеваться. Келси не пошевелилась. Нисколько не колеблясь, Гейб разыскал в гостиной ее сумочку и открыл ее. Внутри он обнаружил кошелек, пачку салфеток, записную книжечку в кожаном переплете и – к своему огромному удивлению и удовольствию – деревянный крючок для чистки копыт. Ключ от комнаты Келси был заперт на «молнию» в маленьком боковом кармашке, где, кроме него, хранился тюбик натуральной губной помады, миниатюрный флакончик духов (Гейб не удержался и, отвинтив крышку, понюхал) и двадцатидолларовая банкнота.

Что ж, именно эти вещи и должны были быть в сумочке у такой женщины, как Келси.

Он сунул ключ в карман брюк и вышел в коридор бесшумно, притворив за собой дверь.

У комнат Наоми Гейб остановился и постучал. Не успел он опустить руку, как дверь отворилась – на пороге стоял

Моисей. Тренер выглядел усталым и озабоченным, но, увидев Гейба, улыбнулся и протянул руку.

– Поздравляю. Извини, что не сделал этого раньше... Твой Дубль отлично справился.

– У него были сильные соперники. – Гейб покачал головой. – Не так бы я хотел выиграть...

– Да... – Моисей хлопнул его по плечу и проводил в гостиную. – Нам всем было тяжело, а когда мы узнали в чем дело, так стало еще хуже.

– Значит, никаких новостей пока нет?

– Официальное расследование идет полным ходом, но «Ивы» обязательно предпримут свое собственное расследование. – Глаза Моисея холодно сверкнули. – Пока мне известно только одно – кто-то очень хотел, чтобы эта лошадь умерла. Для нас это большая потеря.

– Все, что я смогу..., я или кто-нибудь из моих людей – вам достаточно будет только сказать. Мне не меньше вашего хочется узнать, кто это сделал... – Гейб увидел, что дверь спальни отворилась и невольно повернул голову. В гостиную вышла Наоми.

Если бы она была боксером, то про нее можно было сказать, что после вчерашнего нокаута она вполне оправилась и пребывает в полной боевой готовности. По лицу ее, во всяком случае, нельзя было заметить ровным счетом ничего. Ни следа пережитого, никаких признаков горя, вчерашней незащищенности, хрупкости... Наоми была одета в темно-бор-

довый костюм – единственный из всех, что были у нее с собой, который мог сойти за траурный; лицо не выдавало никаких чувств, кроме сосредоточенной решимости.

Как и предвидел Гейб, Наоми восстала из пепла.

– Я рада, что ты пришел. – Наоми подошла к нему, обняла за шею и прильнула щекой к щеке. – Нам обоим придется нелегко. – Она чуть-чуть отодвинулась от него, но рук не расцепила. – Уже появились самые разные слухи, в том числе и о том, что ты можешь быть в этом замешан. Я хочу, чтобы мы объединили свои силы – Я тоже.

– Мне очень неприятно то, что случилось, неприятно и обидно, Гейб. Обидно за себя, за тебя, за скачки вообще... И все-таки нам придется как-то улаживать этот вопрос. Я только что назначила пресс-конференцию и хочу, чтобы ты тоже на ней был.

– Где и когда?

– Сегодня в полдень на ипподроме. – Наоми улыбнулась и погладила его по щеке. – Мне кажется, это важно, чтобы пресс-конференция состоялась именно там. Горди мы заберем домой сразу после того, как получим подробный отчет о вскрытии...

Наоми ненадолго замолчала, потом решительно выдохнула воздух и добавила:

– Впрочем, в ближайшее время пресса все равно не оставит нас в покое. Скачки на приз Прикнесс на носу, это неизбежно породит новые домыслы и слухи. – Ее взгляд стал

жестким. – Ты должен выиграть их, Гейб. Так будет лучше для тебя и для всех нас.

– Именно это я и собираюсь сделать. Наоми удовлетворенно кивнула.

– Я намерена позвонить Келси примерно через час – пусть поспит. Вчера ей пришлось очень нелегко, и мне не хотелось бы нагружать ее снова.

– Собственно говоря... – Гейб смущенно кашлянул и удивился, что по спине его побежали мурашки. Чтобы вернуть себе уверенность, он с независимым видом сунул руки в карманы, но наткнулся на ключ от комнаты Келси. – Келси провела эту ночь со мной, – сказал он небрежно. – Сейчас она спит. Я как раз иду к ней в номер, чтобы взять кое-что из одежды. Когда она проснется, я прослежу, чтобы она позавтракала.

В воздухе повисла мертвая тишина. Пять секунд, Десять. Наконец Наоми облегченно вздохнула.

– Я рада, что ты был с нею. Я рада, что это – ты.

– Возможно, ты изменишь свое мнение, когда узнаешь, что и впредь это буду я, и только я.

Наоми приподняла бровь.

– Кажется, я слышу звон обручальных колец! Ты не о браке ли заговорил, Гейб? – И впервые за последние несколько часов она засмеялась. – Ага, побледнел! Как это по-мужски!

Гейб продолжал молча смотреть на нее, и Наоми потрепала его по плечу.

– Тебе лучше уйти, пока я не начала задавать тебе другие, еще более интимные вопросы. Если сумеешь разбудить Келси и привести ее сюда, скажем, к одиннадцати, то мы вместе отправимся на ипподром. Да, захвати для нее темно-голубой костюм и коралловую блузку.

Обняв Гейба за плечо, Наоми проводила его до дверей и, закрыв за ним дверь, привалилась к ней спиной.

– Какими трудными были последние двадцать четыре часа, Мо... И вот как они закончились! Честное слово – я рада. Как ты думаешь, Келси догадывается, что он влюблен в нее?

Ни о чем таком Келси не догадывалась. Единственным, что она испытывала в эти первые минуты после своего пробуждения, была ярость. Гейб не только не разбудил ее вовремя, но и ушел сам, ушел вместе с ключом от ее номера. И вот теперь она вынуждена сидеть в его комнате, потому что у нее не осталось ничего, что можно было бы надеть.

В конце концов она решила принять душ, но холодная вода несколько не остудила ее ярости. Закутавшись в махровый халат, висевший на двери ванной комнаты, и обернув вокруг головы полотенце, она принялась расхаживать по номеру из спальни в гостиную и обратно.

Сгоряча Келси хотела позвонить Наоми, но сразу отказалась от своего намерения, ибо не могла придумать никакого удовлетворительного объяснения тому, как она оказалась в номере Гейба и что случилось с ее одеждой.

Келси как раз была в спальне, когда услышала, что дверь номера открывается. Вскочив с кровати, Келси ринулась в гостиную, чтобы разом вонзить в Гейба все свои напитанные ядом стрелы.

– Что ты, черт тебя побери, себе позволяешь? Ох!

Несколько мгновений она и коридорный растерянно смотрели друг на друга. Бой первым нарушил молчание.

– Прошу прощения, мисс. Джентльмен сказал, чтобы я не стучал. Он не хотел вас будить, поэтому велел мне подать завтрак, пока вы спите.

– Конечно, конечно... Да... Все в порядке, я уже встала, – она с достоинством сложила руки. – А где этот джентльмен, которого вы упомянули?

– Понятия не имею, мисс. Он дал мне распоряжение и пошел по своим делам. Хотите, чтобы я зашел попозже?

– Ни в коем случае! – Келси с вожделием поглядела на блестящий эмалированный кофейник. У нее разорвалось бы сердце, если бы бой снова его забрал. – Нет, все в порядке. Извините, если я вас напугала.

Пока коридорный сервировал завтрак, Келси раздумывала, сейчас ли собрать разбросанные по полу белье и одежду или притвориться, будто она ничего не замечает. Выбрав последнее, она просмотрела чек и, добавив чаевые, которые, она надеялась, заставят Гейба пожалеть о своем неджентльменском поступке, поставила свою подпись.

– Спасибо, мисс. Приятного аппетита. Келси как раз на-

ливала вторую чашку кофе, когда в номер вошел Гейб.

– Ты свинья! – заявила Келси и сделала большой глоток кофе, обжигая горло и язык. – Где мои ключи?

– Вот они. – Гейб вынул из кармана ключ, потом повесил на спинку стула ее темно-голубой костюм. – Кажется, я ничего не забыл. Ты удивительно организованный человек, Келси, – косметика, зубная щетка, тюбик с пастой. Между прочим, у тебя роскошное белье. Вот... – Он протянул ей шелковое лонжере цвета морской волны. – Надевай. Мне показалось, что это прекрасно сочетается с костюмом.

Келси выхватила у него из руки изящную тряпочку.

– Ты рылся в моих вещах!

– Я просто хотел принести тебе что-нибудь из одежды. Твоя мама посоветовала взять этот костюм.

– Моя... – Келси заскрежетала зубами. О господи, дай мне терпения! – Ты заходил к Наоми?

– О, она вполне оправилась и готова ринуться в бой. В двенадцать на ипподроме состоится пресс-конференция с ее участием. И твоим... Как кофе, ничего? – Гейб налил себе полчашки. – В одиннадцать мы пойдем к Наоми, а оттуда отправимся на Черчил-Даунз. Все вместе. Ей хотелось, чтобы ты надела этот синий костюм, но, поскольку Наоми ничего не сказала про белье, я выбрал то, что мне понравилось.

– Она сказала тебе, что именно мне надеть? – Келси набрала в легкие побольше воздуха и медленно выдохнула через нос. – Значит, она знает, где я? Ты ей рассказал?

Гейб подсел к столу и снял с тарелки серебряную крышку, под которой обнаружилась яичница с беконом.

– Я рассказал ей, что эту ночь ты провела со мной. – Он быстро глянул на нее. – Тебя это волнует?

– Нет, но... – Сдавшись, Келси прижала руку к виску. – Голова кружится.

– Сядь и поешь как следует – тебе сразу станет лучше.

Когда она послушалась, Гейб протянул руку и крепко взял ее за запястье.

– Отныне мы вместе. Понятно?

Келси посмотрела на их сцепленные руки. Гейб имел в виду не пресс-конференцию, не только пресс-конференцию, и они оба это понимали. Снова риск, подумала Келси, но подняла глаза и встретилась с ним взглядом:

– Да, понятно.

Глава 2

– Ты не говорил, что собираешься прикончить лошадь, – проворчал Канингатем, вытирая влажный лоб. В последнее время он слишком много потел – потел перед телекамерами, выдавливая из себя улыбку; потел на праздничных вечеринках, когда незнакомые люди хлопали его по плечам и покупали ему выпивку; потел лежа в собственной постели, когда, глядя в высокий потолок, снова и снова воспроизводил в памяти последний отрезок дистанции Кентуккийского дерби.

Ему очень хотелось победить, но он благоразумно удовлетворился вторым местом, вот только цена этого успеха... Цена превзошла все его ожидания.

– Ты не говорил, – повторил Канингатем, чувствуя, как липнет к спине рубашка и как мерзкая, липкая влага стекает в углубление у основания позвоночника. – Ты обещал, что Горди дисквалифицируют, чтобы у Шебы появился шанс на призовое место.

– Ты сам не захотел вдаваться в подробности. Ты предоставил это мне, – напомнил ему Рик Слейтер, который стоял у окна со стаканом дорогого бурбона и любовался видом, открывавшимся с верхнего этажа шикарного отеля. Теперь он мог себе это позволить. Это и многое другое.

– И ты получил то, что хотел. Твоя кобыла заняла на дерби второе место, так что теперь никто не посмеет назвать тебя

старым пустобрехом, никто не посмеет шептаться за твоей спиной.

– Ты должен был только устроить так, чтобы жеребца дисквалифицировали.

– Я и устроил. Разве это не успех? – Рик ухмыльнулся. – Чедвик осталась с носом, да к тому же и попала под подозрение вместе с моим щенком. Зато ты, Билли-бой, вышел из переделки сухим. – Он вернулся к столу и, плюхнувшись в кресло, взял из вазочки засахаренный миндаль. – Давай говорить откровенно, приятель. Разве ты не хотел, чтобы все, что мы спланировали, обратным концом ударило и по Гейбу? По-моему, ты с самого начала был не прочь поквитаться с ним за то, что пять лет назад он отнял у тебя твою ферму, да еще и опозорил на весь штат.

– Нет, конечно, я не против посадить его в лужу, но...

– Мы оба прекрасно знаем, что у твоей Шебы не было ни одного сраного шанса выиграть эту гонку, – продолжал Рик. – Особенно если участвуют такие классные крэки, как Дубль и Горди. Единственное, на что ты мог рассчитывать, это на третье место, да и то твою дохлятину пришлось бы лупить кнутом от старта до самого финиша. И это в лучшем случае. Объективно ее законное место – четвертое или даже пятое. А ведь это не то что второе, верно?

– Конечно, ты прав, но... – Канингатем подумал о яме, которую он сам себе выкопал.

– Никаких «но»! – Рик с хрустом разгрыз еще один орех,

и на лице его появилось серьезное выражение, свойственное торговцам подержанными машинами. – Тебе нужен был успех, и я его обеспечил. Откровенно говоря, я не рассчитывал ни на что, кроме обычной показухи, но твоя девочка пробежала на одном сердце. Она нарожает тебе чемпионов, – Рик подмигнул. – Ведь в этом все дело, правда? Теперь ты впишешь Шебу в племенную книгу породы и будешь ежегодно получать по мешку денег, пока она будет задирать хвост перед жеребцом.

Это было правдой, чистейшей правдой, но Канингом продолжал обливаться потом.

– Если что-то откроется, я погиб.

– Почему это должно открыться? Я, например, никому не собираюсь рассказывать о наших с тобой делах. – Рик снова подмигнул. – Разве что ты проболтаешься той цыпочке, которая ждет тебя в постельке. Некоторые мужчины просто не способны держать язык за зубами, стоит девчонке пошире раздвинуть ножки.

– Я ей ничего не сказал и не скажу. – Канингом вытер губы тыльной стороной ладони.

«Да и сама она вряд ли что заподозрит», – подумал он. Марлу куда больше интересовало, сколько его денег она может потратить, чем то, откуда они взялись.

– Вот только другие люди непременно начнут задавать вопросы. Пресса – так та мне просто прохода не дает.

– Пусть это тебя не удивляет, – Рик покровительственно

хлопнул Канингема по плечу. – Твое дело – делать печальную морду, качать головой да снимать сливки со своей популярности. Можешь сказать им, что ты хорошо знаешь Наоми Чедвик и Габриэла Слейтера и что тебе трудно свыкнуться с мыслью о том, что кто-то из них пал так низко. Я буду тебе очень обязан, если ты упомянешь Гейба в данном контексте.

Канингем облизал губы и наклонился вперед.

– Что ты собираешься предпринять?

– Ну-ну, Билли-бой, это мой маленький секрет. Меньше знаешь – крепче спишь, верно? Твое дело – разыгрывать из себя простого парня, которому повезло отхватить на классификации резвую кобылку и подготовить ее к дерби.

– Через две недели состоится Прикнесс. Рик ухмыльнулся и пошевелил бровями.

– Не жадничай, приятель. Это довольно опасно. К тому же ты сам прекрасно знаешь, что эту гонку Шеба может не потянуть.

– Ну, сердца-то у нее хватит. – Канингем мигом забыл о чувстве вины и обо всех своих страхах, забыл о двух убитых людях и о гнедом жеребце, упавшем у шестнадцатого столба. – Мне только и надо-то, чтобы Шеба финишировала в призах.

– Ничего не выйдет. – Рик погрозил ему пальцем. – Даже если ты заявишь ее, даже если она не сломается на половине дистанции, эта скачка должна пройти чисто. Иначе кое-кто может начать посматривать и в твою сторону, Билли-бой, а

мне этого совсем не хочется. Кто знает, вдруг у кого-то хватит ума копнуть поглубже, и тогда... – Он погремел в стакане – уже пустом – кубиками подтаявшего льда. – Мы больше не сможем быть друзьями и обделять наши делишки вместе.

– Но на кону будут большие деньги.

– Тебе нужны еще деньги? Поставь на жеребца из Гейбовой конюшни. Я знаю своего сына – он сделает все, чтобы быть у столба первым. Чтобы доказать всем, что он чист и что его Дубль действительно сильнейший. – Улыбка Рика стала кислой, и он налил себе еще бурбона. – Это у него пунктик: выигрывать честно: Я научил его всем трюкам, всем уловкам, какие знал, а он... Должно быть, воображает себя лучше папаша – даже не хочет разок «посолить» гонку, чтобы не запачкаться...

Рик поднес к губам стакан. Пока он пил, глаза его сузились и стали жесткими.

– Ну, мы еще поглядим, кто на этот раз выиграет, – проворкотал он, вытирая губы ладонью. – Поглядим.

Спорить было бесполезно, тем более что Рик начал наливать себе все чаще и все щедрее.

– Как же мне быть?

– Сними Шебу со скачки в Пимлико. Ну, как будто она потянула мышцу во время утренней разминки и ты не хочешь рисковать ею. И постарайся при этом выглядеть расстроенным. Потомпустишь на пастбище, пока не придет время подыскать ей женишка.

– Да, ты прав. – Канингему было очень обидно, но он сумел справиться со своей жадностью. – Лучше не рисковать. Я оформлю на нее все документы, а следующей весной подберу ей жеребчика порезвее. – Он слегка улыбнулся. – Возможно, через пару лет я даже договорюсь с твоим сыном, чтобы его вороной чемпион покрыл мою Шебу.

– Ну вот, теперь ты говоришь дело. – Рик наклонился вперед и с размаху опустил руку Канингему на колено. – Кстати, Билли, мне кажется, я заработал небольшую премию.

– Премию? – Канингом мгновенно насторожился. – Мы же договорились, Рик. И я Свои обязательства выполнил.

– Не спорю. Никаких претензий к тебе у меня нет, но... Видишь ли, Билли, на дерби ты загреб целую кучу денег; по моим прикидкам, чистый барыш составил где-то триста-четыреста кусков. – Рик заметил, что на лбу Канингема снова выступила испарина, и его улыбка стала шире. – Ну а если ты начнешь торговать жеребятами, которых она тебе принесет, то через десяток лет у тебя будет завидный капитал. А теперь скажи, разве ты добился бы этого без меня?

– Я заплатил тебе...

– Да, заплатил, только давай посчитаем получше. Во-первых, мне пришлось платить Липски.

– Это была твоя идея, я не имею к этому никакого отношения.

– Послушай, Билли, я – что-то вроде субподрядчика, – принялся терпеливо объяснять Рик. – Что бы я ни делал –

все ради тебя, и ты не должен об этом забывать. Липски прикончил этого старого конюха, а я позаботился о Липски. Мне не хотелось бы вдаваться в подробности и перечислять всех, кого мне пришлось подмазать, но это тоже необходимые издержки, которые ты должен покрыть. Не забывай также, что на данный момент у нас на руках два трупа и дохлая лошадь, и единственный, кто может связать их с тобой, это я...

Он щелкнул пальцами и наклонился еще ближе к Канингему.

– Так что тебе невыгодно со мной ссориться, Билли-бой. А мое расположение будет стоить тебе еще сто тысяч.

– Сто ты... Да это же черт знает что, Рик! Чепуха какая-то. Послушай, разве я мало тебе заплатил? Да ты вообще-то знаешь, сколько это стоит – держать чистокровных лошадей? Даже одну лошадь? Да еще взносы...

– Только не надо со мной торговаться, Билли-бой. Честное слово, не надо.

Приветливая улыбка Рика напоминала теперь оскал черепа, а руку он продолжал держать на колене Канингема, сдавливая его все сильнее и сильнее. Именно так он собирался держать кошелек своего приятеля, по мере надобности выдавливая оттуда крупные суммы.

– Сто тысяч все окупят. Вот тебе мое слово, Билл. Даю тебе неделю на то, чтобы привести в порядок все свои записи и приготовить деньги. Принесешь их сюда за день до Прикнесс. И наличными. – Он убрал руку с колена Канингема и,

весьма довольный собой, откинулся на спинку кресла. – А то я хочу поставить несколько тысчонок на Гейбова жеребца. Полезная это штука – семейные связи...

Он засмеялся и снова наполнил свой стакан.

Семейные связи Келси не принесли ей ничего, кроме жуткой головной боли. Она, разумеется, предвидела, что путешествие на берега Потомака будет не из легких, однако все оказалось гораздо хуже. Отец был в ярости; таким Келси его еще не видела, и ее ничуть не утешало, что его гнев был направлен не против нее. Как хладнокровно заметила Кендис, именно Келси была первопричиной всех проблем.

Милисент сделала все возможное, чтобы осуществить свои угрозы. К счастью, ей не удалось изменить условия завещания деда Келси, но зато она переписала свою последнюю волю. Выражаясь в терминах викторианских романов, у нее больше не было внучки.

Остановив свой автомобиль на подъездной дорожке к «Трем ивам», Келси прижалась пылающим лбом к прохладному рулю. Сцена вышла совершенно безобразной: холодное бешенство Милисент, объявившей о своем решении, шок и ярость отца, кажущиеся хладнокровие и непредвзятость Кендис, которая воспользовалась случаем, чтобы вонзить в Келси несколько стрел, отравленных ядом вины.

Застонав от сильной боли в висках, Келси выключила зажигание. Нет, она и представить себе не могла, что разговор

с близкими ей людьми дастся с такой мукой и болью. Правда, с Милисент они довольно давно были на ножах, так что, казалось, она должна была испытывать одно лишь облегчение, когда нарыв наконец прорвался, но облегчение не приходило. Келси была морально изранена, уязвлена, и даже самые мелкие царапины продолжали саднить.

Мечтая о паре таблеток аспирина, Келси медленно выбралась из машины и потерла руками лицо.

Из-за угла доносилась громкая музыка, и Келси сразу узнала энергический драйв ранних «Роллингов». Мик Джеггер со товарищи как умели выражали свои симпатии к дьяволу и прочим потусторонним силам. Она пошла на звук и остановилась у террасы. Магнитофон на легкомысленном кофейном столике со стеклянной столешницей изрыгал рок-н-ролл, а каменный пол патио был застелен какой-то неопределенного цвета тряпкой, защищавшей его от капель краски. На тряпке был установлен мольберт, а перед ним – в широкой мужской рубашке, свисающей до колен, с волосами, стянутыми простой резинкой в упрямый коротенький хвост, – стояла Наоми с длинной и тонкой кистью в руках. Кончик ее кисти пламенел алым.

Келси подумала, что Наоми действует кистью, словно гибкой рапирой и что она не рисует, а скорее ведет бой с натянутым на подрамник холстом, который и так взрывался небывалыми резкими формами и брызгал яркими красками. Повернутое в профиль лицо Наоми казалось высеченным из

камня, а глаза как будто металы дым и огонь.

Потом Келси пришло в голову, что эта битва, возможно, имеет интимное свойство, поэтому она осторожно попятилась назад, но скрыться не успела. Наоми повернулась к ней, и взгляд ее грозных глаз пригвоздил Келси к земле.

– Извини, я... – начала было Келси, но ее слова утонули в громе рока. Наоми шагнула к магнитофону и убавила громкость, так что из динамиков доносился теперь еле слышный ритмичный стук.

– Извини, – повторила Келси, – я не хотела тебе мешать.

– Ничего страшного. – Страсть и огонь понемногу гасли в глазах Наоми, словно для того, чтобы успокоиться, ей достаточно было не смотреть на холст. – Это один из моих любимых ритуалов. Он помогает мне избавиться от...

Она не договорила и, положив кисть, вытерла руки тряпкой.

– Давненько я не рисовала.

– Как здорово! – Келси подошла поближе, разглядывая резкие мазки яростного цвета. Свежая краска все еще блестела, словно сочась кровью. – Какая первобытная слепая сила! Симфония трех стихий...

– Да, пожалуй... Ты расстроена?

– Черт побери! – Келси сунула руки в карманы. – Похоже, у меня все на лбу написано!

– Просто у тебя очень выразительное лицо, – утешила ее Наоми, вспоминая. Когда-то и ее лицо было таким же и гово-

рило яснее всяких слов. Когда-то... – Как я понимаю, праздничный обед в кругу семьи прошел не лучшим образом?

– Все с самого начала пошло псу под хвост. Из-за меня отец здорово разругался с бабушкой. И я думаю, что теперь между ним и Кендис тоже пробежала трещина. И все из-за меня!

– Из-за того, что ты живешь здесь, – поправила Наоми.

– Из-за того, что я хочу оставаться собой.

Такой, какая я есть! – Келси схватила со столика забытый Наоми стакан чая со льдом и сделала большой глоток. – Милисент вычеркнула меня не только из своего завещания, но и из памяти, и из сердца тоже. Для нее меня больше не существует.

– О, Келси! – Наоми взяла ее за плечо. – Я уверена, что она это не серьезно. Просто она погорячилась.

Стекло звякнуло о стекло, когда Келси поставила стакан обратно на столик.

– А ты? Серьезно?..

Сочувствие и беспокойство, которые испытывала Наоми, немедленно превратились в холодное бешенство.

– Милисент слов на ветер не бросает. Подобное решение как раз в ее духе. Прости, Келси, это я ввергла тебя в неприятности.

– Это мои неприятности! – вспыхнула Келси. – Никто в них не виноват. Всем вам пора понять, что я уже давно способна думать сама за себя, чувствовать и поступать так, как

считаю нужным. Если бы я не захотела жить на твоей ферме, никто бы меня не заставил. Да и приехала я вовсе не потому, что мне жаль тебя, или потому, что мне хочется им досадить. Я здесь ради себя самой.

Наоми вздохнула.

– Ты права, абсолютно права.

– Я уеду, когда захочу или когда мне это будет нужно. Они пытаются стыдить меня, подкупить, бьют на жалость – лишь бы заставить меня бросить то, что для меня важно. Но что для меня важно? Моя семья и «Три ивы». И ты.

– Спасибо... – Наоми сама потянулась за стаканом и поднесла его к губам, чувствуя, как предательски дрожит ее рука.

Келси с трудом удержалась, чтобы не наподдать ногой горшок с геранью.

– Не за что меня благодарить. Ты – моя мать, и ты мне небезразлична. Я восхищена тем, как ты сумела распорядиться своей жизнью. Может быть, я не совсем хорошо представляю те годы, когда тебя..., когда ты была далеко, но ты теперешняя мне очень нравишься. Кроме того, я не собираюсь уезжать отсюда только потому, что так хочется Милисент.

Наоми почувствовала, что ноги не держат ее, и оперлась руками о столик, чтобы не упасть.

– Ты не представляешь... Просто не можешь себе представить, каково мне слышать это от взрослой дочери, Келси. Что теперешняя я тебе нравлюсь. Я очень люблю тебя, Кел-

си.

Весь гнев Келси куда-то улетучился.

– Я знаю.

– Я не знала, какой ты будешь, когда мы снова встретимся. Все эти годы я любила маленькую девочку, которую потеряла. И вот ты приехала в «Три ивы», чтобы дать мне возможность начать все сначала. Я восхищаюсь тобой, Келси, горжусь тобой, как не гордится ни одна мать. И даже если завтра ты уедешь, чтобы никогда не вернуться, знай, что ты все равно дала мне больше, чем я когда-либо надеялась получить.

– Никуда я не уеду. – Повинуясь велению сердца, Келси шагнула к матери и широко развела руки, чтобы обнять ее. – Никуда я не уеду. Мне хочется быть только здесь.

Крепко зажмурившись, Наоми наслаждалась прикосновением, запахом дочери. – Я попробую помочь тебе, – прошептала она. – Я найду способ, чтобы заставить ее смягчиться.

– Не надо. Это не должно тебя беспокоить. – Немного успокоившись, Келси разжала объятия. – Иначе ты сойдешь с ума, как и я.

Настроение ее снова переменилось, и она стала расхаживать из стороны в сторону.

– Как больно и ужасно обидно! – воскликнула она. – Мне даже не верится... Она думала, что мне нужны ее деньги, и пыталась использовать их, чтобы манипулировать мной. Их и мои собственные чувства. Она пыталась диктовать мне,

что я должна делать и как поступать!

– Диктовать – это вполне в духе Милисент. Так было и раньше.

– Она не смогла изменить завещание деда и остановить выплаты из моего фонда попечения. Бьюсь об заклад, это привело ее в бешенство: она – она! – и вдруг оказалась бес- сильна. Бедный папа... Он был очень расстроен и даже на- кричал на бабушку, а ведь раньше он никогда не повышал на нее голос.

– Еще как повышал. – На лице Наоми отразилось что-то вроде мрачного удовлетворения. – Впрочем, это было давно. Я рада, что Филипп принял твою сторону.

– Как бы мне хотелось сказать то же самое, но я несколько не радовалась, нет. Это было ужасно – видеть, как они ссо- рятся, как нарастает отчуждение между папой и Кендис, и знать, что права я или нет, но именно я в этом виновата. Ба- бушка такая.., нестигаемая, она никак не может переломить себя и хоть на минутку поставить себя на место другого че- ловека.

А разве не то же самое говорили о ней самой? – вдруг вспомнила Келси и дернулась как от удара.

– У Милисент есть только два выхода: уступить или уме- реть в одиночестве, – вставила Наоми.

– Мне хочется верить, что они помирятся, – проговорила Келси. – Очень хочется. Что касается нас с бабушкой, то вряд ли мы когда-нибудь придем к компромиссному решению. Во

всяком случае, не после сегодняшнего скандала. Она... Она попыталась использовать против меня даже смерть Горди и открытым текстом заявила, что ты сама наняла кого-то из твоих дружков-головорезов – это ее подлинные слова, – чтобы накачать наркотиками несчастное животное. В конце концов, если ты застрелила человека, то... – Келси смешалась и не договорила.

– ...То что мне какая-то лошадь, – закончила за нее Наоми. – В самом деле – что?

– Извини. – Чувствуя непреодолимое отвращение к самой себе, Келси ожесточенно потеряла все еще гудящие виски. – Я слишком взвинчена.

– Это не имеет значения. Я не сомневаюсь, что многие – слишком многие – думают так же. Почему я, собственно, взялась сегодня за кисть? – спросила она, жестом указывая на холст. – Да потому, что кое-кто начал распространять слухи, будто я убила Горди, чтобы получить страховку. Келси в бессильной ярости сжала кулаки, потом снова разжала.

– Чудовищно! Да в эту чушь не поверит ни один человек, который знает тебя достаточно хорошо.

– К несчастью, в этом нет ничего из ряда вон выходящего. Наш мир не такой уж совершенный, и такие вещи случались. Как говорится, данная версия имеет право на существование, хотя... – Она нахмурила лоб и взяла в руку кисть, словно что-то прикидывая. – Хотя простой арифметический расчет мог бы положить конец этим нелепым домыслам. Разу-

меется, Горди был застрахован на значительную сумму, однако живой он стоил во много раз больше – и как призовой скакун, и как производитель. Просто этот случай вызвал к жизни кое-какие воспоминания. И во мне и, видимо, в других.

Несколько успокоившись, Наоми снова принялась рисовать.

– В тюрьме я только этим и спасалась, – пояснила она. – Это был способ выжить, дать выход эмоциям, и другого я не знала. Там.., там не хочется копаться в своем собственном внутреннем мире, который полон болью, гневом, страхом. Особенно страхом.

– Расскажи мне о тюрьме, – попросила Келси. – Если можешь, конечно... На что это было похоже?

Наоми продолжала молча рисовать. Уже не раз она задумывалась о том, когда же Келси наконец спросит... Именно «когда», а не «спросит ли» – стремление знать все ответы было такой же неотъемлемой составляющей характера Келси, как и ее нетерпимость ко лжи.

Ну что же, придется ей нарисовать еще одну картину, только сделать это надо будет словами, а не кистью и красками.

– У тебя отнимают все... – Наоми сказала это тихо, словно напоминая самой себе, что все это в прошлом. – И не только одежду, хотя это – одно из самых первых унижений, через которые приходится пройти. У тебя отнимают платья, свобо-

ду, права, надежду. У тебя остается только то, что тебе дают взамен, а дают они немного. Ты даже не представляешь, как сильно давит этот надоедливый, раз и навсегда заведенный порядок. Тебе говорят, когда вставать утром, когда принимать пищу – не завтракать или обедать, а именно принимать пищу! – когда ложиться спать. Никого не интересует ни что ты чувствуешь, ни чего ты хочешь.

Келси шагнула вперед и остановилась рядом с матерью. В кустах и кронах деревьев радостно галдели птицы, празднующие весну, воздух был напоен запахами цветов, молодой листвы и масляных красок.

– Ты ешь то, что тебе дают, – продолжала Наоми, – и через некоторое время ты привыкаешь к этому однообразному меню. Ты забываешь, каково это – отправиться в ресторан или просто спуститься ночью в кухню, чтобы пошарить в холодильнике... – Сама того не заметив, она негромко вздохнула. – Для тебя же самой будет проще, если ты забудешь обо всем, что было в той, другой жизни. Если принести с собой за решетку слишком много воспоминаний о свободе, то они сведут тебя с ума, потому что ты постоянно чувствуешь, что все это больше тебе не принадлежит. Из окон тюрьмы видны холмы, цветы, деревья, смена времен года, но они где-то снаружи, за стеной, и не имеют к тебе никакого отношения. Ты перестаешь быть тем, кем ты была раньше. И даже если тебе одиноко, не вздумай сблизиться с кем-то, потому что люди постоянно уходят, и на их место приходят новые.

Наоми переменяла кисть и стала рисовать быстрыми, энергичными мазками, давая выход бурлящим внутри чувствам.

– Некоторые женщины зачеркивали числа в календаре, но не я. Мне не хотелось думать о днях, которые складываются в недели, месяцы, в годы. Да и как я могла о них думать? У других были фотографии детей, они любили рассказывать о своих семьях, о том, что они будут делать, когда выйдут... Семью я потеряла, а думать о будущем – боялась. У меня не было другого выхода, кроме как сосредоточиться на скучной повседневности.

– Ты была одинока, – пробормотала Келси.

– Это и есть самое сильное наказание – наказание одиночеством. Да еще, пожалуй, когда ты постоянно на виду и не имеешь ни одной минутки для себя лично. Ты думаешь, в тюрьме главное – решетки, которые держат тебя внутри и не пускают на свободу? Ничего подобного.

Наоми перевела дух и заставила себя продолжать.

– В личное время можно читать или смотреть телевизор. Нам приносили толстые модные журналы, однако после первых двух лет я перестала в них заглядывать. Слишком тяжело было видеть, как все меняется, пусть даже это такие пустяки, как длина юбки или покрой плеча.

– Тебя никто не навещал?

– Навещали. Отец, Мо... Я не знаю такой силы, которая помешала бы им прийти. И, бог свидетель, я тоже хотела ви-

деть их, хотя потом я и страдала с особенной силой. Только представь себе, Келси, – я видела, как стареет мой отец. Наверное, это было тяжелее всего – видеть, как годы оставляют следы на его лице. Его седина и морщины – вот каким был мой календарь, Келси.

Ну а самым тяжелым был последний год. Адвокаты долго пытались добиться для меня досрочного освобождения, и вот стало известно, что мой приговор может быть пересмотрен. Знать, что свобода так близко и в то же время бояться покинуть мир, в котором просуществовал столько времени, было тяжелее всего. Ведь на свободе некому будет указывать тебе, что и когда делать. Дни еле-еле ползли, и времени для размышлений, для надежды было слишком много, так что последние месяцы перед освобождением я едва выдержала.

А потом, в один прекрасный день, отец привез мне новый костюм. Серый в тонкую полоску, довольно элегантный и строгий. Господи, как у меня дрожали руки! Я не могла даже застегнуть блузку. А когда мы вышли за ворота, солнце буквально ослепило меня, и дело было вовсе не в том, что в тюрьме нас держали в сырых заплесневелых подвалах. Это, кстати, была очень приличная тюрьма, и работали там вполне приличные люди... во всяком случае, в подавляющем большинстве. Дело было в том, что в этот день само солнце показалось мне другим – горячее, ярче, ослепительнее. В первые мгновения я вообще ничего не видела. А потом увидела слишком многое.

Она снова переменила кисти и, прищурившись, поглядела на свою работу.

– Ты и в самом деле хочешь услышать все остальное? – спросила она, не оборачиваясь.

– Да, – пробормотала Келси. – Продолжай.

– Я увидела, каким измученным и старым стал мой отец. Я увидела новый, ослепительно-белый «Кадиллак», в котором отец приехал за мной, чтобы везти домой. Я знаю, что по дороге мы о чем-то говорили, но не помню, о чем. Единственное, что я тогда чувствовала, это что время вдруг понеслось вскачь и что вокруг слишком много людей и машин. И еще я боялась, что что-то вдруг изменится и меня заберут обратно. Или – наоборот – не заберут.

Потом мы остановились у ресторана, чтобы перекусить. Полотняные скатерти, вино, цветы на столе... Все это так на меня подействовало, что отцу пришлось самому сделать заказ, словно я была ребенком. Да я, наверное, действительно не смогла бы – я забыла, как это делается. Я забыла названия блюд, которые мне когда-то нравились. От этого я расплакалась, и отец заплакал тоже. Так мы сидели вдвоем и роняли слезы на белую скатерть, потому что я забыла, каково это – сидеть за столом и выбирать блюда из меню.

Свобода утомила меня, и остаток пути я проспала. Когда я проснулась, отец уже въезжал в ворота, и я увидела, что деревья подросли, что саженцы кизила, которые я сажала сама, превратились во взрослые деревья, которые год за годом цве-

ли и плодоносили.., без меня. Новые обои в гостиной, незнакомая ваза, которой раньше здесь не было, – все эти изменения повергли меня в ужас.

В конюшню я вообще не ходила несколько дней, пока наконец Моисей лестью и уговорами не заставил меня пойти. Там был жеребенок, при рождении которого я присутствовала. Теперь это был могучий жеребец-производитель шестнадцати ладоней ростом. Новые люди, новое оборудование – все было новым. Я так испугалась, что еще неделю после этого просидела дома, а спала с зажженным светом и распахнутой дверью. В первое время я вообще терпеть не могла закрытых дверей, но со временем это прошло. Почти прошло. Потом мне пришлось заново учиться водить машину. В первый же свой самостоятельный выезд я отправилась к твоей школе и увидела там тебя. Маленькая девочка, которую я помнила, выросла и уже училась кокетничать с мальчиками. Мне пришлось примириться с тем, что ты вполне обходишься без меня. И я попробовала начать все сначала.

Наоми отложила кисть и отступила на шаг назад.

– Кончено...

Келси вовсе не была в этом уверена. Картина, возможно, в самом деле была закончена, но чувства, вызвавшие ее к жизни, еще не отбурлили, да и рассказ Наоми был далеко не завершен. И дело было вовсе не в том, чтобы смыть пятно с имени Наоми – за смерть Алека Бредли она заплатила по

самому большому счету. Таким образом, Колей знала конец истории, но ей хотелось разобраться, с чего все началось.

И все же она была потрясена, обнаружив в телефонной книге имя Чарльза Руни. Частный детектив, чьи свидетельские показания сыграли решающую роль во время процесса над Наоми, руководил своей маленькой фирмой в Александрии, штат Виргиния. Из пояснений, набранных мелким шрифтом, Келси узнала, что частное детективное агентство «Руни инвестигейшн сервис» специализируется на наследственных, семейных и уголовных делах. Государственная лицензия, высокий профессионализм и конфиденциальность гарантируются. Первая консультация – бесплатно.

Ну что же, подумала Келси, пожалуй, она попробует получить консультацию.

– Мисс Кел!.. – Герти почти вбежала в комнату, и Келси быстро захлопнула справочник.

– Как ты меня напугала!

– Простите, но этот полицейский опять здесь. – Лицо Герти выражало искреннее негодование. – Все ходит и ходит... Говорит, у него появилось еще несколько вопросов.

– Я с ним поговорю. Наоми на конюшне, не будем ее волновать, ладно?

– Конечно. Хотите, я сварю кофе? Келси ненадолго задумалась.

– Нет, Герти, не надо. Я постараюсь поскорее выпроводить его.

– Чем скорей – тем лучше, – проворчала Герти.

Когда Келси вошла в гостиную, лейтенант Росси встал, и в его глазах промелькнуло искреннее восхищение. Он не мог не признать, что джинсы очень идут Келси, хотя и на вырезке из газеты, опубликовавшей отчет о пресс-конференции и фотографии, она выглядела превосходно. И она, и ее мать...

– Спасибо, что вы нашли время, чтобы принять меня.

– Откровенно говоря, лейтенант, времени у меня не так уж много, но если у вас есть какие-то новости, я готова выслушать вас.

– Увы... – Росси виновато развел руками. У него действительно не было ничего, кроме разочарований. Никаких подозрительных впечатков в комнате Липски, никаких свидетелей, никаких следов, никаких путеводных нитей. – Впрочем, я хотел бы начать не с этого. Позвольте мне принести свои искренние соболезнования в связи с гибелью вашего жеребца на дерби. Я не большой любитель лошадей, но даже копы иногда смотрят скачки. Это было ужасное зрелище.

– Да, – согласилась Келси. – Моя мама была просто потрясена.

– На пресс-конференции она выглядела достаточно спокойной.

Келси скованно кивнула и, жестом пригласив Росси садиться, села сама.

– А вы хотели, чтобы она разнюнилась на глазах у всей страны?

– Конечно, нет. Собственно говоря, меня интересует другое. Мистер Слейтер ведь тоже был на пресс-конференции, так?

– Мы соседи, лейтенант. И друзья. Гейб, кстати, тоже является владельцем, и то, что его жеребец выиграл, да еще при таких трагических обстоятельствах, могло сильно все осложнить. Мы не хотели ненужных слухов и пригласили его, чтобы продемонстрировать, что в наших отношениях ничто не изменилось. А он согласился, чтобы выразить нам свою поддержку.

– Простите, мисс Байден, но, судя по некоторым газетным публикациям, вы с мистером Слейтером не просто друзья.

Гены Байденов пришли ей на помощь и помогли встретить этот нескромный вопрос с ледяным спокойствием и даже с вызовом.

– Это официальное утверждение, лейтенант?

– Просто умозаключение. Причем вполне естественное. Вы оба – красивые молодые люди, к тому же объединенные общими интересами.

Келси никак не отреагировала на его приманку. Впрочем, Росси не очень на это надеялся. Сделав паузу, он добавил:

– Я полагал, что вы сможете мне выяснить кое-какие подробности того, что случилось на Черчил-Даунз.

– Я думала, что вас не интересуют лошади, лейтенант.

– Меня интересуют убийства, пусть даже была убита лошадь. – Он помолчал и добавил:

– Особенно если это связано с расследованием обстоятельств насильственной смерти, которое я намерен довести до конца.

– Вы считаете, что гибель Горди как-то связана с убийством Мика? Но как? Через Липски? Но Липски же умер раньше.

– Да, это так. А насколько мне известно, постороннему человеку не так-то легко пройти в паддок, особенно накануне дерби.

– Совершенно справедливо. Служба безопасности ипподрома внимательно за этим следит. Кроме того, в особых случаях мы нанимаем специальную охрану. – Келси наморщила лоб. – Липски охотился за жеребцом Гейба, не за нашим. А у меня сложилось такое впечатление, что смерть Липски была признана самоубийством. Так вы считаете, что его тоже убили?

– Это еще не подтверждено окончательно, – отозвался Росси. Ничего сверх этого он не имел права говорить, да и не собирался. – Я просто пытаюсь связать концы с концами. Не могли бы вы назвать мне людей, которые официально имеют доступ к вашему жеребцу?

– Конечно, могла бы. Это моя мать, Моисей, Боггс, Рено... Потом еще представитель судейской комиссии, который осматривает лошадей перед стартом, чтобы, так сказать, удостоверить их личности; коновод, который выводит жеребца на старт... Кстати, его зовут Карл Трайлер. Ну, другие

члены нашей команды. – Она быстро перечислила имена.

– А охранник?

– Да, возможно.

– Ну а неофициально? Кто мог проникнуть в конюшню?

Келси отрицательно покачала головой, но ее мозг работал с лихорадочной быстротой.

– В день проведения дерби проскользнуть мимо ипподромной охраны почти невозможно. Вероятно, когда смотришь скачки по телевизору, паддок смахивает на проходной двор, но на Самом деле лошадей стерегут очень внимательно.

– А наркотик? Когда, по-вашему, его ввели лошади?

– В том-то и дело... – Келси вздохнула, стараясь успокоиться. Вспоминать о том дне ей все еще было тяжело. – В крови Горди нашли следы дигиталиса и эпинефрина. Это и убило его – сердце не выдержало. Перед самой гонкой Горди был слегка на взводе, но в этом ничего необычного нет. Мо специально заставлял его нервничать.

– А зачем?

– Некоторые лошади бегут резвее, если перед гонкой их как следует завести. Других, особо нервных, нужно, напротив, успокаивать.

– И как вы этого добиваетесь?

– Ну, особых усилий-то не требуется. О том, что им предстоит, лошади узнают сами. Перед гонкой им дают совсем мало корма и делают легкую проминку. Кроме того, чисто-

кровные лошади легковозбудимы, они очень остро чувствуют общую атмосферу, так что на утренней тренировке их даже приходится сдерживать – им не терпится помчаться во весь опор.

– А лекарственные препараты? Лицо Келси окаменело.

– Никаких наркотиков, лейтенант. Мы не пичкаем наших лошадей ничем, что не было бы официально разрешено или могло нанести вред их здоровью. Та гадость, которую кто-то ввел Горди, заставила его сердце сокращаться чаще, чем допустимо. Плюс его собственный адреналин. Гонка, напряжение скачки, полуторамильная дистанция – вот что убило его.

То же самое Росси прочитал в протоколе о вскрытии лошади.

– А почему жокей не почувствовал, что что-то не так?

Келси стиснула зубы. Она никому не позволит обвинять Рено! Особенно после того, что ему пришлось пережить. Она сама видела, как он страдал тогда и как он страдает сейчас.

– Горди был рожден для того, чтобы бегать, и с первых шагов его учили тому же – бегать. Он не спотыкался, не упрямялся, не пытался сопротивляться жокею. Да вам достаточно просто проглядеть пленку, чтобы понять, что Горди отдавал все силы, чтобы выиграть эту гонку. И погиб. Рено еще повезло, что он не убился при падении и не попал под копыта.

Росси заглянул в свою записную книжку. Видеоотчет о

скачках он видел несколько раз, прокручивая пленку с замедленной скоростью и даже останавливая ее, чтобы лучше рассмотреть отдельные кадры. В конце концов он кивнул.

– Не могу с этим не согласиться. Если бы он упал на дорожку, а не на внутреннюю площадку скакового круга, его наверняка бы затоптали. А судя по тому, как он приземлился, дело едва не кончилось сломанной шеей.

– Слава богу, Рено только сломал ключицу и выбил плечо. Теперь он не сможет участвовать в скачках как минимум месяц..

– Ну хорошо... – Росси закрыл блокнот. – Мне придется переговорить с теми людьми, которых вы мне назвали, чтобы, так сказать, очертить перспективу.

– Я благодарна вам за вашу добросовестность, лейтенант, но я просила бы вас не допрашивать мою мать без крайней необходимости.

– Это была ее лошадь, мисс Байден.

– Я уверена, что вы прекрасно меня поняли. – Келси поднялась с кресла, готовясь защищать Наоми до последнего. – Вам наверняка известно, что стоит за ее нежеланием встретиться с полицией.

– Несколько вопросов...

– Это не имеет значения, лейтенант. Полицейское расследование есть полицейское расследование. И еще... Я не знаю, способны ли вы это понять или нет, но для Наоми это настоящее большое горе. Чисто человеческое горе, лей-

тенант, так что свои вопросы вы можете задать мне или скаковой комиссии.

– Ну, если вы так ставите вопрос, мисс Байден... Я не буду ничего обещать, но пока я не вижу острой необходимости тревожить вашу матушку.

– Благодарю вас. – Келси шагнула вперед, к двери, с явным намерением поскорее выпроводить полицейского. – Кстати, лейтенант, это не вы расследовали дело моей матери?

– Нет, не я. Я тогда учился в полицейской академии и был зеленым, как салат.

– В таком случае мне хотелось бы знать, кто вел то дело.

– Должно быть, капитан Типтон. Джим Тип-тон. Сейчас он уже на пенсии. Я служил под его началом, когда он был лейтенантом, и потом, когда он стал капитаном. Типтон – хороший коп.

– Я в этом не сомневаюсь. Спасибо вам, лейтенант.

– И вам, мисс Байден.

Шагая к своей машине, Росси обдумывал новую идею, которая появилась в его мозгу под влиянием последних вопросов Келси Байден. Лейтенант догадался, что она что-то задумала, и подумал, что и ему, пожалуй, стоит обратиться к прошлому, чтобы предпринять кое-какие раскопки.

Глава 3

– Интересно, почему мне кажется, что я могу заполучить тебя в свою постель только в отеле? – спросил Гейб в странство.

– Гм-мм... – отозвалась Келси, теребя букет ярко-оранжевых тигровых лилий с черным зевом, который Гейб похитил для нее на последнем приеме, посвященном завершению соревнований на приз Прикнесс. – Ну, во-первых, в эти дни было слишком много беготни. А потом ты был слишком занят, раздавая интервью.

– Завтра их будет еще больше.

– Уверенность в себе – вот что мне в тебе нравится, – парировала Келси, сворачивая к лифтам. – Он, значит, будет раздавать интервью, а Дубль тем временем будет заперт в стойле номер сорок. В том самом, где когда-то стояли знаменитые Секретариат, Утвержденный и Поворот на Сиэтл. Ты не суеверен, Слейтер?

– Суеверен? Да, черт возьми. – Гейб первым шагнул в кабину лифта и втащил ее за собой. Прежде чем двери успели сомкнуться с мягким шелестом, его горячие губы уже впились в ее.

– Кнопку... – сумела прошептать Келси и, сминая цветы, просунула руки к нему под рубашку. – Ты забыл нажать кнопку.

Гейб вполголоса выругался и, на мгновение оторвавшись от нее, нажал кнопку нужного этажа.

– Наконец-то мы одни, – проговорил он. – Две недели – это слишком долго. Ровно на четырнадцать дней больше, чем я в состоянии вытерпеть.

– Я знаю. – Она негромко рассмеялась, почувствовав его губы на своей шее. – Просто я была нужна Наоми. Вчера нам просто продохнуть некогда было – мы готовили жеребца к скачкам и пытались отвечать на вопросы, касающиеся расследования. Я мечтала быть с тобой, Гейб, но...

Двери лифта открылись, и она оттолкнула его. Бретелька ее роскошного платья для коктейлей соскользнула – или была намеренно спущена – с плеча, декольте опустилось гораздо ниже положенного, и Келси поспешила восстановить порядок, удивляясь тому, как быстро она утратила контроль над собой. К счастью, в вестибюле никого не было.

– Не можешь понять, довольна ты или смущена?

Келси привычным движением поправила волосы.

– Прекрати читать мои мысли, – приказала она и прижала ногой двери лифта, прежде чем они успели закрыться вновь.

– У тебя или у меня?

Как это все просто и естественно! – поразила Келси. И действительно, что могло быть проще? Они оба ждали этого момента, ждали возможности продолжить то, что они начали в отеле в Кентукки.

– У меня, – решила Келси. – На этот раз твоя очередь

проснуться утром в чужой комнате и обнаружить, что у тебя нет ни одной вещи, чтобы надеть. – Она хихикнула.

– Можно считать это обещанием сорвать с меня штаны и все остальное?

Келси вставила магнитный ключ в прорезь замка, подыскивая достойный ответ, но не успел красный огонек смениться зеленым, как в комнате зазвонил телефон.

– Подумай пока, – бросила она и, толкнув дверь, ринулась к аппарату.

– Алло? – Она бросила помятый букет на журнальный столик и, вынув одну серьгу, поднесла трубку к этому уху. Прижав ее щекой, она взялась за второй сапфир, но пальцы ее неожиданно замерли.

– Уэйд? Как ты узнал, что я здесь? Ах, Кендис...

Она осторожно вынула вторую серьгу и положила ее на стол рядом с первой.

– Я не знала, что ты поддерживаешь с ней контакт... Конечно. Как это мило... Да, черт возьми, я пытаюсь иронизировать.

Сверкнув глазами, Келси бросила быстрый взгляд на Гейба, но снова опустила ресницы. Не говоря ни слова, он подошел к мини-бару, откупорил бутылку белого вина и налил ей полный бокал.

– Послушай, Уэйд... – она сверилась со своими наручными часами. – Воспитанные люди не звонят в половине двенадцатого ночи, чтобы просто поболтать. Как бы там ни бы-

ло, у меня нет ни малейшего желания обсуждать мою мать с тобой. Так что если тебе больше нечего сказать, я...

С несчастным видом она приняла из рук Гейба вино. Разумеется, Уэйд было что сказать – бывший муж Келси не умел быть немногословным.

– Я что, должна тебя благословить?.. Нет, я не хочу быть терпеливой и снисходительной, просто я стараюсь держаться в рамках приличий. – Келси всерьез была намерена сдерживаться, но яд все равно капал с ее языка, выделяясь совершенно непроизвольно при звуках его убедительного и благоумного голоса. – А твоя нареченная имеет представление о том, что, отправляясь в командировки, ты имеешь обыкновение совмещать приятное с полезным?.. Да, я злопамятная, а ты – ублюдок, самодовольный, скользкий, эгоистичный козел! Как ты смеешь звонить мне накануне собственной свадьбы, чтобы успокоить свою совесть?.. Вот как? Нет, я тебя не простила и не собираюсь делить с тобой вину... Да, ты прав, Уэйд. Я все такая же несгибаемая, просто я перестала мечтать о том, чтобы ты умер долгой мучительной смертью. Теперь я хочу только одного – чтобы на улице тебя переехал грузовик. Если тебе нужно отпущение грехов – обратись к священнику!

Келси с такой силой опустила трубку на рычаги, что аппарат жалобно тренькнул.

– Так его! – пробормотал в наступившей тишине Гейб и чокнулся с Келси своей жестянкой с кокой. – И часто он тебе

звонит?

– Каждые два месяца. – Келси раздраженно пнула ногой ни в чем не повинный журнальный столик, потом сорвала с ног туфельки и швырнула их через всю комнату в коридор. – Поболтать ему захотелось! Так я и поверила. «Если мы с тобой больше не муж и жена, почему мы не можем быть друзьями?» – передразнила она. – Я тебе скажу почему! Никто не смеет меня обманывать.

– Я это учту. – Гейб внимательно рассматривал Келси, раздумывая, дать ли ей время остыть или сразу отнести в спальню, чтобы там она избавилась от переполнявшей ее энергии, к его и собственному благу.

– Завтра этот болван женится. Он, видишь ли, вбил себе в голову, что я должна услышать об этом от него, поэтому он позвонил Кендис. Они до сих пор принадлежат к одному клубу, так что... – Она глотнула вина и поняла, что не чувствует вкуса. – Это Кендис рассказала ему, как меня можно найти... Как будто у него до сих пор есть право знать обо мне все. Или как будто мне не все равно, женится он или нет...

– А тебе все равно? – Гейб протянул руку и поймал оставленный Келси стакан, который едва не кувыркнулся на пол.

– Нет. – Келси захотелось швырнуть еще что-нибудь, и она остановила свой выбор на справочнике для туристов. Жалобно шелестя страницами, толстая книга отправилась вслед за туфлями и с тупым стуком приземлилась где-то в прихожей. – Какого черта он звонит мне каждый раз, когда ему

грустно? Разве что ему хочется, чтобы я почувствовала себя виноватой.

– В чем?

– В том, что он теперь с другой женщиной. И мне очень трудно ему не поддаться – сама не знаю почему. Я сразу возвращаюсь в прошлое и вспоминаю, какой подходящей партией он мне казался. Должно быть, мы действительно казались счастливой молодой парой. После пышной свадьбы мы сразу отправились в романтическое двухнедельное путешествие на Карибы, а потом поселились в очаровательном маленьком коттеджике в престижном районе Джорджтауна. Мы оба были из хороших семей, и друзья у нас подобрались такие же. Закрытые клубы, помпезные вечеринки, изысканное общество... Только теперь, оглядываясь назад, я начинаю понимать, что никогда не любила его.

Ее взгляд полыхнул огнем, но пламя праведного гнева сразу съежилось и погасло. Лишь жаркие искорки дрожали где-то в глубине глаз.

– Будь осторожна, Келси. Я не мошенник, но это не значит, что я всегда играю честно, – предупредил ее Гейб. – И мне плевать, что ты сейчас расстроена. Если ты скажешь лишнее, я это запомню и использую против тебя же.

– Я сама не знаю, что говорю. – Келси вздрогнула и бессильно опустила руки. – Просто когда я сейчас говорила с ним, я поняла, что вышла за него замуж только потому, что все в один голос убеждали меня в том, как он мне подходит.

И еще потому, что это казалось мне вполне естественным и логичным. Я хотела, чтобы все было хорошо, я прилагала все силы, чтобы спасти наш брак, но что я могла? С Уэйдом я никогда не испытывала ничего подобного тому, что заставил испытать меня ты. – Ее голос упал почти до шепота. – Никто не доставлял мне столько удовольствия.

Гейб поставил на стол баночку с кокой, неожиданно осознав, что его пальцы оставили на жестянке глубокие вмятины.

– Ни один человек никогда не скажет тебе, что я – подходящая для тебя партия.

– А мне плевать.

– Я терпеть не могу закрытые клубы и не люблю ходить на весенние балы.

– Я и не прошу тебя их любить.

– Завтра мне может попасть шлея под хвост, и я поставлю все, что у меня есть, на один оборот колеса.

Келси очень хорошо представляла себе, как Гейб это продвигает, но ее судорожно сжатые пальцы расслабились и спокойно легли на подлокотники кресла.

– Мне кажется, колесо уже вращается вовсю. Может быть, ты просто недостаточно азартный игрок, чтобы сделать ставку.

– Ты никак не можешь разобраться в своих чувствах ко мне! – Эмоции захлестнули его с такой силой, что, схватив Келси за плечи, Гейб едва не оторвал ее от пола. – Но ты

стараешься! Боже, я буквально слышу, как в этой прелестной головке со скрипом поворачиваются шестеренки. Но ты пока ничего не знаешь наверняка.

– Ты мне нужен. – Сердце Келси отчаянно забилося в груди. – Я никогда никого не хотела так, как хочу тебя.

– Но я заставлю тебя отдать мне все и даже больше. Стоит мне зацепиться, и меня уже не стряхнешь. Если бы ты была похитрее, ты десять раз подумала бы о последствиях, прежде чем затевать интрижку со мной. И скорее всего ты бы убежала без оглядки!

Келси покачала головой, но Гейб уже подхватил ее на руки.

– Слишком поздно.

– Как и для тебя, – пробормотала она, устраиваясь так, чтобы дотянуться губами до его шеи. – Я не убегаю, Гейб. Я бегу за тобой.

Она знала, что ей теперь делать, чего ждать, на что надеяться и о чем молить. О страсти, об исступлении и любви... Келси почти мечтала о боли, зная, что Гейб сумеет и успокоить ее, и снова заставить изнывать от страсти, пока каждая жилка в ее теле не задрожит, словно под током. И счастьем было осознавать, что и он сам испытывает такое же желание, задыхается от страсти, вскрикивает от наслаждения, которым они щедро одаривали друг друга с каждым прикосновением.

Не выпуская друг друга из объятий, они попятились, спо-

ткнулись о кровать и рухнули на нее, лихорадочно сражаясь с пуговицами и крючками, пока одежды не пали с них на-земь, словно осенние листья. Они стремились поскорей обнажиться, чтобы испытать наслаждения, рождаемого простым прикосновением к коже, чтобы надышаться запахом друг друга и попробовать на вкус солоноватую упругость тел, ибо все это было лишь восхитительной прелюдией к утолению их самого главного желания.

Вот рука Гейба скользнула по ее отвердевшим грудям к бедрам. Ощущение, рождавшееся у него в кончиках пальцев, было удивительным; он отчетливо представлял каждый дюйм этого желанного тела, каждый его мягкий изгиб, каждую ямочку. словно слепой, исследующий при помощи рук фактуру и форму, он изучал ее тело, которое знал уже так хорошо.

Келси... Она была всем, чего Гейб хотел в жизни, за что сражался и рисковал. И вот она трепещет под ним, нетерпеливая, жадная. Его, только его...

Ее тело неожиданно взвилось вверх, и вот Келси уже оседлала его. Одним неуловимо быстрым движением она заключила Гейба в тесном пространстве между горячими, влажными стенами и выгнулась назад, чтобы принять его в себя сколь возможно полнее. Ее руки слепо зашарили по одеялу, потом поймали его пальцы и уже не отпускали больше, пока оба неслись навстречу безумию.

Последнее, о чем Гейб успел подумать, это о том, что те-

перь действительно слишком поздно. Слишком поздно для них обоих.

Утро выдалось ненастным. Плотные тучи затянули небо, воздух казался плотным и сырым, а все цвета поблекли и приобрели серо-свинцовый оттенок. Время от времени из облаков проливался холодный дождь, и его крупные капли падали на землю, словно острые жалящие стрелы. Несмотря на непогоду, на скаковом круге суетились люди и машины, заново рыхла и разравнивая жирную темно-коричневую землю. Дорожка в Пимлико была хорошо дренирована, но рабочие и персонал ухаживали за ней с таким тщанием и любовью, с какими иной конюх не ухаживает за доверенным его попечению скакуном.

Дождливая погода не испугала ни зрителей, ни прессу. Перед стартом первой скачки трибуны были уже полны; яркие зонтики плыли над серой толпой, словно разноцветные осенние листья по лужам; в помещении клуба тоже было не протолкнуться – здесь, в сухости и тепле, владельцы пили пиво с креветками и внимательно следили за событиями на экранах установленных здесь мониторов.

Из-за погоды Колей пришлось отказаться от полотняного платья, которое она планировала надеть с самого начала, и облачиться в джинсы и башмаки. Зато благодаря этому рабочему костюму она могла оставаться в конюшне сколько угодно времени и не торопясь украшать лилиями светлую гриву

старого Юпитера, которому была доверена честь выводить Прилива на старт.

Ничто, по мнению Келси, не располагало к размышлениям больше, чем дождливый день.

Шесть месяцев тому назад она даже не подозревала о существовании Наоми. Она не знала мира, неотъемлемой частью которого она теперь стала, и не интересовалась им. Два года она плыла по течению, преследуемая горестными мыслями о своем неудачном браке и о некоторых своих особенностях, которые она порой воспринимала как отсутствие сексуальности. Работа, которая у нее была тогда, более или менее ее удовлетворяла, и все-таки Келси частенько задумывалась о том, чтобы бросить надоевшее место и подыскать что-нибудь новенькое.

Что именно? Этого она не знала. Всегда подворачивалась какая-то новая работа, новое занятие, новое путешествие. Келси нравилось считать, что эти беспорядочные, судорожные метания стимулируют ее мозг, однако на самом деле они были просто попытками заполнить пустоту, в самом существовании которой она боялась себе признаться и природу которой не в силах была понять.

Не занята ли она тем же самым сейчас? Не пытается ли она использовать «Три ивы», Наоми, Гейба, чтобы заполнить пустоту внутри, заткнуть трещины, появившиеся в стенах ее одинокой башни? Может быть, пройдет время, и она снова отправится дальше по течению с новым разочарованием в

неудовлетворенной, ищущей душе? Или ей все же стоит довериться чувствам, прорастающим в ее душе? Отношения Келси с матерью, становившиеся с каждым днем все более близкими и доверительными, прошли долгий путь от гнева и подозрительности до уважения и любви. Почему бы ей – хотя бы просто для разнообразия – не признать, что она не просто нашла свое место на ферме, но и заслужила его?

А Гейб? Может быть, стоит перестать предаваться рефлексиям и самоанализу и начать наслаждаться тем, что между ними происходит? Вчерашней ночью, когда они лежали в одной постели, у Келси не было никаких сомнений на сей счет. И никакие мысли не помешали ей разбудить его на рассвете, чтобы заняться неторопливым и спокойным сексом.

Возможно, во всем виновата ее неизменная, словно раз и навсегда высеченная в камне, шкала ценностей, ее непримиримый максимализм в восприятии хорошего и плохого, черного и белого, равно как и гипертрофированное чувство долга и ответственности. Если бы не это, разве могла бы Келси позволить Наоми питать какие-то надежды, сама толком не зная, как долго она пробудет на ферме? Разве завела бы она любовника, разве наслаждалась бы близостью с ним, если никто из них даже шепотом не произнес «люблю...»?

Да, наверное, она слишком непреклонна и упряма. Если человек не способен радоваться самым простым и естественным вещам, не пытаясь искать за ними скрытый смысл, то

что можно сказать о его характере? Или сегодняшняя хандра Келси хотя бы отчасти объясняется тем, что ее бывший муж снова женится и, быть может, в эти самые минуты, пока она вплетает цветы в лошадиную гриву, как раз приносит клятвы любви и верности? Те самые клятвы, которые он однажды уже нарушил?

Хватит об этом думать, перебила Келси сама себя. Все это в прошлом; ей же надо глядеть вперед, благо она чувствовала, что больше не плывет по течению. У нее появилась цель, и вместе с ней – множество вопросов, на которые она хотела бы найти ответы. Логика подсказывала Келси, что начинать следует с самого начала – с событий двадцатилетней давности, и она уже твердо решила, что в понедельник утром первым делом позвонит Чарльзу Руни и попросит его о встрече.

Когда они выходили в паддок, дождь в очередной раз прекратился, и сквозь разрывы в облаках проглянули лучи нежаркого солнца, осветившие мокрые крыши и падающие с карнизов капли. Водосточные трубы музыкально журчали, а дождевая вода растекалась по земле, превращая ее в грязь.

Прикрыв глаза рукой, Келси исподтишка бросила взгляд на Боггса. За две недели, прошедшие после дерби, он сильно постарел и казался незащищенным и растерянным. Келси знала, что его назначили конюхом Прилива не только за его профессиональные качества, но и для того, чтобы помочь ему скорее оправиться после гибели Горди.

– Дождь нам на руку, – сказала она Боггсу, надеясь хоть

немного развеять его печаль. – Прилив любит мокрую дорожку.

– Добрый жеребец, – отозвался Богге, растерянно потрепав чалого Прилива по шее. – Спокойный и добрый. Может быть, сегодня он преподнесет нам сюрприз.

– По последним данным, на нас ставят пять к одному.

Боггс пожал плечами. Размеры ставок его не волновали.

– Он не много бегал в этом году, поэтому люди не знают, на что он способен. Как бы там ни было, он заканчивал гонку в призах чаще, чем оставался в битом поле. Если его попросить, он пройдет как надо.

Но не как Горди. Боггеу не нужно было произносить это вслух – Келси и так поняла его.

– Тогда я попрошу его. – Келси подошла к жеребцу и, встав возле его головы, потянула за уздечку так, чтобы заглянуть коню в глаза. Они показались ей мудрыми и, как верно подметил Боггс, добрыми.

– Ты ведь побежишь, маленький? Так быстро, как только можешь?.. Молодец, зайчик, вот увидишь, как все будут рады...

– Ты не просишь его выиграть? – Наоми неслышно подошла сзади и положила руку на плечо Келси. Этот внешне обыденный жест почему-то особенно трогал обеих, и, прежде чем ответить, Келси на мгновение замерла, наслаждаясь ласковым и дружеским прикосновением.

– Нет, – сказала она наконец. – Иногда победа бывает не

так важна, как стремление победить. – Оборачиваясь к Наоми, она заметила Рено, печально стоявшего в сторонке. Его рука все еще была в лубке, а осунувшееся лицо казалось бледным и изможденным.

– Встретимся в ложе через пару минут, – бросила она и поспешила к жокею.

– Я знала, что увижу тебя здесь, – приветствовала она Рено. – И очень рада.

– Вот... – Рено грустно улыбнулся. – Не смог усидеть дома.

Он и вправду твердо решил остаться дома, ибо меньше всего ему хотелось, как говорят жокеи, «стоять с палочкой» – то есть наблюдать с трибуны за тем, как другие сражаются за победу и берут призы.

– Думал, посмотрю по телевизору, но... В общем, опомнился я только в такси, на полпути к ипподрому.

– Ничего, скоро ты снова будешь в седле. Странная судорога исказила лицо жокея, и он поспешно отвернулся от Келси, от дорожки, от лошадей.

– Не знаю, хватит ли у меня смелости, – глухо пробормотал он. – Этот конь заслуживал лучшего, а я...

– И ты тоже, – тихо сказала Келси. Санчес покачал головой.

– Я всю жизнь мечтал о победе на дерби. Можно переменить дюжину лошадей, выиграть дюжину скачек, но дерби только одно. И оно уже в прошлом.

– На будущий год состоится еще одно дерби, – напомнила Келси. – Дерби проводится каждый год.

– Не знаю, захочу ли я еще раз попытать счастья. – Жокей поглядел через плечо Келси, и лицо его вдруг застыло. – Ну ладно, удачи вам сегодня, – быстро попрощался он и отошел. Келси обернулась.

Лейтенант Росси заметил поспешное бегство Санчеса и мысленно занес его в свою записную книжечку. Келси, похоже, тоже не выказывала особенной радости при его появлении, однако такой пустяк не мог смутить лейтенанта. Подойдя к ней, он сказал:

– Пасмурный сегодня денек.

– Минуту назад мне казалось, что погода начинает проясняться.

Росси улыбнулся, показывая, что понял намек.

– Я тут решил прогуляться и, может быть, получить дружеский совет насчет исхода сегодняшней скачки.

– Вряд ли у вас что-то получится, лейтенант. – Келси повернулась и медленно пошла к конюшне. Она знала, что от полицейского так просто не отделаться, и на лице ее появилось выражение усталой покорности судьбе. – Вы чересчур похожи на копа.

– Профессия накладывает свой отпечаток, мисс Байден. Так вот, насчет совета... Я не считаю себя великим знатоком лошадей, но ваш сегодняшний жеребец показался мне слишком маленьким. Я прав?

– Так и есть – его рост составляет всего четырнадцать ладоней. Но вы, наверное, пришли сюда не для того, чтобы говорить о лошадях?

– Вот и ошиблись, мисс Байден. Именно о лошадях я и намерен с вами побеседовать. – Он протянул ей пакетик арахиса и, когда Келси отрицательно качнула головой, выбрал себе орех покрупнее и громко хрустнул.

– Я предпринял кое-какие исследования, и мне сказали, что существует довольно много способов умертвить лошадь, не оставив следов. Некоторые из них довольно жестоки.

– Да, я знаю.

Хотя лучше бы мне этого не знать, подумала Келси. Мэтт Ганнер долго отнекивался, но, когда она загнала его в угол и потребовала ответов на свои вопросы, сдался и выложил все, что ему было известно. Можно было убить лошадь, загнав ее в лужу и поднеся к носу два провода, соединенных с контактами аккумуляторной батареи. Убийство, совершенное этим жестоким и хитрым способом, иногда можно было и не распознать, если только ветеринар не заметит в ноздрях следов от ожогов. Но еще хуже был способ, когда в ноздри коню вставляли шарики от пинг-понга. Лошади не умеют дышать ртом, и вытолкнуть шарики им тоже не под силу. В результате несчастное животное погибало долгой, мучительной смертью от удушья.

– Но ваш жеребец Гордость Виргинии, – продолжал между тем Росси, – был не просто убит. Он был убит на глазах

миллионов телезрителей и болельщиков. Тот, кто это сделал, сильно рисковал, а преступники, как правило, не склонны подвергать себя излишней опасности. Вот я и подумал, что это было сделано с умыслом, с дальним, так сказать, прицелом. И кто-то, несомненно, что-то на этом выгадал, заработал. Скажите, мисс Байден, кому было выгодно публично скомпрометировать вашу мать?

– Понятия не имею, – машинально откликнулась Келси и вдруг остановилась. Подобное предположение, исходящее из уст лейтенанта, могло означать только одно: в его глазах Наоми из подозреваемой сделалась жертвой. – А вы серьезно думаете, что кто-то пытался скомпрометировать ее? – спросила она с неподдельным интересом.

– На мой взгляд, эта версия заслуживает внимания, – спокойно сказал Росси. – Правда, жеребец был застрахован на большую сумму, однако, насколько мне известно, в «Трех ивах» нет никаких серьезных проблем с наличностью. В перспективе этот жеребец мог принести значительный доход хотя бы как производитель, так что у вашей матери, которая широко известна своим трезвым и в высшей степени деловым подходом к вопросам бизнеса, вряд ли могли быть корыстные мотивы для совершения данного преступления. Остается Слейтер...

– Он не имеет к этому никакого отношения! – с горячностью перебила Келси.

– Ваш ответ продиктован личными чувствами, – возразил

Росси, скрыв, что именно такого ответа он от нее и ожидал. – Так что давайте ненадолго отвлечемся от ваших симпатий и антипатий и проанализируем всю ситуацию хладнокровно. Вам, должно быть, известно, что для того, чтобы расследовать убийство – любое убийство, – нужно выяснить, кому оно было выгодно. Надеюсь, вы не станете отрицать, что мистер Слейтер очень хотел выиграть дерби и, возможно, заработать на тотализаторе большие деньги. Но дело-то как раз в том, что это печальное событие бросает тень на него самого и на его победу. Вот я и спрашиваю себя, стоило ли одно другого? Насколько мне известно, его жеребец скорее всего и так был бы первым, так зачем же ему понадобилось, извините, самому себе наплевать в кашу? Да еще на глазах у стольких людей? Лично мне мистер Слейтер показался довольно умным человеком.

– Не личными ли чувствами продиктовано ваше заключение, лейтенант? – не без иронии осведомилась Келси.

– Отнюдь, мисс Байден. Мистер Слейтер далеко не единственный, кому гибель вашего фаворита могла принести дивиденды. Есть его тренер, его жокей – они ведь тоже получают свой кусок призового пирога. Да и любой человек из тех, кто играет на скачках по-крупному, – был бы не прочь спутать карты и отхватить куш.

Келси язвительно рассмеялась и оглядела битком набитые трибуны.

– Это, конечно, сужает круг поисков, лейтенант.

– Гораздо больше, чем вы думаете, – парировал Росси и не без самодовольства поглядел в ту же сторону. – Гораздо больше, коль скоро это связано с двумя убийствами. Кому Липски доверял – или кого он боялся – настолько, чтобы подпустить к себе достаточно близко? Может быть, это был человек, которого он хорошо знал? Работал с ним? Или работал на него? Не забывайте, мисс Байден, в той гонке было не две лошади, а гораздо больше. Да и дерби – это не только церемония награждения...

Келси снова остановилась, чтобы посмотреть лейтенанту в лицо.

– Почему вы все это мне говорите?

– Потому что вы – свежий человек. Вы в состоянии увидеть гораздо больше, чем все остальные. – Росси замолчал, чтобы разгрызть еще один орех. – И вы – человек не посторонний. Во всяком случае, ваши отношения с мисс Наоми... Не всем они по душе, Келси поняла, что лейтенант неплохо осведомлен о ее семейных обстоятельствах. Что ж, следовало ожидать, что он попытается выяснить подробности ее биографии.

– Это семейные дела, лейтенант. Они не имеют никакого отношения к убийству.

– Я мог бы рассказать вам десятки любопытных случаев, но ограничусь лишь тем, что скажу: семейные дела заканчиваются убийством намного чаще, чем все остальные. Могу показать официальные статистические данные. Я просто

прошу вас быть внимательной.

– Я достаточно внимательна, лейтенант. – Келси остановилась, не желая, вести Росси дальше к конюшням, чтобы Наоми не увидела его и не расстроилась. За считанные минуты до старта это было бы ни к чему. – А теперь, если позволите, я хотела бы присоединиться к моей матери. У нас много дел.

– Удачи вам! – Лейтенант взмахнул рукой, достал из пакета еще один орех, с видимым удовольствием положил его в рот и разгрыз. Что-то подсказывало ему, что расколоть Келси Байден будет гораздо труднее.

Келси вошла в бокс как раз в тот момент, когда конюхи начали седлать лошадей.

– Я уж думала, ты не придешь, – сказала Наоми.

– Я кое-кого встретила, – пробормотала Келси и перевела взгляд на Гейба. Быть здесь – как это похоже на него, подумала она. Стоять с ними, вместо того чтобы присматривать за своим вороным, как делали это другие владельцы. Взяв его за руку, Келси быстро ее пожала. – Как насчет дополнительной ставки, Гейб?

– Ты все еще должна мне за первый раз, – напомнил он.

– Тогда пусть будет двойная ставка. Дело того стоит. – Келси поднесла к глазам бинокль и стала внимательно рассматривать выходящих на старт лошадей.

– Итак, твой вороной будет первым у столба и выиграет у ближайшего преследователя примерно два корпуса. Трек

сильно размок, но я уверена, что время Дубля будет не больше минуты и пятидесяти восьми секунд. Наш жеребец придет третьим с результатом две-двенадцать.

Гейб удивленно приподнял бровь. От такого пари не отказался бы ни один мужчина. Так ли, эдак ли, здесь не проиграешь, решил он.

– Раздался стартовый выстрел. Дубль и его жокей с самого начала совершили стремительный бросок и захватили лидерство. Келси даже подумала, что оба – и конь, и всадник – чувствовали, что им необходимо доказать. Кроме того, Дубль был настоящим чемпионом, крэком экстракласса, который не нуждался в понуканиях и кнуте, чтобы, оставив позади группу, стрелой лететь к финишу. На первом повороте он был впереди уже на полкорпуса, в то время как арканзасский гнедой и алый кентуккиец отчаянно боролись за второе место.

И снова Келси забыла обо всем, наблюдая за перипетиями борьбы. Прижимая к глазам бинокль, она мысленно торопила участников скачки, видя только их – залепленных грязью могучих бойцов и их застывших в стременах всадников, а не трагическое падение Горди, которое, как она опасалась вначале, будет еще долго преследовать ее.

Вот только туман и дождь, мелкий и по-осеннему холодный, смазывали картину, заставляя окружающее расплываться. Да, это, конечно, только дождь...

Между тем Дубль выигрывал уже целый корпус. Крас-

но-белые бинты на его ногах давно стали желтовато-бурыми от грязи; жокей на стременах был похож на летящий по ветру плюмаж ярких перьев на спине скакуна, и Келси неожиданно для себя засмеялась громким и счастливым смехом.

И в этот момент от основной группы отделился Прилив, отделился столь неожиданно, что у Келси захватило дух. Напрягая все силы, он выбрасывал вперед длинные сухие ноги, пожирая пространство и взрывая копытами раскисшую мокрую землю. И столь велика была его жажда борьбы, славы, победы, что он начал нагонять ведущую тройку.

Между тем Дубль продолжал наращивать свое преимущество, и толпа на трибунах ревела, подбадривая его нестройными пронзительными криками. В этом шуме утонули все остальные звуки, включая и громовой топот копыт, и Келси казалось, что громче уже и быть не может, но тут Прилив стремительным броском вырвался на третью позицию, и трибуны грянули так, что у Келси чуть не лопнули барабанные перепонки.

Да, это был боец! До финиша оставалось совсем немного – пройти последний поворот и короткий отрезок прямой до столба – и Прилив понесся во весь опор, понемногу нагоняя лидеров.

– Боже мой, мама! Ты только посмотри на него!

– Я вижу... – Слезы смешивались на лице Наоми с дождевой водой, и она крепко обхватила Келси за талию.

Скачка финишировала. Букет огненно-черных лилий до-

стался вороному Дублю, но Прилив сумел обогнать арканзасского жеребца и был у столба вторым.

– Он сделал это! – Келси выпустила из рук бинокль на ремне. – Молодец, малыш!

Она бросилась к Наоми и крепко обняла мать, громко смеясь от радости.

– Никто из нас даже не мог себе представить, что так будет! Никто из нас не верил!.. – Келси выпустила Наоми и, повернувшись к Гейбу, повисла у него на шее. – Поздравляю! А какое время? Какое время показал Дубль?

Гейб протянул ей секундомер и улыбнулся, когда Келси нетерпеливо выхватила его у него из рук. Секундомер показывал одну минуту и пятьдесят семь минут с четвертью.

Она снова засмеялась, не обращая внимания на дождевую воду, которая стекала с мокрых волос на лицо.

– Габриэл Слейтер, вы только что выиграли Прикнесс – второй бриллиант всеамериканской Тройной Короны. Какие ваши дальнейшие планы? Вы отправитесь праздновать победу в Диснейленд или?..

– Я поеду в Бельмонт, – Гейб улыбнулся и, подхватив Келси, закружил ее в воздухе и поцеловал. – Мы поедem в Бельмонт!

Внутри помещения клуба Рик Слейтер улыбнулся экрану монитора, на котором появилось изображение его сына и Келси, и одним глотком прикончил почти полстакана вы-

держанного виски. Красивая пара, подумал он. Двадцать лет назад такую же пару могли бы составить он сам и Наоми, если бы эта сучка не слишком задирала нос.

Эта мысль промелькнула в его затуманенном алкоголем мозгу и исчезла. У него было о чем подумать, кроме этой смазливой мордашки, и было что праздновать.

Десять из ста тысяч долларов, которые ему удалось выдохнуть из Канингема, он поставил на Дубля и теперь был весьма доволен выигрышем.

Во всяком случае – пока...

– Надеюсь, ты не будешь возражать, если я... – Негромко хлопнув пробкой, Келси ловко открыла шампанское. Она уже выпила несколько бокалов легкого, искристого вина в номере у Наоми, но до конца вечера было еще далеко.

– Я намерена прикончить всю бутылку, – заявила она. – И, возможно, стану совсем пьяная.

Гейб сидел в кресле, по обыкновению вытянув перед собой скрещенные ноги. Он мечтал о долгом горячем душе для двоих, но теперь решил, что это может подождать. Ему было любопытно, какие еще признания могут сорваться с языка Келси после бутылки шампанского.

– Ты же знаешь – я не употребляю спиртного, но это не мешает мне любоваться тем, как ты напиваешься, – заметил Гейб.

– Да, и напьюсь! – решительно сказала Келси, наливая

первый бокал и разглядывая золотистые пузырьки, которые устремились к поверхности со дна высокого и узкого бокала. – Между прочим, я еще ни разу в жизни не напивалась до положения риз. Пару раз я была близка к этому, но мне всегда удавалось вовремя остановиться.

Она отпила большой глоток и экспансивно взмахнула рукой, чудом не расплескав остатки шампанского.

– Воспитание, черт его дери! В клубе нельзя надраться, потому что пойдут разговоры. На вечеринке тоже нельзя сорваться с цепи – станешь предметом сплетен и пересудов. – На этот раз она взмахнула бутылкой. – Байдены не могут себе этого позволить!

– А что они могут себе позволить?

– О-о... Много чего. Байдены обязаны служить примером для подражания, вызывать уважение, восхищение, а для этого необходимы порядочность и безупр., безупречное поведение.

Келси закрыла один глаз, поскольку окружающее начинало понемногу двоиться, и наполнила свой бокал.

– Ну и черт с ними со всеми, – закончила она решительно. – Пусть почешут языки. Мы ведь победили, верно? Я до сих пор не могу поверить...

– Да, победили. – Гейб улыбнулся ей. Келси стояла на ковре босиком; ее волосы наконец высохли и приобрели цвет бледного золота.

– Все наши были просто подавлены, – продолжила она. –

Конечно, они старались не падать духом, но это было не так-то легко. Я встретила Рено в паддоке... Знаешь, у меня чуть сердце не разорвалось на него гляючи... – Она вздохнула и, сделав глоток шампанского, решила, что ей нравится стоять посреди вращающейся комнаты. Не выпуская из руки бокала, Келси дважды повернулась вокруг собственной оси, стараясь ускорить это восхитительное вращение.

– Сделай это еще раз, – попросил Гейб, которому понравилось смотреть, как плавно взлетали и опадали за спиной Келси ее пушистые волосы.

– Пожалуйста. – Келси озорно захихикала и совершила еще один оборот. – Видишь, все мои занятия – в том числе и уроки балета – тоже пригодились. Они приучили мое тело и мозг к диц., дисциплине. Погляди на мое тело – на нем кирпичи можно колоть!

– Я уверен, что найду для твоего тела лучшее применение, – хладнокровно вставил Гейб.

Келси снова рассмеялась, зная, что ему это вполне по силам и что в самое ближайшее время он действительно будет проделывать с ее телом самые удивительные и волшебные вещи.

– Мы говорили о скачках, – напомнила она. – Надеюсь, что после сюрприза, который устроил сегодня Прилив, Рено немного приободрится. Ты же сам видел, как радовались Наоми и Моисей. И даже Боггс немного оттаял... Бедный старый Боггс! Он до сих пор казнит себя за то, что не удержался

и поставил в тот день на Горди, хотя, конечно, Горди погиб не из-за этого. Просто некоторые люди умеют находить связь между событиями, которые никак друг с другом не связаны. Вот и Росси тоже из таких...

– Росси?

– Угу. – Келси налила себе еще один бокал, а потом начала рассеянно расстегивать пуговицы на блузке. – Он тоже был здесь, говорит – приехал на скачки. Лейтенант говорил со мной... Или, скорее, я с ним. Похоже, в последнее время он преследует тебя просто как тень, все высматривает, вынюхивает, ищет подтверждения своим теориям. Знаешь, что он мне сказал? Что кто-то хотел навредить Наоми. Но почему? Почему кому-то понадобилось делать ей больно и заставлять людей гадать, не она ли сама все это подстроила?

Гейб с трудом оторвал взгляд от плавного, совершенного в своей красоте изгиба ее груди, показавшейся из-под расстегиваемой блузки. Почему-то ему казалось, что он должен сосредоточиться на словах Келси.

– Росси так думает?

– Кто знает? – Келси небрежно пожала плечами. – Этот тип, по-моему, никогда не скажет откровенно, о чем он думает на самом деле. Он... Ты следишь за моей мыслью? – перебила Келси сама себя и, не дождавшись ответа, промолвила:

– Мне кажется, он специально говорит такие вещи, которые застревают в голове и начинают сводить тебя с ума. Сла-

ва богу, он, похоже, на самом деле перестал смотреть на Наоми как на подозреваемую.

Она победно улыбнулась.

– Но за тобой, Слейтер, лейтенант пусть вполглаза, но приглядывает!

– Я в этом не сомневался.

– Но только вполглаза... – Келси снова закрыла один глаз, а второй сощурила, чтобы показать, как Росси приглядывает за Гейбом. – На самом деле он не думает, что это ты.

– В устах лейтенанта это почти что комплимент. – Гейб снова сосредоточился на грудях Келси, которые уже почти полностью показались из-под тонкой шелковой блузки. – Осталось еще две пуговики, дорогая.

– Сейчас, сейчас... Я никогда не устраивала стриптиз ни для одного мужчины.

– Значит, я буду первым.

Келси ухмыльнулась и, прикрыв глаза, нашарила пуговицу на джинсах.

– Он действует мне на нервы, этот Росси. Из-за него я опять начала вспоминать все, что случилось на дерби. Как я любовалась лошадьми на утренней тренировке, как наслаждалась звуками, запахами, всеобщим возбуждением, даже как разговаривала с Боггсом, пока он развешивал для просушки бинты Горди... Кстати, он тогда сказал, что видел твоего отца...

– Что?! – Гейб почувствовал, как разогретая представле-

нием Келси кровь в его жилах неожиданно застыла. – Что ты сказала?

– Боггсу показалось, что он видел твоего отца на Черчил-Даунз. Он считал это дурным знаком. Впрочем, я уверена, что Боггс наверняка обознался, иначе он бы обязательно тебе сказал.

– Келси... – Гейб поднялся и, взяв из ее рук бокал с шампанским, отставил в сторону. – Что Боггс говорил о моем старике? Ты не можешь вспомнить точно?

– Да ничего он не говорил! – Келси досадливо сморщилась. Голова у нее кружилась, мысли в голове путались. Это было бы просто восхитительно, если бы не настойчивый и пристальный взгляд Гейба, который мешал ей полностью отдаться опьянению.

– Боггсу показалось, что он видел его на конюшенной площадке.

– Когда? – Гейб схватил ее за руки.

– Кажется, накануне дерби..., не помню. Он сам не был уверен. Боггс сказал, что видит уже не так хорошо, как раньше, и что человека, похожего на твоего отца, он видел лишь мельком. – Келси затрясла головой в тщетной попытке разогнать плывший перед глазами туман. – А какое это имеет значение?

– Никакого, – отозвался Гейб, слегка ослабив хватку. А может, и наоборот – огромное, подумал он мрачно. Огромное значение для всех них. – Я просто спросил.

– Прошлое иногда берет тебя за горло, – негромко проговорила Келси и дотронулась ладонью до его лица. – Мне тоже это знакомо. Нельзя позволять ему взять над тобой верх, Гейб. У нас есть настоящее.

– Да, есть. – Гейб решил, что его проблема может подождать, по крайней мере до утра. Может быть, появление на ипподроме Слейтера-старшего, если таковое имело место на самом деле, скорее всего было простым совпадением, но он решил, что обязательно выяснит все в точности. Но для этого ему нужно было сначала вернуться на ферму.

– Ну-ка...

Он взял ее за подбородок и заставил поднять голову. Келси вся покраснелась, глаза с расширенными зрачками возбужденно поблескивали, и она часто моргала.

– Завтра утром у тебя будет сильно болеть голова, дорогая, – предупредил он.

– Ну и черт с ней! – Келси обняла Гейба за шею и, подпрыгнув, обхватила ногами его талию. – Пусть завтра будет плохо, зато сегодня будет хорошо. Нужно, чтобы одно другого стоило, правильно?

– Правильно. – Гейб наклонил голову и легонько прикусил ее плечо. – Идем в душ, и я покажу тебе, что я имею в виду.

Глава 4

Келси долго думала, сказать Гейбу или не сказать. Разумеется, она меньше всего боялась попасть в зависимость от человека, которым была увлечена столь глубоко и сильно, и уж, конечно, она не считала, что попросить его поехать с ней, чтобы поддержать ее при встрече с далеким прошлым Наоми, было бы проявлением слабости.

И все же она ничего не сказала Гейбу. Келси знала, что, воспользовавшись его любезностью, она проявит себя не с самой сильной стороны и потом долго будет чувствовать себя обязанной. В конечном счете это была все-таки ее проблема. Ее, и ничья больше.

Кроме того, у Гейба фактически не было ни одной свободной минуты. Далеко не каждый год в скаковом мире появлялся реальный претендент на звание «трижды венчанного», то есть выигравшего три главных приза сезона. Дубль стал первым на дерби и на Прикнесс, и три недели, оставшиеся до Бельмонт Стейкс – последней скачки Тройной Короны, – были заполнены напряженными тренировками, коим Гейб, на которого в одночасье свалились не только слава, но и пресса, и тысячи других маленьких и больших забот, посвящал все свое свободное время.

Келси не хотелось мешать ему идти к цели – к цели, которая, как она теперь понимала, значила для Гейба больше,

чем деньги и престиж. Для него обладание Тройной Коронай стало бы доказательством того, что он не только обзавелся собственным делом, но и великолепно с ним справляется.

Имея все это в виду, Келси не хотела рисковать, чтобы не нарваться на свои собственные слова: не позволяй прошлому взять тебя за горло.

Тем более что прошлое никак не отпускало ее полностью. Чем лучше Келси узнавала Наоми и чем большую привязанность к ней испытывала, тем менее вероятным ей казалось, что ее мать могла хладнокровно застрелить человека. Или не хладнокровно, если это имело какое-то значение.

Разумеется, Келси не ставила под сомнение факты. Она знала, что ее мать нажала на спусковой крючок револьвера и оборвала человеческую жизнь. Наоми сама в этом призналась, и суд приговорил ее к заключению на основании тщательной проверки всех улик. И был еще жив и здоров невольный свидетель этого убийства.

И Келси решила, что не сможет успокоиться до тех пор, пока не переговорит с Чарльзом Руни.

Поездка в Александрию доставила ей удовольствие. Несмотря на то, что шоссе оказалось, как обычно, забито транспортом, Келси не уставала любоваться зеленеющими обочинами и пышным весенним цветением деревьев и цветов. Опустив стекло, она включила кассету с записями Шопена и поудобнее устроилась на сиденье. Незачем, решила

Келси, забивать себе голову делами в такое погожее утро.

Она не солгала, назвав секретарше Руни имя «Келси Морро». Это была просто предосторожность, способ убедиться, что детектив не свяжет ее визит с Наоми.

Приходится поступаться принципами, подумала Келси и состроила кислую мину. Она всегда относилась с насмешливым презрением к людям, которые считали обман приемлемым в тех случаях, когда правда могла вызвать так называемые «ненужные осложнения». И вот Келси сама ступила на ту же самую скользкую дорожку, чтобы без помех прийти к цели.

Подумаю об этом потом, решила она, но, не в силах полностью отрешиться от этой темы, сразу же вспомнила, что была не совсем откровенна, когда предупреждала Наоми, что ей нужно уехать и что кто-то должен заменить ее в конюшне. Невнятные намеки на дела и назначенные встречи были восприняты матерью скорее всего просто как отговорки; по всей видимости, Наоми была убеждена, что Келси едет повидаться с отцом. А она не стала ее разубеждать.

С другой стороны, какими бы ни были результаты ее сегодняшней разведки, Келси сомневалась, что когда-нибудь поделится ими с матерью. Наоми только-только оправилась после их общей большой потери; по крайней мере, выглядела она спокойной. Кроме того, никто не ожидал, что Прилив сумеет повторить свой потрясающий бросок на трудных полутора милях Бельмонта. Его недавний успех на Прикнесс

сам по себе был большой победой, поэтому и персонал, и владелица «Трех ив» могли позволить себе поживать на лаврах.

И Келси воспользовалась этой возможностью, чтобы погружаться в пучину прошлого.

Маршрут до Александрии Келси изучила заранее. Ей еще ни разу не приходилось бывать в этом городе, однако здание делового центра она нашла почти сразу. На подземной стоянке свободных мест было в достатке, и Келси аккуратно загнала «Спитфайр» между двумя сверкающими хромом и никелем «Мерседесами».

Все еще сидя в машине, Келси не без раздражения отметила, что руки ее взмокли от волнения, а в животе воцарилась сосущая пустота. Стараясь успокоиться, она нарочно не торопилась, затягивая ручной тормоз, запирая дверцы и пряча ключи от зажигания в кармашек сумочки.

Что может быть хуже? – спросила она себя. Что может быть хуже сознания того, что твоя мать убила человека? Как бы ни повернулся ее сегодняшний разговор с Чарльзом Рунни, вряд ли она узнает от него что-то принципиально новое и еще более пугающее. Келси приехала к старому детективу для того, чтобы расспросить его о подробностях убийства, быть может, – о его субъективных впечатлениях, которыми он не отважился поделиться с присяжными, – и попытаться составить полную картину происшедшего. Только после этого она сможет раз и навсегда принять и полюбить ту женщи-

ну, какой Наоми стала, и перестанет вспоминать, какой Наоми была.

Покинув безлюдные гулкие пещеры подземного гаража, Келси поднялась на лифте на пятый этаж и очутилась в пустых коридорах, застланных толстыми ковровыми дорожками. С обеих сторон в коридор выходили стеклянные двери с табличками, на которых были написаны названия контор. За дверьми виднелись служащие, в поте лица зарабатывавшие свой хлеб на телефонах или за компьютерами.

Келси представила себя на их месте и вздрогнула. Какое бы ей было на протяжении всего рабочего дня оставаться на виду у каждого, кто проходит по коридору? Разве сумела бы она высидеть положенные часы в таком аквариуме, пока на улице бушует весна и лошади с развевающимися гривами бродят по зеленым лугам?

Потрясенная, Келси покачала головой и вспомнила, что совсем недавно она сама проводила в помещении все свое рабочее время, неизменно находясь на виду групп экскурсантов, которых она водила по залам галереи.

Как же сильно изменились ее желания и взгляды на жизнь за какие-нибудь несколько месяцев!

Детективное агентство занимало несколько комнат в южном крыле здания. Еще не успев перешагнуть порог «Руни инвестигейшн сервис», Келси поняла, что это совсем не мелкая контора, как ей почему-то казалось. В царящей здесь атмосфере не было ничего такого, что напоминало бы об из-

наночных сторонах жизни, что, в общем-то, тоже противоречило представлениям Келси о частном детективном агентстве, сложившимся, главным образом, под влиянием телесериалов и кинофильмов.

Да, здесь в сейфах прячут настоящие дела, а не бутылку хлебной водки с пакетом засохших сэндвичей, подумала Келси, толкая стеклянную дверь и вступая в царство приглушенной музыки и сладковатого запаха цветущих гардений.

Ухоженные цветы с глянцевыми, словно воощеными листьями росли в высоких жардиньерках по обеим сторонам от светло-бежевого многосекционного дивана. На стене над диваном висели репродукции картин Мане с изображением цветущих водяных лилий; журнальный столик – довольно дорогой, хоть и не настоящий антиквариат – был завален номерами журнала «Южные дома», выпускавшегося крупной ассоциацией риэлтеров.

Большую часть комнаты занимал массивный рабочий стол секретарши с пультом селекторной связи и несколькими телефонами на нем. Сделанный из темного дерева, он имел округлую форму, так что секретарша за клавиатурой компьютера сразу напомнила Келси бойца в пулеметном гнезде. Завидев посетительницу, она ненадолго оторвала взгляд от монитора и одарила вошедшую профессионально-вежливой, но на удивление теплой улыбкой.

– Чем могу быть полезна?

– У меня назначена встреча с мистером Руни.

– Мисс Монро? Вы приехали немного раньше назначенного времени. Садитесь, пожалуйста, я узнаю, готов ли мистер Руни вас принять.

Келси села на диван рядом с самой пышной гарденией и, взяв со стола журнал, притворилась, будто внимательно изучает неоправданно пышный декорум типично южной усадьбы с мезонином. Ожидание затянулось минут на десять, и все это время Келси испытывала неугасающее волнение, которое вкупе с муками совести покрывало испариной ее лоб.

Она не должна была приезжать сюда. Она не должна была называться именем, которым не пользовалась и которое было ей противно. У нее нет никакого права совать свой нос в дела Наоми. Если она считает себя порядочным человеком, она должна немедленно подняться, сказать, что ошиблась, и, извинившись перед секретаршей, исчезнуть.

Уж, наверное, она будет не первым клиентом, который в последний момент передумал и в панике бежал из приемной детективного агентства. Да хоть бы и первым – что с того? Ей определенно нечего здесь делать. Вместо того чтобы вдыхать запах гардений и любоваться чьей-то безвкусно обставленной гостиной, она должна была бы работать в конюшне или водить на лонже Чену.

Но Келси так и не встала с места до тех пор, пока секретарша не окликнула ее по имени и не предложила зайти в кабинет мистера Руни.

Во внутренний коридор агентства тоже выходило нема-

ло дверей, но все они были глухими, да еще обитыми плотной искусственной кожей. Вот оно – вещественное воплощение гарантии конфиденциальности, подумала Келси. Двери с надежной звукоизоляцией должны были напоминать клиентам, что все, что бы за ними ни происходило, останется тайной.

Но если это так, то с чего она взяла, что даже теперь, двадцать три года спустя, Чарльз Руни вообще что-то ей расскажет?

Потому что у меня есть право знать! – напомнила себе Келси, машинально выпрямившись и расправив плечи. Потому что она – дочь Наоми Чедвик.

– Мистер Руни ждет вас. – Секретарша открыла перед ней створку двойной дубовой двери, провела Келси внутрь и бесшумно удалилась. Келси оказалась в небольшой уютной комнате, обставленной скорее как частный кабинет, а не как служебное помещение. Со стен таращились холодными стеклянными глазами головы хищных рыб, а на книжных полках были расставлены миниатюрные модели яхт и моторных катеров. В центре комнаты стоял старинный – не подделка! – двухтумбовый стол из красного дерева; его пузатые выпуклые ножки и резные украшения были заботливо натерты специальным составом и самодовольно лоснились. На столешнице, отделанной темно-зеленым сукном, лежало несколько справочников и стояла настольная лампа с зеленым абажуром.

Человек, поднявшийся ей навстречу из-за стола, мог бы с успехом исполнять роль всеми любимого дядюшки, причем без всякого грима. С небольшим животиком, с розовой проплешиной в седеющих волосах, круглолицый, узкоплечий," он располагал к доверию и производил впечатление человека, который по-доброму, по-семейному поможет вам в ваших проблемах, и все будет шито-крыто. Келси обратила внимание, что даже галстук его повязан несколько небрежно, однако она не могла сказать, было ли это еще одной хорошо продуманной деталью его профессионального образа, или же мистер Руни просто отдыхал, ослабив тугой узел и задрал ноги на свой почти антикварный стол. Последнее, впрочем, было маловероятно.

Голос его тоже оказался мягким, способным успокоить самого нервного клиента.

– Простите, что заставил вас ждать, мисс Монро. Позвольте предложить вам чашечку кофе? – Он жестом указал на дорожную кофеварку, стоявшую на отдельном столике. – Я всегда держу кофе под рукой, чтобы оставаться в форме, когда бывают напряженные дни.

– Нет, спасибо, – отказалась Келси. – Но вы, пожалуйста, пейте.

Она уселась в предложенное кресло и, пока хозяин кабинета наливал себе кофе, воспользовалась паузой, чтобы привести в порядок свои мысли и повнимательнее рассмотреть Чарльза Руни и его кабинет.

Обычный служащий обычной конторы, решила она наконец. Просто не верится, что он мог так влиять на людские судьбы.

– Итак, мисс Монро, что привело вас ко мне? В нашем предварительном разговоре вы упомянули, что вам необходима помощь по делу об опеке. – Он поудобнее устроился в кресле – стандартном офисном кресле из пластика и кожзаменителя – и принялся лениво помешивать кофе ложечкой. Возле чашки – Колей даже не заметила, как Руни его достал, – уже лежал чистый блокнот для записей и карандаш.

– Вы в разводе, мисс Монро? Келси кивнула.

– А ребенок? Кому поручена опека на первом этапе?

Келси набрала в грудь побольше воздуха, словно собираясь нырнуть. Оказавшись в кабинете детектива, она уже не могла позволить себе ни слова лжи или полуправды.

– Это я – ребенок, мистер Руни. – Келси крепче сжала на коленях сумочку и встретилась с ним взглядом. – Монро – моя фамилия по мужу. После развода я вернула себе девичью фамилию – Байден. Мое настоящее имя – Келси Байден.

Он вспомнил ее сразу. Келси поняла это по тому, как замерла его рука, как сбилась с ритма своих круговых движений ложечка, которой он помешивал кофе. Зрачки мистера Руни слегка расширились, и на мгновение его зеленые глаза показались Келси черными.

– Понятно... – медленно проговорил он. – Вы, очевидно, полагаете, что я должен помнить это имя и это дело... Что

ж, я действительно помню его достаточно хорошо. Вы удивительно похожи на свою мать, мисс Байден. Я должен был сразу узнать вас.

– Я об этом не подумала. Вы же..., вы вели за ней наблюдение.

От Руни не ускользнула нотка неприязни, прозвучавшая в голосе Келси.

– Это часть моей работы.

– Но в случае, о котором мы с вами говорим, события приняли неожиданный оборот. Вас ведь нанял мой отец, не так ли?

– Послушайте, Келси... Извините, мисс Байден, но я до сих пор думаю о вас как о Келси – ведь вы тогда были совсем маленькой девочкой... – Он говорил медленно, не торопясь, успокаивая ее и себя. – Дела об опеке редко бывают приятными. К счастью, вы были тогда слишком, гм-м..., юны, чтобы иметь к этому непосредственное отношение. Как вам безусловно известно, меня наняли для того, чтобы задокументировать, э-э-э..., некоторые особенности поведения вашей матери и помочь мистеру Байдену добиться установления права полной опеки.

– И какие же особенности ее поведения вам удалось задокументировать?

– Простите, но я не считаю себя вправе обсуждать это с вами, – вежливо, но твердо ответил Руни.

– Насколько мне известно, большинство ваших открытий

впоследствии попало в газеты, – возразила Келси. – Мне кажется, что теперь, по прошествии стольких лет, ваши опасения относительно конфиденциальности этой информации не имеют под собой оснований... – Говоря это, Келси слегка подалась вперед и позволила своему голосу обнаружить кое-какие эмоции, чтобы дать Руни понять, какие именно чувства движут ею в данном случае и какие цели она при этом преследует. – Я должна знать все, мистер Руни. Я больше не ребенок, от которого необходимо скрывать щекотливые подробности. Надеюсь, вы согласитесь, что я имею на это право.

Как, спросил себя Руни, как он мог не узнать это лицо? Как он мог глядеть в эти глаза и не понять, что перед ним – дочь Наоми?

– Я сочувствую вам, мисс Байден, но, поверьте, я мало что могу для вас сделать.

– Но вы же должны были ходить за моей матерью буквально по пятам. Вы делали фотографии, писали отчеты... Вы должны были хорошо ее знать, мистер Руни. И ее, и Алека Бредли.

– Знать их? – Руни слегка наклонил голову. – Да я даже ни разу не разговаривал ни с Наоми Чедвик, ни с Алеком Бредли!

Подобная отговорка была чистой формальностью, и Келси нимало ею не смутилась.

– Вы видели их вдвоем – на вечеринках, в клубе, на ип-

подроме. Вы видели их вдвоем в ту ночь, когда Бредли пришел к Наоми домой. Кстати, с точки зрения закона вы сами небезгрешны – ведь вы нарушили границы частного владения, не говоря уже о сделанных через окно фотографиях.

Нет, Руни не забыл этого, как не забыл и всего остального.

– Согласен, я тогда ходил по лезвию бритвы и, возможно, слегка нарушил законодательство в своем рвении получить исполнить порученную мне работу. – Он слегка улыбнулся этим давним воспоминаниям, которые снова ожили в его памяти. – Будь в моем распоряжении современная техника, я смог бы проделать то же самое с расстояния в милю, и ни у кого не возникло бы никаких вопросов относительно вторжения в частную жизнь граждан... – Руни поднес к губам чашку с кофе и сделал из нее деликатный глоток. – Но даже сейчас эту запретную черту приходится переступать едва ли не каждый день. Специфика работы, мисс Байден.

– У вас наверняка сложилось определенное мнение о моей матери, – нетерпеливо перебила его Келси. – Я понимаю, что для вашей работы необходима максимальная объективность, но это, наверное, невозможно – наблюдать чью-то жизнь и никак ее не оценивать.

Руни снова принялся мешать ложечкой кофе, хотя никакой особенной нужды в этом уже не было – сахар, который он положил в чашку с самого начала, давно должен был раствориться.

– Это было больше двадцати лет назад... – проговорил он.

– Но вы помните ее, мистер Руни, – настаивала Келси. – Я не верю, что вы могли забыть ее и все, что случилось потом.

– Наоми была очень красивой женщиной, – медленно сказал Руни. – Трепетной, нежной... И она была по уши влюблена...

– В Алека Бредли?

Руни раздраженно отложил ложечку в сторону, испачкав при этом свой чистый блокнот.

– Да, в Алека Бредли. В газетах, о которых вы упоминали, обо всем этом было написано. Наоми Чедвик была арестована и предстала перед судом по обвинению в убийстве этого человека.

– А сделанные вами фотографии помогли судьям вынести приговор.

– Да. – Руни отчетливо припомнил, как он карабкался на дерево, и фотоаппарат бил его по груди, в которой отчаянно колотилось сердце. – Можно сказать, что я оказался в нужном месте в нужное время.

– На суде Наоми заявила, что это была самооборона. Алек Бредли угрожал ей и пытался изнасиловать.

– Я знаю, что она заявляла. К сожалению, все улики были против нее.

– Но вы же были там! Вы должны были видеть, была ли Наоми испугана и угрожал ли ей этот Бредли.

Руни сложил руки на столе, словно человек, который готовится прочесть заученную молитву.

– Я видел, как она впустила его; они вместе выпили, потом началась ссора. Из-за чего она началась и о чем они говорили, я не слышал – я сказал это тогда и могу повторить сейчас. Вскоре они поднялись на второй этаж.

– Наоми поднялась на второй этаж, – поправила Келси. – А он последовал за ней.

– Да, насколько я видел, так оно и было. Я решил, что они пойдут в спальню и поспешил взобраться на дерево.

– Почему вы решили? Потому что они уже бывали там? – уточнила Келси.

– Нет, не то чтобы я решил... Просто это была всего лишь третья ночь, что я дежурил на территории усадьбы, и первая, когда я точно знал, что прислуги не будет.

Руни продолжал держать руки сцепленными на столе, спокойно и серьезно глядя в глаза Келси.

– Я просидел на дереве несколько минут. Ничего не происходило, и я чуть было не стал спускаться, но тут они вошли. Наоми появилась первой, за ней – Алек. Мне показалось, что они все еще спорят...

Он замолчал, вспоминая лицо Наоми, заполнившее видоискатель его фотоаппарата. Лицо, красоту которого не могли перечеркнуть ясно читавшиеся в широко раскрытых глазах гнев и презрение. Гнев, презрение и страх...

Руни слегка откашлялся.

– Некоторое время я видел только ее спину. Потом она обернулась и шагнула в сторону. Когда она снова появилась

в окне, у нее в руках был револьвер. Теперь я хорошо видел обоих. Алек поднял руки и попятился... И в этот момент Наоми выстрелила.

Келси почувствовала, как по ее спине пробежал холодок.

– И что было потом?

– Потом? Я застыл, Келси... Я был молод, и мне никогда не приходилось видеть, как... Я застыл, – повторил он. – Я вцепился обеими руками в ствол дерева и не мог даже пошевелиться. Мне было хорошо видно, как Наоми подошла к нему, наклонилась над ним. Потом она стала звонить по телефону. В полицию. Я уже не помню, как я слез с дерева – должно быть, просто разжал руки... Еще некоторое время я сидел в своей машине, стараясь прийти в себя. Лишь когда раздались полицейские сирены, я завел мотор и отъехал.

– Вы не обратились в полицию?

– Нет. Во всяком случае, не сразу. Глупость с моей стороны, конечно, но... Я мог потерять лицензию, но я все-таки пошел в участок, принес им пленку и сделал заявление... – Руни расцепил руки и убрал их со стола, неожиданно осознав, что вот уже некоторое время его пальцы ноют от напряжения. – Я делал свою работу.

– И сумели увидеть только молодую женщину, которая запуталась в своих чувствах и уложила любовника выстрелом из револьвера?

– Мне очень жаль, но я ничего не могу к этому добавить. Как бы мне ни хотелось... Ваша мать отсидела срок. Теперь

все в прошлом, мисс Байден.

– Только не для меня. – Келси встала. – Что если я найму вас, мистер Руни? Сегодня, сейчас. Я хочу, чтобы вы вернулись на двадцать три года назад и снова занялись этим делом. Я должна все узнать об этом Алеке Бредли.

Страх, вспыхнувший где-то глубоко внутри, заставил Руни окаменеть.

– Пусть все останется как есть, Келси. Вы ничего не измените, даже если разбередите старые раны. Или вы думаете, что ваша мать будет вам благодарна, если вы заставите ее заново пережить все это?

– Может быть, и нет, но тем не менее я собираюсь вернуться в прошлое. Медленно, шаг за шагом, пока я сама не начну понимать, как это случилось. Согласны ли вы помочь мне в этом?

Руни смотрел на Келси, но не видел ее. Перед его мысленным взором снова вставала Наоми Чедвик, молчаливая и сосредоточенная, какой она была в переполненном зале суда. Она казалась спокойной, но глаза выдавали ее. О, эти глаза, исполненные отчаяния и муки!..

– Нет, – резко сказал он, – я не буду помогать вам. И позвольте дать вам один совет: подумайте как следует, прежде чем предпринимать какие-то шаги в этом направлении. Подумайте о последствиях, Келси.

– Я хорошо все обдумала, мистер Руни, и пришла к выводу, что моя мать говорила правду. И я намерена это доказать,

с вашей помощью или без нее. Спасибо, что нашли время встретиться со мной.

Она ушла, а Руни еще долго сидел, глядя на закрывшуюся за ней дверь, и старался унять дрожь в руках. Лишь окончательно успокоившись, он придвинул к себе телефонный аппарат и набрал номер.

Следующую остановку Келси сделала в Джорджтаунском университете. Долгое ожидание в заставленном книжными шкафами кабинете отца помогло ей окончательно успокоиться. Эти толстые книги, запахи и звуки учебного заведения всегда действовали на нее благотворно; должно быть, именно поэтому ее так влекло сюда, подумала Келси, пряча в сумочку носовой платок, который она до этого нервно комкала в руках. В спокойном мире тихого академического городка знание было высшей жизненной ценностью, и любой вопрос в конце концов находил свой ответ.

Филипп Байден вошел в кабинет, на ходу отряхивая мел с кончиков пальцев.

– Келси! Как я рад тебя видеть! Прости, что заставил тебя ждать – мой семинар несколько затянулся.

– Ничего страшного. Я надеялась, что у тебя будет несколько минут свободных...

– У меня целый час, – перебил ее Филипп. Этот час он планировал использовать для подготовки к последней на сегодня лекции, но об этом он решил не упоминать. В конце

концов, лекция могла подождать. – Если у тебя нет никаких планов на вторую половину дня, то сразу после занятий мы могли бы отправиться в ресторан и поужинать.

– Спасибо, но только не сегодня. Я должна заехать еще в одно место. Мне хотелось бы поговорить с тобой, если ты действительно не занят.

– Я не хочу, чтобы ты волновалась насчет бабушки. Я все улажу.

– А я и не волнуюсь. Для меня это не имеет большого значения.

– Как же так!.. – вырвалось у Филиппа, но он не стал развивать свою мысль дальше и только погладил дочь по руке. – В конце концов, это просто непорядочно. Я не потерплю, чтобы она шантажировала тебя твоим наследством...

Несмотря на все свои усилия, он снова разволновался и, развернувшись на каблуках, принялся расхаживать по узкому проходу между шкафами, как он часто делал, когда обдумывал какой-нибудь новый тезис.

– Твоя бабушка, Келси, во многих отношениях заслуживает уважения и восхищения, но, когда речь заходит о чести семьи, она становится упрямой, и убедить ее в чем-либо нет никакой возможности. Как и большинство людей, фанатично преданных какой-то идее, она лишь в очень малой степени руководствуется здравым смыслом и незаметно для себя начинает подменять привязанность и любовь своей собственной шкалой ценностей.

– Ты не должен объяснять мне причины, по которым она поступает так или иначе, как не должен и подыскивать для нее смягчающие обстоятельства. Я знаю, что по-своему бабушка меня любит, только ее любовь всегда была не простой... – Никогда не была простой, мысленно поправилась Келси. – Я уже давно поняла, что бабушка не привыкла, когда ей перечат. Вот только на этот раз ей придется согласиться с тем, что я имею право сама распоряжаться своей жизнью. Если же нет... Так или иначе, я не собираюсь ставить себя в зависимость от того, какую позицию займет Милисент.

Филипп помолчал, задумчиво вертя в руках стеклянное пресс-папье.

– Я не хочу, чтобы вы были врагами.

– Я тоже.

– Может быть, если мы вдвоем съездим к ней...

– Нет, папа.

Тяжело вздохнув, Филипп снял очки и принялся протирать их куском мягкой замши, действуя скорее по привычке, чем в силу необходимости.

– Она уже далеко не молода, Кел. И вы с ней принадлежите к одной семье.

Ага, подумала Келси, папа снова оседлал своего излюбленного конька.

– Прости, – сказала она, – но я не могу на это пойти. Я знаю, что ты оказался под перекрестным огнем, и, поверь, мне это тоже весьма неприятно. Но и ты должен понять: Ми-

лисент злится, потому что не может получить того, чего ей хочется. Ей хочется иметь нечто идеальное, а я, если быть предельно откровенной, никогда не соответствовала ее представлениям о том, какой должна быть настоящая Байден.

– Что ты говоришь, Келси!

– Я для нее – дочь Наоми, и бабушка так и не смогла с этим смириться. Мне остается только – надеяться, что со временем она осознает, что я и твоя дочь тоже.

Филипп сложил очки и положил их на стол рядом с потрепанным томом Шекспира.

– Она любит тебя, Келси. Она сражается не с тобой, а с обстоятельствами.

– Я и есть эти обстоятельства, – спокойно возразила Келси. – Я и причина, я и побудительный мотив... Все дело во мне – в ребенке, которым двое людей хотели владеть, хотя друг другу они давно стали чужими. От этого никуда не деться, папа.

– Но это же глупо – обвинять себя в том, что...

– Не обвинять. Ты выбрал не то слово. Я чувствую определенную ответственность... Да, ответственность, – повторила Келси, увидев, что отец качает головой. – Перед ней и перед тобой. Вот почему я здесь. Ты должен подробно рассказать мне обо всем, что между вами произошло.

Филипп неожиданно почувствовал себя очень усталым. Опустившись на стул, он потер руками виски.

– Мы же уже говорили об этом.

– Ты рассказал мне только самое основное, не касаясь деталей. Ты влюбился в нее и женился, несмотря на неодобрение со стороны твоих родителей. Потом у вас родился ребенок. Что же случилось дальше? Когда, в какой момент все пошло не так?

Келси встала и подошла к отцу. Ей не хотелось причинять ему боль, но она должна была узнать правду.

– Я не требую от тебя объяснений всему тому, что между вами произошло, но ведь ты знал женщину, на которой женился, ты любил ее. И если в конце концов ты захотел отнять у нее своего и ее ребенка, если ты пошел в суд, нанял адвокатов и детективов, тому должна была быть веская причина. Очень веская. И я хочу знать – какая.

– Ты была мне нужна, – просто сказал он. – Я хотел, чтобы ты была со мной. Возможно, это было эгоистично и не очень разумно, но я нуждался в тебе. Кроме того, мне казалось, что образ жизни, который вела твоя мать, не слишком тебе подходит. То есть для тебя это был не самый лучший вариант.

Не ошибался ли я? – спросил себя Филипп. Может быть, он чего-то недопонял, недооценил? Он задавал себе этот вопрос бесчисленное число раз, но правильного ответа так и не нашел.

– Твоя бабушка и я долго обдумывали это, – проговорил он медленно. – Маме... Милисент было очень не по душе, что ты достанешься Наоми. В конце концов я с ней согласился. Решение далось мне нелегко, но я верил, что так будет

правильнее. Отчасти, конечно, это был все тот же эгоизм – я не стану этого отрицать, – но вместе с тем я искренне верил, что для тебя так будет лучше.

Он поднял взгляд на дочь, но вместо взрослой женщины увидел дитя, каким Келси была двадцать с лишним лет назад.

– Пойми, Кел, я не хотел отдавать тебя ей, не хотел превратиться в «воскресного папу», которому в конечном итоге пришлось бы уступить место какому-нибудь мужчине, который появился бы в жизни Наоми. Кроме того, после нашего развода Наоми вела себя..., вызывающе. Она словно хотела показать, как ей все безразлично. Должно быть, ее адвокаты посоветовали ей вести себя тише воды ниже травы, вот она и поступила наоборот. Наоми словно специально привлекала к себе внимание прессы и устраивала публичные скандалы... Сама идея о том, что нужно нанять детектива, претила мне, однако для суда необходимы были документы. И я поручил это своим адвокатам.

– Значит, ты не сам нанимал мистера Руни?

– Нет, я... Откуда ты знаешь его имя?

– Я только что была у него.

– Послушай, Келси... – Он схватил ее за руку. – Зачем?..

Чего ты хочешь добиться?

– Я хочу получить вразумительные ответы на свои вопросы. Особенно на один... – Келси сжала его пальцы. – Я задам его тебе: ты веришь, что Наоми убила Алека Бредли?

– Нет никаких сомнений, что...

– Что она застрелила его, – сурово закончила Келси. – Это я знаю. Меня интересует другое – убила ли она его? Способна ли была женщина, которую ты знал, которую ты любил, совершить убийство?

Филипп заколебался, чувствуя, как пальцы его дочери все сильнее сжимают ему кисть.

– Не знаю, – ответил он наконец. – Как бы мне самому хотелось знать ответ!

Последняя запланированная Келси встреча с адвокатами Наоми не принесла ей ничего нового. Ссылаясь на профессиональную этику, юристы не открыли ей ничего сверх того, что она уже знала, так что Келси пришлось покинуть их обставленные плюшевой мебелью офисы несолоно хлебавши. Но несмотря на постигшее ее разочарование, Келси была полна решимости добиться своего. Должен быть другой путь, твердила она себе. У каждой проблемы есть решение. Единственное, что ей нужно, это найти подходящую формулу, подставить в нее значения переменных и постоянных и запастись терпением, чтобы найти правильный ответ. Вот только жаль, что в свое время она почти не уделяла времени математике и другим точным наукам, предпочитая им философию и искусство.

Если Келси и чувствовала себя несколько растерянной, то это, несомненно, объяснялось усталостью. За прошедшие несколько часов она слишком вымоталась, истратила слиш-

ком много душевных и физических сил, и теперь ей страшно было даже подумать о том, чтобы вернуться в «Три ивы» и, встретившись с Наоми, рассказывать ей правдоподобные истории о том, как она провела свое свободное время.

И вместо того чтобы вернуться домой, она свернула к ферме Гейба. Если его нет дома, утешала себя Келси, она поедет прямо домой и, сославшись на головную боль, уединится в своей комнате.

Еще одна ложь во спасение? – мрачно спросила она себя. Если так и дальше пойдет, то она, пожалуй, привыкнет к этому настолько, что подобный способ решать все проблемы будет казаться ей абсолютно нормальным.

Выйдя из машины, она подошла к дверям усадьбы, но, вместо того чтобы постучать, тяжело опустилась на ступеньки крыльца, любуясь цветами, которые этим теплым весенним вечером пахли особенно сильно.

До захода солнца осталось часа два, размышляла она, прислушиваясь к жалобам козодоя. Такие же трели раздавались под окном ее спальни в доме Наоми, и вот теперь она услышала их здесь, в саду Гейба. Насколько она успела заметить, козодой запевал незадолго до наступления сумерек и долго потом оглашал темный вечер своими протяжными, тоскующими трелями.

Цветы благоухали во всю мочь. Келси даже удивилась, что их так много. Яркие примулы, лилово-желтые анютины глазки, шпалеры, обвитые плетьюми сладкого горошка, крупные

садовые ландыши и кусты сирени вдоль дорожек – все это благоухало на разные лады и пестрело свежими красками, от которых начинало понемногу рябить в глазах.

Какое тихое, спокойное место для человека, обладающего такой кипучей жизненной энергией и живущего такими бурными страстями, подумала Келси невольно.

Потом она услышала, как за ее спиной отворилась дверь и раздались шаги. Его шаги. Гейб сел рядом с ней, обнял за плечи, и Келси прильнула к нему естественным и неторопливым движением.

– Я увидел твою машину.

– Кто сажал эти цветы?

– Я... Это моя земля.

– Мой отец тоже делает это сам. В моем доме в Джорджтауне был прелестный маленький садик, за которым я ухаживала. Я даже прослушала курс по цветоводству и ландшафтной архитектуре, так что в конце концов этот жалкий клочок земли на заднем дворе превратился в образцово-показательный сад, разбитый по всем правилам, однако он не был и вполнину таким уютным и милым, как сад, который развел у себя мой отец.

Именно тогда я поняла, что существуют такие вещи, о которых нельзя узнать из книг.

– Я сажал то, что мне больше нравилось.

– Я бы поступила точно так же, если бы мне представилась возможность начать все сначала.

– Я подумывал устроить здесь альпийскую горку. – Гейб жестом указал на склон холма. – Почему бы тебе не помочь мне?

Келси улыбнулась и, обернувшись к нему, прижалась лицом к шее, где кожа была особенно нежной и теплой.

– Ну, я бы стала делать все точно как в книжке, – пробормотала она.

– И мы бы без конца спорили, – подхватил Гейб. – Ты учила бы меня, как это делается по науке, а я бы настаивал на том, как мне больше нравится. И мы вместе совершили бы налет на ближайший питомник... – Он взял ее за подбородок и заставил поднять голову. – Что тебя тревожит, Келси?

Келси поняла, что может рассказать ему все. Почему бы нет? В целом мире не осталось ничего такого, чем бы она не смогла с ним поделиться.

– Сегодня я начала одно дело.., и я доведу его до конца, чего бы это ни стоило. К кому бы я ни обращалась – все говорят, что я должна оставить все как есть, но я не могу.., и не стану. – Она глубоко вздохнула и слегка отодвинулась от него. – Ты веришь, что моя мать могла убить Алека Бредли?

– Нет.

Келси заморгала, потом тряхнула головой.

– Просто «нет» – и все? Без колебаний, без объяснений?

– Ты спросила – я ответил. – Гейб перегнулся с крыльца, сорвал веточку фрезии и протянул ее Келси. – Разве тебе важнее не то, что я сказал, а почему?

Келси снова покачала головой, потом опустила ее на сложенные на коленях руки.

– Ты можешь сказать «нет» – просто «нет», хотя ты даже не знал ее?

– Не совсем.

– Не совсем? – Келси снова подняла голову. – Что это значит?

– Я знал ее. Много раз видел ее на скачках. – Гейб слегка наклонил голову, играя кончиками ее волос. – Я довольно долго был ипподромной крысой, Келси. Я видел Наоми в Чарльстоне, в Лауреле, в других местах.

– Ты, наверное, был совсем ребенком.

– По возрасту – да, но не по... В общем, ты в чем-то права. Тогда я не успел составить твердого мнения. Зато я знаю ее теперь.

– И?..

Ей нужны детали, подробности, подумал Гейб. Она всегда будет требовать неоспоримых доказательств и достоверных подробностей, а он вовсе не был уверен, что может рассказать ей все, что он знал.

– Не забывай, – проговорил Гейб, – что всю свою жизнь я только тем и занимаюсь, что пытаюсь читать по лицам, расшифровывать жесты, интонации и прочее... Игроки, психиатры, полицейские, психоаналитики – мы все должны уметь это делать, иначе грош нам цена. Наоми нажала на спусковой крючок, но она не хотела его убивать.

Закрыв глаза, Келси снова привалилась к нему спиной. Цветок, который он ей дал, источал дивный, пьянящий аромат.

– Я верю тебе, Гейб. Наверное, в глубине души я просто боюсь, что моя мать действительно могла совершить то, за что ее осудили, но это несколько не ослабляет моей веры. Сегодня я была у этого детектива.., у того, который давал против нее показания.

– А тебе не пришло в голову попросить меня поехать с тобой? – Голос его звучал легко и беззаботно, но Келси уловила в нем сталь и задумалась.

– Вообще-то пришло... – Келси вздохнула почти виновато. – Но я чувствовала, что должна это сделать сама. Впрочем, я все равно ничего не добилась. Детектив Руни не захотел рассказать мне ничего сверх того, что я уже знала. И он не согласился мне помочь, когда я пыталась нанять его, чтобы узнать побольше об Алеке Бредли.

– Что ты хочешь о нем знать?

– Хоть что-нибудь. Чем больше, тем лучше, ведь отношения с Наоми это, несомненно, только малая часть его биографии. Чем он жил? Откуда он взялся? Чего хотел? Наоми говорила, что он вел себя оскорбительно и нагло и пытался ее изнасиловать. Но почему? Что толкнуло его на это?

– Ты не спрашивала об этом у самой Наоми?

– Я не хочу этого делать, разве что у меня не будет другого выхода. Если я стану расспрашивать ее, она может за-

мкнуться в себе. Я уверена, что Наоми расскажет мне все, что знает, но я боюсь, что после этого наши отношения вернутся к исходной точке – к той, с которой мы начинали. А я не хочу рисковать тем, чего нам удалось добиться.

– Она наверняка была не единственным человеком, который знал Бредли.

Келси уже думала об этом и пришла к заключению, что этот вариант ей не подходит.

– Я не могу расспрашивать завсегдаеаев на ипподроме, как не могу обратиться к другим владельцам или их работникам. Пойдут разговоры, а мне этого не хотелось бы. Что бы я от них ни узнала, эта информация вряд ли стоит спокойствия Наоми. И ее нынешней репутации.

– И что в таком случае ты намерена предпринять?

– Я знаю фамилию полицейского офицера, который расследовал дело моей матери. Он теперь на пенсии, но живет недалеко – в Рестоне.

– Ты хорошо подготовилась, как я погляжу.

– Я всегда была прилежной студенткой. В общем, я должна с ним встретиться.

Гейб взял ее за руку и помог подняться.

– Мы должны с ним встретиться, – сказал он решительно.

Келси улыбнулась и кивнула.

Глава 5

– Сколько лет, сколько зим, Роско! – Тип-тон пожал руку Росси и широким жестом пригласил пройти на веранду. – Хотел бы я знать, почему ты до сих пор не сел в мое кресло.

– Я над этим работаю, капитан.

– Ладно, присаживайся, и мы поработаем над содержимым вот этих банок. – Типтон с размаху бросился в кресло-качалку, возле которого стоял переносной охладитель. Из охладителя выглядывало шесть банок «Будвайзера». – Как поживает супруга?

Росси взял предложенное пиво и, аккуратно вскрыв жестянку, уточнил:

– Которая?

– Прости, я совсем забыл. Ты ведь был женат дважды, и оба раза неудачно. – Типтон чокнулся пивом с Росси и, запрокинув голову, сделал могучий глоток. – Развод в нашей профессии – зло почти неизбежное. Правда, мне повезло...

– И как поживает миссис Типтон?

– Цветет, Роско, цветет... – Он сказал это легко, почти небрежно, но в голосе капитана прозвучала искренняя гордость. – Через две недели после того, как я вышел в отставку, она устроилась на работу... – Капитан с довольным видом покачал головой. – Миссис Типтон утверждает, что теперь, когда дети выросли, она должна чем-то заполнять

свое свободное время. При этом мы оба понимаем, что только это способно помешать ей нанести мне множественные ушибленные раны тупым тяжелым предметом. В общем, мы неплохо устроились: я оборудовал себе столярную мастерскую на заднем дворе, а она торгует ботинками в универмаге.

Типтон улыбнулся и снова приложился к банке.

– Мне повезло, Роско, – повторил он. – Не каждая женщина сможет жить с полицейским, пусть даже он на пенсии.

– Ну, об этом можете мне не рассказывать, – заметил Росси. За последние двадцать лет он дважды был женат, но оба раза его семейная жизнь закончилась разводом, и он хорошо усвоил урок, чтобы не повторять одни и те же ошибки. – А вы хорошо выглядите, капитан.

Это было правдой. За последние три года Типтон слегка пополнел, но это было ему только к лицу. Во всяком случае, глубокие морщины, прорезавшие его щеки и лоб за годы службы, слегка разгладились, жесткое лицо округлилось и казалось спокойным и умиротворенным. Капитан был одет в джинсы и мягкую домашнюю рубашку, а бейсболка с эмблемой «Канзасских иволг» прикрывала то, что осталось от его жестких, черных с проседью волос.

– Многие копы неуютно чувствуют себя на пенсии, – заметил Типтон. – Отставка кажется им чем-то вроде глубокой старости. Что касается меня, то мне, напротив, нравится. У меня есть моя мастерская... Кстати, эту качалку я сделал сам.

– В самом деле? – Росси с интересом оглядел скрипучее кресло. Кресло сильно кренилось на левую сторону, чего не могла скрыть даже его ярко-голубая раскраска, призванная отвлечь внимание от изъянов этого внушительного сооружения. – Должно быть, очень приятно самому мастерить такие штуки, – вежливо заметил он.

– Еще как приятно! – Типтон довольно улыбнулся. – А кроме того... Ты же не знаешь, ведь у меня три внука! И куча времени, чтобы заниматься с ними. Мы с женой планируем этой осенью отправиться в путешествие вверх по реке Святого Лаврентия и взять их с собой.

– Похоже, у вас теперь есть все, капитан.

– Чертовски верно! – Типтон с удовольствием променял бы все это на ночные дежурства в участке или на простую службу патрульного, но промолчал. – Я славно потрудился, и тихая, спокойная жизнь на пенсии кажется мне достойной наградой за хорошую работу.

– Насчет хорошей работы никто не спорит. – Росси отпил глоток из своей банки. Он предпочитал импортное пиво, но упоминать об этом сейчас было бы неуместно. – Вы, наверное, не следите за тем, что творится сейчас в округе, однако о деле, которое я веду, вы должны были слышать.

– Конечно, я время от времени просматриваю заголовки... – с великолепной небрежностью заметил Типтон, хотя каждую газету он прочитывал от корки до корки, с жадностью ища сообщения об убийствах и других тяжких пре-

ступлениях.

– Тогда вы, наверное, помните – убийство на ипподроме в Чарльстоне.

– Как же, как же!.. Кто-то ранил ножом конюха, а лошадь прикончила беднягу. Ты закрыл это дело, – припомнил Типтон. – А сейчас у тебя в работе другой конюх, Липски, кажется.., дело о самоубийстве.

– Это дело еще не закрыто... – Росси откинулся на спинку своего кресла, следя за скворцами, которые вились над самодельной кормушкой, явно вышедшей из той же мастерской, что и кресло-качалка. Она была установлена на столбе прямо посередине газона, а под ней, с деланным равнодушием наблюдая за птицами, сидел толстый рыжий кот с темными полосами поперек спины. Почему-то Росси подумалось, что со стороны они с капитаном выглядят просто как двое добрых соседей, коротающих время за праздным разговором.

– Во-первых, мы не нашли предсмертной записки, а во-вторых, этот парень, Липски, ни в коей мере не был склонен учинить над собой что-то в этом роде. Да способ самоубийства не подходит.

Он объяснял все это точно и подробно, словно писал отчет, охватив все известные ему факты, начиная с увольнения Липски и вплоть до его загадочной смерти.

– Иными словами, Липски был вспыльчивым, склонным к насилию человеком, который кое-что знал о лошадях, – подвел итог Росси. – Друзей у него не было, по работе он не про-

двигался. В свое время у него были кое-какие трения с законом – оскорбление действием, нападение, нарушение общественного порядка, совершенное в состоянии опьянения.

– Я понял, – кивнул Типтон. – Этот человек скорее пустился бы в бега, чем стал травиться лошадиным ядом. Но, с другой стороны, у него был доступ к этой отраве.

– Не у него одного. К тому же Липски охотился за лошадьми Слейтера, вероятнее всего – на почве личных неприязненных отношений. Он, я полагаю, жутко злился, когда Слейтер вышиб его с работы, вот и попытался отомстить как мог. Старый конюх застал его на месте преступления, Липски запаниковал и ударил его ножом. Но почему, почему, имея на руках свежий труп, он не ударился в бега, капитан? Почему он засел в мотеле в часе езды от Чарльстона?

– Потому что он кого-то ждал. Кого-то, кто подсказал бы ему, что делать дальше.

– И этот кто-то поднес ему коктейль, который отправил Липски на тот свет. На бутылке с джином не было никаких отпечатков, капитан. Она была вытерта начисто.

Эта подробность заставила Типтона улыбнуться и поглядеть на своего кота, который продолжал терпеливо сидеть под кормушкой. Кот, как и его хозяин, любил маленькие промахи и незначительные ошибки. И не прощал их никому.

– И поэтому ты продолжаешь расследовать это дело. Дело об убийстве, – проговорил Типтон. – Ты не пробовал повнимательнее присмотреться к этому Слейтеру?

– Пробовал. Интересный тип. Разносторонний, я бы сказал. В свое время он отбывал срок...

– За что?

– Азартные игры. Случись это двумя месяцами раньше, и он проходил бы по делу как несовершеннолетний. – Росси рассеянно побарабанил пальцами по поручню кресла. – С тех пор Слейтер старается держаться подальше от всего, что могло бы быть расценено как противоправное. Во всяком случае, никаких материалов на него к нам не поступало. Вырос он на улице, мать умерла, когда он был подростком. Отец – горький пьяница; несколько раз его задерживали за мошенничество, за подделку денежных знаков, за попытку воспользоваться фальшивым чеком, но ему всякий раз удавалось вывернуться. Несколько лет назад Слейтер-старший избил проститутку в Таосе, но ничего серьезного за ним по-прежнему не числится. Сын порвал с папашиним окружением после отсидки и с тех пор ни во что противозаконное не вмешивался. Я, конечно, не поручусь, что не он разделался с Липски, но мне это кажется маловероятным. Слейтер вломился бы в мотель и размазал ублюдка по стенке. Яд не в его характере.

– Кто еще у тебя есть на примете, кроме Слейтера?

– Практически никого. Никого, кто вписывался бы в картину. Вы не смотрели дерби, капитан?

– В мире существует только один настоящий спорт – это бейсбол. – Типтон поправил на голове кепку. – Впрочем, я

что-то слышал... Вроде какая-то лошадь сломала ногу...

– Эта лошадь была по уши накачана наркотиками, капитан. И погибла от передозировки. А Слейтеров жеребец пришел к финишу первым.

– Так... – Типтон задумчиво допил свое пиво. – Куда ты клонишь, Роско?

– Я не совсем уверен, но... Может оказаться так, что мне потребуется вернуться на двадцать три года назад, капитан. Дело Наоми Чедвик..., вы его помните? Что вы можете рассказать мне об этой женщине?

– Любопытно! – Типтон положил пустую жестянку на пол и расплющил ее, наступив башмаком. – За сегодняшнее утро я слышу это имя во второй раз. Ее дочь звонила мне часов в десять... – Он бросил взгляд на часы. – Скоро она должна быть здесь.

– Келси Байден едет сюда?

– Она хочет поговорить со мной о своей матери, – Типтон откинулся на спинку качалки, явно наслаждаясь пронзительным скрипом сухого дерева. – Она тоже хочет, чтобы я вернулся в прошлое.

– Тебе следовало бы остаться на ферме, – пробормотала Келси. – До скачек в Бельмонте осталась всего неделя.

– Джемми превосходно справится и без меня, – беззаботно откликнулся Гейб, лихо вписываясь в поворот. – Собственно говоря, он чувствует себя гораздо спокойнее, когда я не

путаюсь у него под ногами.

– И все равно мне неловко, что я вынудила тебя бросить дела. Я и сама справилась бы с этим.

– Келси... – С выражением бесконечного терпения на лице Гейб взял ее руку, поднес к губам и поцеловал. – Заткнись, пожалуйста, а?

– Не могу. Я слишком волнуюсь. Этот человек арестовывал мою мать, допрашивал ее и в конце концов засадил в тюрьму. И теперь я собираюсь просить его, чтобы он помог мне доказать, что он тогда ошибся. И я опять солгала Наоми!

Она-то думает, что мы поехали кататься на машине.

– Мы едем на машине, разве нет?

– Не в этом дело, – резко возразила Келси. – Дело в том, что я обманываю ее и Моисея. И всех остальных. А ради чего? Ради своей собственной прихоти, ради дурацкого стремления убедиться, что у меня в роду не было убийц?

– Тебя действительно это волнует?

– Нет. – Келси с силой потерла глаза. – Я сама не знаю. Что-то в этом роде. Наследственность – страшная штука.

Она поморщилась.

– Я не утверждаю, что наследственность – это единственный фактор, который формирует характер. Окружение... – Она смущенно замолчала.

– С точки зрения наследственности и окружения я – потомственный негодяй, – пробормотал Гейб. – Я все ждал, когда ты до этого додумаешься.

– Я вовсе не тебя имела в виду, – попробовала защищаться Келси. – И не в этом дело... Я вообще не знаю, что я делаю, – прошипела она сквозь стиснутые зубы, мысленно проклиная себя. – Мои слова не имеют никакого отношения ни к тебе, ни к моим чувствам.

– Давай-ка на минуточку отвлечемся... – Гейб подумал, что совершил глупость, всерьез рассчитывая, что этот момент – такой, как сейчас, – никогда не настанет. Он начал эту игру без расчета, на чистом азарте – и проиграл. Ну что ж, если проигрывать, так по-крупному...

– Твои сомнения относительно самой себя основываются на истории твоей семьи... Помолчи, – бросил он, увидев, что Келси собирается его перебить. – Давай откроем карты. Видимо, у тебя есть сомнения и в отношении меня.., потому что у меня, считай, не было никакой семьи вообще.

Гейб гнал машину на большой скорости, выбирая пустынные проселочные дороги, где можно было не опасаться полицейских патрулей. Каждый поворот сопровождался возмущенным визгом шин, но он не сбрасывал газ, словно надеясь, что быстрая езда освободит их от владевшего обоими напряжения.

– Это не так, Гейб. Я бы не стала спать с тобой, если бы у меня были какие-то сомнения на твой счет.

– Стала бы, в том-то и дело, что стала бы! Просто тебе удобнее не обращать внимания на сомнения, когда гормоны берут верх над разумом и логикой. Мы с тобой оба хороши в

постели. Я бы сказал – чертовски хороши. Вся беда в том, что рано или поздно логика в тебе все же возобладает. В моих жилах течет скверная кровь, Келси, и этого нельзя изменить никаким способом.

Говоря это, Гейб продолжал внимательно смотреть на дорогу, однако он не мог не чувствовать на себе горящего взгляда Келси.

– Происхождение... О, оно всегда останется при тебе. Его можно замазать, спрятать под дорогими тряпками и заученными манерами, но твоя сердцевина всегда останется такой же, какая была дана тебе от рождения. Мне в моей жизни приходилось видеть и совершать вещи, которые способны были бы перевернуть, потрясти твою систему ценностей до самого основания. Да, я не передергиваю в карты и не прикладываюсь к бутылке, но это, пожалуй, единственное, чего я не попробовал. Если не касаться этих интимных подробностей, то о себе я могу сказать просто: я хотел иметь то, что имел Канингем, и я нашел способ этим завладеть. Я хотел залучить тебя в свою постель, и я бы сделал все, что в моих силах, чтобы мое желание исполнилось.

– Понимаю... – Теперь Келси смотрела прямо перед собой. Скорость не пугала ее, ее пугал Гейб. – Значит, это просто секс?

Несколько мгновений он не отвечал, и взгляды обоих устремлялись вперед, где за ветровым стеклом петляло узкое асфальтированное шоссе.

– Нет, – сказал он наконец. – Но, клянусь богом, я хотел бы, чтобы это был просто секс.

Келси прикрыла глаза и негромко, прерывисто вздохнула.

– Притормози-ка... – пробормотала она. Когда Гейб не обратил на нее внимания, она выпрямилась на сиденье и властно приказала:

– Сверни к обочине и останови эту чертову машину, Слейтер!

Покрышки протестуяще взвизгнули, когда Гейб вдавил педаль тормоза и резко рванул руль. Машину вынесло на обочину, и из-под колес брызнул во все стороны гравий.

– Если ты думаешь, что я позволю тебе выйти здесь, – холодно сказал он, – то ты сильно ошибаешься. Я отвезу тебя в Рестон или обратно домой.

– Я не собираюсь выходить.

– Вот и хорошо. Тебе уже давно пора понять, что я не намерен отпускать тебя от себя. Ни здесь, ни где-нибудь еще. Я уже давал тебе шанс отступить, но ты им не воспользовалась.

Келси еще никогда не видела Гейба в таком состоянии.

– Никакого шанса ты мне не давал, – откликнулась она. В ответ Гейб резко повернулся к ней и схватил за отвороты жакета.

– Это была твоя единственная возможность, Келси Байден. Больше ты ничего подобного от меня не дождешься. Провались все пропадом – и твои понятия о добре и зле, и твое безукоризненное воспитание, и твой кантри-клуб, и все

остальное, что стоит у меня на пути! И запомни – просто так я тебя не отпущу!

Келси почувствовала, как внутри ее вскипает холодное бешенство.

– Превосходно, Слейтер. Поскольку ты решил вести себя со мной как неандерталец, я, пожалуй, не скажу тебе то, что хотела сказать. Что я люблю тебя.

Пальцы Гейба, сжимавшие ее жакет, безвольно обмякли, руки опустились. Все его тело вздрогнуло, словно сведенное болезненной судорогой, но взгляд оставался прикован к глазам Келси, а выражение лица говорило только об одном – схватка еще не окончена. И все же Келси чувствовала, что он, как боксер после пропущенного удара, лежит на ринге и рефери уже ведет счет секундам.

– Ты сама не знаешь, что ты говоришь. И тут она ударила его. Когда ее кулачок врезался ему в ребра чуть ниже сердца, оба ахнули от удивления.

– Я этого не выношу, – Келси оттолкнула его руки, которые продолжали бессильно цепляться за лацканы ее жакета. – Мне не нравятся неандертальцы. К тому же меня просто тошнит от мужчин, которым кажется, будто мое сердце и разум бездействуют. Я вполне способна разобраться в том, что они мне подсказывают. И хотя мне кажется, что в данный момент времени это было бы не слишком уместно, я повторю: я люблю тебя, Габриэл Слейтер. А теперь заводи свою дурацкую машину, и давай забудем обо всем, что здесь про-

изошло.

– Дай мне пару минут, – пробормотал Гейб, чувствуя, что сейчас он не смог бы проехать и на трехколесном велосипеде.

Келси фыркнула и, скрестив на груди руки, вытянула ноги, насколько позволял ей салон «Ягуара».

– Хорошо. Отдыхай, приходи в себя. У меня по крайней мере будет достаточно времени, чтобы подумать над тем, как заставить тебя страдать.

– Иди сюда...

Гейб потянулся к ней, Келси отпихнула его локтем.

– Руки прочь, Слейтер!

– О'кей. Я буду обнимать тебя в своем воображении, поскольку для признания в любви это обязательное условие. Я люблю тебя.

Келси, несколько не смягчившись, тем не менее заинтересованно повернулась к нему.

– А это.., это тоже происходит в твоём воображении?

Дождавшись утвердительного кивка, Келси слегка приподняла брови.

– И давно?

– Несколько недель. Я думал, что со временем это пройдет. Как вирус... – Он поднял вверх обе руки, когда Келси отдернулась к самой дверце. – Ты собираешься снова меня ударить?

– Возможно. – Будь она проклята, если рассмеется! – по-

думала Келси, хотя ей было невыносимо трудно не расхохотаться под взглядом Гейба. – Вирус?

– Да. У вирусов есть одна особенность, о которой я совершенно забыл. Их не убьешь никакими антибиотиками – они просто отступают и прячутся в самом укромном уголке твоего организма, чтобы воспрянуть духом, как только для этого возникнут подходящие условия. Например, когда ты абсолютно беззащитен... – Он взял ее за руку и поднес к губам. – Я пытался справиться со своей болезнью, но...

– Но...

– Я чувствую себя лучше. Уже лучше... – Гейб наклонился к ней и страдальчески сморщился. – Боже, какой момент! Ну почему мы не у меня дома, одни!..

– Ничего страшного. – Она наклонила голову, слегка коснувшись губами его щеки. – Мы свое наверстаем. При первой возможности.

Теперь уже Гейб коснулся ее губ поцелуем, и Келси ответила ему со всей страстью.

– Все так запуталось... – пробормотала она. – И в то же время мне кажется, что все правильно. Как это может быть?

– Жребий, счастливый жребий, – откликнулся Гейб и, слегка отстранившись, поглядел ей прямо в глаза. – Надо только постараться, чтобы все осталось как есть.

– Мы постараемся. – Келси нежно коснулась ладонью его щеки. – Все хорошо и будет еще лучше.

Первым, что бросилось в глаза капитану Типтону, когда мужчина и женщина выбрались из модной спортивной машины иностранного производства, был характер их отношений. Он сразу понял, что перед ним любовники. Мужчина не сделал ничего особенного – просто положил руку на плечо женщине, просто поднял взгляд и улыбнулся, но капитану сразу стало все ясно.

Потом он заметил, что женщина была просто точной копией Наоми. Той самой Наоми, которую он отправил за решетку.

Разумеется, его наметанный глаз не упустил едва заметных различий. Линия губ дочери была мягче, щедрее, высокие скулы выступали не так сильно, а походка была более мягкой. Наоми, помнится, вышагивала куда энергичней, и движения ее ног наводили на мысль о ножницах в проворных руках парикмахера. И когда она шла, мужчины в радиусе полумили останавливались, разинув рты.

И все же капитан был рад, что Келси Байден предварительно позвонила. В противном случае он, наверное, пережил бы настоящее потрясение, когда, подняв взгляд, увидел бы на своей подъездной дорожке призрак женщины, которую он не мог забыть, как ни старался.

– Капитан Типтон? – По губам Келси скользнула улыбка, скользнула и погасла, как только ее взгляд упал на лейтенанта Росси. – И вы тоже здесь, лейтенант? Признаться, на встречу с вами я не рассчитывала.

– Мир тесен, не правда ли? – Росси чувствовал, что его присутствие раздражает Келси, и испытывал от этого какое-то извращенное удовольствие. Чтобы сделать это ощущение как можно полнее, он основательно приложился к пиву, которое держал в руке. В конце концов, он мог себе это позволить, поскольку находился не при исполнении служебных обязанностей.

– И, раз уж я здесь, позвольте мне представить вас друг другу. Келси Байден, Габриэл Слейтер. А это капитан Джим Типтон, мой бывший начальник.

– Роско всегда придавал большое значение формальностям. – Типтон ухмыльнулся, заметив, как брови Келси недоуменно поползли вверх, когда она услышала прозвище лейтенанта. – Прошу вас, присаживайтесь. Хотите пива?

– Мистер Слейтер не пьет, – вставил Росси.

– Что ж... Я думаю, у жены есть и чай со льдом. Сходи к ней, Роско, пусть нальет нашим гостям по стакану.

– Это было бы очень кстати, – быстро проговорила Келси, воспользовавшись возможностью поставить Росси в положение официанта, и без церемоний уселась на верхней ступеньке крыльца. – Спасибо, что нашли время принять меня, капитан.

– Нет проблем, мисс. Чего-чего, а времени у меня больше чем достаточно. Как поживает ваша матушка?

– Очень хорошо. Так вы ее помните?

– Вряд ли я когда-нибудь ее забуду... – Типтон решил пе-

ременить тактику, чтобы, так сказать, завоевать территориальное преимущество. – Роско сказал мне, мистер Слейтер, что вас можно поздравить. Ваша лошадь, похоже, может завоевать три главных приза сезона и стать «трижды венчанной». Я, правда, не слишком хорошо разбираюсь в скачках, мой спорт – бейсбол.

Гейб вежливо поклонился. Он тоже кое-что знал по части тактики.

– В этом году я бы поставил на «Птиц», капитан. У них отличный набор подающих, а мимо инсайда и муха не пролетит.

– Это верно! – Типтон в восторге хлопнул себя по коленке. – Богом клянусь, мистер Слейтер, вы совершенно правы! Вчера вечером они буквально растерзали «Соек». Вы не видели репортаж? Чертовы канадцы...

Гейб любезно улыбнулся и достал из кармана сигару.

– Я застал только самый конец, но зрелище было впечатляющее. – Он протянул сигару Типтону и, когда тот благосклонно принял ее, поднес ему зажигалку. – Последние три подачи вообще не поддаются описанию. Благодаря им мой капитал возрос на пятьдесят долларов – я выиграл их у помощника тренера.

Типтон выпустил изо рта аккуратное колечко дыма.

– Ну, сам я никогда не играю, – прогудел он. Гейб достал еще одну сигару, щелкнул зажигалкой и, прикуривая, поглядел на капитана сквозь пламя.

– Зато я играю. – Он выдохнул дым и благосклонно кивнул Росси, появившемуся на веранде с двумя высокими стаканами лимонного чая.

– Благодарю вас, лейтенант.

– Роско предпочитает футбол, – шутливо заметил Типтон. – Мне так и не удалось приучить его любить спортивные игры, которые требуют не только силы, но и мозгов.

– Меня все больше начинает интересовать спорт королей, – возразил Росси, снова усаживаясь на место. – Так, например, я собираюсь съездить в Бельмонт. Надеюсь на вашу победу, мистер Слейтер.

– Мы все надеемся.

– Ну ладно, – вставил Типтон. – В конце концов, мисс Байден приехала сюда не для того, чтобы обсуждать достоинства разных видов спорта. Вы ведь приехали сюда, чтобы поговорить насчет одного давнего дела, верно? – И он дружески улыбнулся Келси.

– Что вы можете рассказать мне об Алеке Бредли, капитан?

Типтон поджал губы: вопрос Келси удивил его. Он был уверен, что ее интересует прежде всего Наоми. Заинтригованный, капитан полуприкрыл глаза и вернулся на двадцать три года назад.

– Алек Бредли, тридцати двух лет, прибыл к нам из Палм-Бич. Некогда он был женат на женщине на пятнадцать лет старше его. При разводе она заплатила ему щедрые отступ-

ные, но к тому времени, когда Бредли повстречался с вашей матерью, он, похоже, успел потратить большую часть этих денег.

– Чем он занимался?

– Очаровывал леди– Типтон пожал плечами– Завязывал знакомства и пытался выжать из них какие-то деньги. Когда мог – играл на скачках. У него даже был свой собственный смокинг... – Типтон сделал небольшую паузу, – чтобы глотнуть пива. – В нем мы его и нашли.

– Вам он не нравился, – заключила Келси. Типтон выпустил три колечка дыма – отчасти для развлечения, отчасти для того, чтобы собраться с мыслями.

– Когда я впервые встретился с Бредли, он был уже мертв, но вы совершенно правы – такого типа я вряд ли пригласил бы к себе домой. В процессе расследования мне довелось узнать довольно много о привычках и характере Алека Бредли, но самое главное заключалось в том, что он сделал своей профессией ухаживание за пожилыми женщинами, подчеркну – обеспеченными женщинами И они хорошо платили ему – давали деньги, дарили подарки, знакомили со своими подругами, такими же авантюристками, как и они сами. Если Алек считал, что ему платят слишком мало, он использовал шантаж. Я не знаю, как называют таких типов сейчас, но в мое время их называли жиголо...

– Пиявками или котами, – с готовностью подсказал Гейб. Капитан удостоил его благосклонного кивка. У этого

Слейтера есть вкус, решил Типтон. Он хорошо разбирается в женщинах. И в сигарах.

– В общем, этот факт характеризует его достаточно красноречиво, – продолжил он. – К тому же парень умел себя вести с дамами, имел к ним подход. Обворожительные манеры, неплохое образование, происхождение.., если не ошибаюсь, среди его дальних родственников был даже какой-то расфуфыренный английский граф. Все это делало его неотразимым в глазах женщин, но из всех них он выбирал только дам в возрасте, замужних, занимающих положение в обществе.., словом, тех, кто не мог позволить себе скандал.

– Моя мать была разведена, капитан, – напомнила Келси.

– Но она оказалась вовлечена в этот процесс об опеке, – возразил Типтон. – И не могла допустить, чтобы правда о ее отношениях с Бредли выплыла наружу. В этом случае мисс Чедвик ни за что бы не выиграла дела.

– Но она открыто встречалась с ним.

– Да, – согласился Типтон, – но на людях они не выходили за рамки приличий. Наоми, похоже, несколько не беспокоило, что окружающие считают их любовниками. Никто все равно не мог этого доказать. – Он стряхнул пепел в пустую банку из-под пива. – В то же время ходили слухи, что Бредли пристрастился к дорогому белому порошку, но и этого мы не могли доказать.., пока он не был найден мертвым.

– Наркотики... – Келси заметно побледнела, но все же нашла в себе силы продолжить:

– Мама ничего не говорила о наркотиках. И в газетных отчетах об этом тоже не было ни словечка.

– В «Трех ивах» мы не нашли ни крошки кокаина. – Типтон вздохнул. Глаза Келси были так похожи на глаза матери, что он невольно снова и снова возвращался в те далекие годы. – Ферма была вне подозрений, и Наоми тоже. Явные следы кокаина, в смеси с алкоголем, мы нашли только в крови Бредли.

– Если это правда, то почему не предположить, что он действительно мог повести себя иррационально и агрессивно, что он напал на мою мать?

– Потому что мы не обнаружили явных следов борьбы. Только на ночной рубашке вашей матери были оторваны кружева. Вот здесь... – Типтон коснулся пальцами своей груди. – Еще у нее была пара синяков, но все это она могла сделать и сама.

– Если она сделала это сама, то почему она не перевернула заодно несколько столов и не разбила несколько ваз?

Умная девочка, подумал Типтон, а вслух сказал:

– Этот же вопрос я задавал себе..., и ей.

– И что сказала Наоми?

– В первый раз мы сидели внизу, потому что наверху еще работал фотограф, – припомнил Типтон. – Ваша мать накинула поверх рубашки теплый халат... – Как будто ей холодно, подумал он тогда. – Когда я спросил ее – почему, Наоми ответила, что она, дескать, просто об этом не подумала.

Он улыбнулся и покачал головой.

– Она меня презирала, вот в чем было дело. И подобные ответы она давала до тех пор, пока адвокаты не заставили ее попридержаться язык. Во второй раз я спросил ее об этом уже в участке, в комнате для допросов. Наоми курила одну сигарету за другой, буквально прикуривая каждую новую от окурка старой. На мой вопрос она ответила, что жалеет, что не сделала этого, потому что тогда, возможно, кто-нибудь ей и поверил бы.

Типтон отставил пиво в сторону и глубоко вздохнул.

– Видите ли, мисс Байден, буквально за полчаса до вашего приезда я уже говорил Роско, что поверил вашей матери.

Келси резко встала, с трудом распрямив ноги, которых она почти не чувствовала.

– Вы ей поверили? Вы знали, что она говорит правду, но все равно отправили ее в тюрьму?

– Я поверил ей, – повторил Типтон и, прищурившись, внимательно посмотрел на Келси. Она ответила ему смелым взглядом, но глаза капитана были совершенно непроницаемы. Глаза полицейского, подумала она с неожиданным смятением.

– Я поверил Наоми, но улики были против нее. Я провел несколько бессонных ночей, стараясь найти что-то, что могло бы послужить доказательством ее правоты, но... Все, что у меня было, это моя собственная интуиция. В конце концов я выполнил свою работу, мисс Байден. Я арестовал Наоми, я

снял с нее показания и представил суду все улики. Мне пришлось это сделать.

– И как вам после этого жилось, капитан? – Келси непроизвольно сжала кулаки. – Вы же знали, что она говорит правду.

– Я поверил ей, – поправил Типтон. – Но верить и знать – это разные вещи.

– Вот, Роско, я снова окунулся в прошлое. – Типтон проводил взглядом отъезжающий «Ягуар» и снова принялся раскачиваться в скрипучей качалке. – Как редко все-таки встречаются в природе серые глаза! Чисто серые, без примеси зеленого или голубого – серые, как дым. Такие глаза не скоро забудешь.

– Пусть Наоми Чедвик понравилась вам, капитан, но из этого вовсе не следует, что она говорила правду.

– Не то чтобы понравилась... Но она меня, как говорится, проняла. Я тогда уже был женат, Роско, моя семейная жизнь складывалась довольно удачно, и мне не было нужды ходить налево, но о Наоми Чедвик я думал. Ты считаешь, что я поверил ей потому, что ей удалось разбередить меня? – Он снова вздохнул, потом пожал плечами и сплющил под башмаком вторую жестянку из-под пива. – Честно говоря – не знаю. Я никогда не был уверен на сто процентов. Окружной прокурор слишком торопил нас и настаивал на аресте – зачем-то ему нужен был этот процесс. Улики были налицо, так что

свою работу я сделал.

Росси вертел в руках вторую банку «Будвайзера».

– А что ты думаешь о Чарльзе Руни?

– Об этом.., частном детективе? Удачливый показушник.

В те времена среди его клиентов было несколько громких имен, но в основном это были дела о разводе. Я нажал на него, но он держался за свою версию. У него была пленка, были его отчеты, и к тому же адвокаты Байдена его поддерживали.

– Но он стал свидетелем убийства и не сообщил о нем.

– На эту кнопочку мы тоже давили. Руни утверждал, что был просто потрясен. Он, дескать, собирался запечатлеть любовное свидание с поцелуями и всем остальным, а вместо этого получил убийство. По его словам, он все еще сидел в своей машине, когда подъехали полицейские; В общем, он расписал свое время буквально по минутам.

– И выжидал три дня, прежде чем принести пленку.

Типтон подергал себя за жесткие седые брови.

– Насколько глубоко ты намерен рыть, Роско?

– Настолько, насколько понадобится. – Он поставил на пол недопитую банку пива и наклонился вперед, упершись руками в колени. – Двадцать три года назад вы уже имели дело с лошадью, погибшей во время скачек, с наркотиками, с самоубийством и убийством. Теперь у меня на руках убийство, самоубийство, погибшая во время скачек лошадь и наркотики. Неужели маятник сам качнулся в обратную сто-

рону? Или кто-то его толкнул?

– Ты хороший коп, Роско. – Капитан заметно оживился, словно старая пожарная кляча при звуках колокола на каланче. – Сколько, по-твоему, человек принимает участие в игре на этот раз?

– Именно это мне и нужно выяснить. Может быть, вы, капитан, выкроите время и поможете мне с расследованием? Если, конечно, у вас нет никаких неотложных дел в столярной мастерской.

Типтон улыбнулся. Улыбка очень шла к его добродушному, круглому лицу.

– Пожалуй, я могу включить это в свое расписание.

– Я надеялся, что вы так скажете, капитан. Помните жокея, который повесился? Его звали Бенни, Бенедикт Моралес. Попробуйте найти о нем хоть какие-то материалы.

Увидев, что Гейб свернул в ворота «Рискованного дела», Келси выпрямилась на сиденье.

– Мне нужно домой, Гейб, – сказала она. – Сегодня из меня не получится хороший собеседник.

– Пожалуй, нет. – Гейб затормозил у дома и выключил зажигание. – И все же я предпочитаю, чтобы ты высказала все, что у тебя на сердце, здесь, а не тащила это в «Три ивы», где тебе пришлось бы объясняться с Наоми.

– Я просто очень сердита. – Келси вышла из машины и с силой захлопнула за собой дверцу. – Он, видите ли, верил

ей, но все-таки отправил ее в тюрьму!

– Копы никого не посылают в тюрьму, дорогая. Это делают судьи и присяжные. Можешь мне поверить, поскольку я как-никак тоже побывал за решеткой.

– Но Наоми провела в тюрьме десять лет. Разве это не важно?

– Дело в том, – отозвался Гейб, беря ее под руку и мягко разворачивая в сторону дома, – что эта глава в жизни Наоми дописана до конца и закрыта. И ты не сможешь этого изменить. Готова ли ты к последствиям, когда заявляешь, что намерена перевести стрелки часов назад и доказать, что все это было ошибкой?

Келси потрясение усталилась на него.

– К последствиям? Да что с тобой, Слейтер? Последствия не считаются, ты же сам мне об этом говорил. То, что случилось с Наоми, было чудовищно, несправедливо! Необходимо исправить зло...

– Опять черное и белое?

Келси почувствовала, что внутри у нее все перевернулось.

– Допустим. Ну и что с того?

– Ничего, – просто ответил он. – Только существует еще и серый цвет, Келси. И далеко не все, что может тебе встретиться в жизни, без проблем впишется в левую или правую колонку.

Келси отступила на шаг назад, но вдруг возникшая между ними пропасть была гораздо шире.

– Ты тоже хочешь, чтобы я бросила это дело?

– Я хочу, чтобы ты была готова.

– К чему?

Гейб шагнул к ней, разом сократив дистанцию, и положил ладони на ее упрямо поднятые плечи.

– Люди, которые тебе небезразличны, Келси, могут оказаться далеко не безупречными. И далеко не все они будут тебе благодарны, если ты возьмешься стряхивать двадцатилетней давности пыль с их поступков.

Келси раздраженно передернула плечами, но ей не удалось освободиться от его рук.

– Я прекрасно понимаю, что Наоми – далеко не святая и никогда не была. Я вовсе не ожидаю, что все участники этих событий окажутся безупречными, да и не стремлюсь получить идеальную картину. Я просто хочу знать правду.

– Превосходно. Только имей в виду – эта правда может тебе не понравиться. В лучшем случае ты просто не будешь знать, что тебе с ней делать, с этой правдой... И не пытайся сбросить мои руки, все равно у тебя ничего не выйдет, – добавил он и улыбнулся, когда Келси предприняла еще одну безуспешную попытку. – Первая правда, с которой тебе придется смириться, – тебе придется играть картами, доставшимися тебе при первой сдаче. Тебе – да и мне тоже – необходимо с минимальными потерями сыграть тем, что у нас на руках, и ждать следующего кона – вдруг потом нам повезет больше.

– Я вовсе не пытаюсь сбросить твои руки, – неожиданно мирно откликнулась Келси. – Просто я пытаюсь решить, что мне делать дальше. Как поступить.

– Я готов помочь тебе..., советом. – Гейб притянул ее ближе, и его ласковые руки опустились по ее спине вниз, а потом снова поднялись к плечам. – Расслабься, искупайся в бассейне.

– У меня нет с собой купальника.

– Я на это и рассчитывал, дорогая. – Он уже целовал ее, целовал так, что все ее мысли мигом куда-то исчезли. – А потом, – пробормотал Гейб невнятно, – я намерен уговорить тебя продемонстрировать мне то кулинарное умение, которому ты выучилась на своих хваленых курсах для домашних хозяек.

Расслабиться – это было неплохо придумано. Келси негромко пробормотала что-то счастливо-благодарное и повернула голову так, чтобы Гейбу удобнее было целовать ее в шею.

– Ты хочешь, чтобы я для тебя стряпала?

– Конечно. А еще я хочу отвести тебя наверх и соблазнить.

– Интересно, как называется то, что ты делаешь сейчас.

– А-а..., это... Это просто прелюдия. Завтра, после того как ты отдохнешь и твоя головка снова начнет соображать, мы с тобой снова начнем размышлять над нашими проблемами.

– Это звучит разумно.

Гейб поцеловал ее в шею и вернулся обратно к губам. Он

знал, что с его стороны просто нечестно не поделиться с ней кое-какими идеями, но ему очень хотелось, чтобы напряжение и тревога поскорее исчезли с ее лица. Гейб был благодарен судьбе за то, что они нашли друг друга, и стремился к тому, чтобы на ближайшую ночь они сосредоточились только на этом замечательном факте.

– Давай побудем сентиментальными, – предложил он и, шагнув назад, погладил ее по рукам, пока их пальцы не встретились и не переплелись между собой. – Я люблю тебя.

Келси почувствовала, как от этого признания сердце медленно переворачивается у нее в груди.

– Как я могу с этим не согласиться? – отозвалась она.

Глава 6

В розовом свете утренней зари Моисей наблюдал за тем, как кобылы ведут своих жеребят на водопой. Лошади знали порядок едва ли не лучше его: первой, горделиво помахивая хвостом, шла Большая Бесс, за ней – светло-рыжая упрямец Кармен, третьей вышагивала Верная, и так далее, и так далее. Замыкала строй пугливая, тонконогая Салли.

Рядом с кобылами скакали беззаботные жеребята, чувствующие себя в полной безопасности под защитой матерей. Они еще не знали, что всего через несколько недель им предстоит расстаться с беззаботной жизнью и впервые примерить узду, сделав первый шаг навстречу своей судьбе. Самых резвых и выносливых будут готовить к выступлениям на дорожке ипподрома или продадут на аукционе для жеребят-годовичков. Других станут тренировать для барьерных скачек или для выездки, Моисей, впрочем, не одобрял последнюю, которая казалась ему чем-то сродни цирку или ярмарочным балаганам, третьих кастрируют, четвертых оставят на ферме в качестве производителей.

Из нескольких десятков жеребят, как правило, только один или два обладали задатками будущих чемпионов. Моисей очень надеялся, что и среди этой группы найдутся такие, ибо каждую весну в Кентукки проходило новое дерби – состязания, на которых его воспитанники получали шанс

отличиться.

Может быть, вот этот жеребенок – гнедой, со звездочкой во лбу – выйдет через два года на площадку для победителей? Наоми назвала его Задором за гордый, вызывающий наклон головы. Жеребенок отличался безупречной статью, с обеих сторон вел свою линию от чемпионов, но только время могло показать, достаточно ли у него сердца, чтобы вести нелегкую борьбу на скаковой дорожке.

Собственное сердце Моисея уже давно ныло и никак не желало успокоиться – слишком большие надежды возлагал он на последнее дерби и на Горди. Наверное, этого не стоило делать, ибо объединенная мудрость его индейских и иудейских предков учила, что негоже дразнить богов, но он не прислушался к этой мудрости, вложив все свои надежды и все свое сердце в короткую двухминутную гонку.

И расплата не заставила себя ждать.

– Какие красивые, – раздался за спиной Моисея голос Келси. – Трудно поверить, что на будущий год они уже будут ходить под седлом.

Моисей засунул руки в карманы и, не оборачиваясь, промолвил:

– Наконец-то ты соизволила появиться...

– Прошу прощения, я немного опоздала.

– Ты немного опоздала сегодня. Вчера тебя не было полдня. И целый день – позавчера.

– Мне необходимо было сделать кое-какие дела.

– Дела... – Моисей повернулся к Келси с намерением излить на нее свое разочарование и раздражение. Он нисколько не сомневался, что она это заслужила.

– Для каждого, кто работает на ферме, существует только одно дело первостатейной важности, по сравнению с которым все другие дела – пустяки. Это дело – лошади.

Он оттолкнулся от ограды и сердито зашагал к конюшне, и Келси с виноватым видом побрела следом.

– Мне действительно очень жаль, Мо, но я не могла...

Ей пришлось тормозить каблуками, когда Моисей неожиданно остановился, и все равно она едва не врезалась носом в его плечо.

– Послушай, девочка, это тебе не детский сад и не игровая площадка. Здесь нельзя остановиться, нельзя выйти из игры, чтобы подтянуть чулочек или завязать шнурок. Ты должна тянуть свою лямку с утра и до вечера, изо дня в день, потому что, если ты этого не сделаешь, кому-то другому придется исполнять двойную работу. И пока я за все здесь отвечаю, я либо заставлю тебя подчиняться всеобщему распорядку, либо – до свидания. Ну скажи, где тебя носило? Где ты болталась вчера, вместо того чтобы работать Чену вместе с тренером молодняка?

– Я была... – Келси прикусила язык. – Это мое личное дело.

– Ну вот что, отныне будешь делать стрижку и маникюр в свое личное время. А теперь – марш! Нужно чистить стойла

и вывозить навоз.

– Но... Но мне нужно дрессировать Чену.

– Она уже на ринге – ее дрессирует другой человек. Когда он закончит, можешь немного ее прогулять. А теперь хватай вилы – и вперед!

Моисей повернулся и скрылся в своей конторе, а грумы и конюшенные мальчишки, остановившиеся послушать, как Моисей проводит воспитательную работу, немедленно вернулись к своим обязанностям. Публичные нагоняи неизменно вызывали всеобщее любопытство, но никому не хотелось, чтобы его застали за праздным созерцанием чего-либо подобного.

– Ну вот, теперь ты прошла крещение и можешь считать себя полноправным работником. – Наоми появилась словно из-под земли и, успокаивая, несколько раз погладила Келси по спине. – Мо не стал бы так с тобой разговаривать, если бы считал тебя посторонним человеком.

– Не обязательно было делать это на глазах у всех, – проворчала Келси. – И, черт побери, я была вовсе не у парикмахера. Взгляни...

Кипя праведным гневом, она помахала перед носом Наоми рукой с коротко остриженными, неотполированными ногтями.

– Разве похоже, что я недавно сделала себе маникюр? Он не должен был обвинять меня в том, что я отношусь несерьезно к своей работе только потому, что мне понадобилось

несколько часов... – Келси негромко выругалась. – Мне нужны были эти несколько часов!

– Мы все иногда забываем о том, что в мире есть еще что-то, кроме лошадей, навоза и ежедневных тренировок, – сказала Наоми мягко. – И ты вовсе не обязана с головой погружаться во все это. Откровенно говоря, большинство владельцев далеки от ежедневной черной работы, и если бы ты захотела...

– Ты думаешь, я не справлюсь? – На щеках Келси вспыхнули красные пятна, вспыхнули и стали распространяться вверх. – Ты думаешь, я не сумею довести начатое до конца?!

– Я этого не говорила, Келси.

– Вот как? Но почему бы, собственно, и нет? Разве прежде я не перепрыгивала от одного занятия к другому, разве не меняла места работы словно перчатки? Разве я дала кому-то повод подумать, что способна здесь задержаться и что вывозить навоз для меня важнее, чем составлять рекламные объявления или рассказывать экскурсантам об импрессионистах? Ведь если я смогла бросить мои прежние занятия, то почему бы мне опять не поискать что-то более интересное? – Она резко тряхнула головой, отбрасывая назад волосы. – Да потому, что это – другое! Совсем другое.

Она круто повернулась на каблуках и зашагала к стойлу.

Наоми поглядела вслед дочери и тяжело вздохнула. Потом ей подумалось, что самый верный способ забыть о собственных бедах – это заняться проблемами, которые двое самых

дорогих ей людей бросили к ее ногам. Сравнивая эти два характера, она решила, что Келси не вредно будет покидать навоз, чтобы слегка выпустить пар, поэтому она решила начать с Мо.

Моисей был у себя в конторе. Он разговаривал по телефону с агентом Рено и буквально рычал в трубку:

– Нет! Нет, я не выпущу его в Бельмонте. Сан-чес еще не готов, а Корелли прекрасно справился с Приливом на Прикнесс и даже занял призовое место. Он знает жеребца, а жеребец знает его. Да, это окончательное решение!..

Агент Рено еще что-то говорил, но Моисей, не дослушав, швырнул трубку на рычаги.

– Я не выставлю на такие ответственные соревнования напуганного жокея, с которого только что сняли гипс! – раздраженно бросил он.

– Я с тобой согласна. – Готовая к долгим уговорам, Наоми присела на краешек его стола. – И я думаю, что Рено с нами согласится. Он сам знает, что не готов к этим скачкам.

Предельно миролюбивым жестом она накрыла ладонью руку Моисея.

– Послушай, Мо, не слишком ли ты был резок с Келси?

Моисей нахмурился и отдернул руку.

– Ты пришла ко мне как хозяйка фермы или как мать?

– Я пришла, – сказала Наоми и ничего больше не прибавила. Оба некоторое время молчали, наконец она снова заговорила:

– Я знаю, что Кел некоторое время отсутствовала. Я знаю, ее что-то тревожит. И точно так же я чувствую – что-то тревожит тебя.

– Давай разбираться не со всем сразу, Наоми. – Мо отодринулся от стола и покачался на задних ножках стула. – Давай займемся для начала чем-нибудь одним. Келси лодырничала почти полтора дня. Завял наш цветочек...

Наоми озадаченно покосилась на него. Нет, это не просто раздражение, решила она. Мо и вправду обеспокоен.

– Нельзя забывать, что ей пришлось за очень короткое время перестроить всю свою жизнь, – сказала она осторожно. – Возможно, Келси просто хотела решить до конца какие-то вопросы, которые ее волнуют. Мне казалось, что до сих пор ты был весьма доволен ее работой.

– До сих пор – да, – согласился Моисей. – За исключением последних дней. Ее нужно было подстегнуть, и я сделал это. Может быть, ты забыла, но на ферме именно я отвечаю за поддержание дисциплины? И если ты хочешь, чтобы с ней обращались как-то по-особенному, не так, как со всеми...

– Я этого не говорила. – В голосе Наоми прозвучало раздражение. – Я хорошо знаю тебя, Мо. Ты не стал бы публично унижать человека за мелкое нарушение, так что обращаться с ней не так, как с другими, – это твоя инициатива.

Моисей повернулся к Наоми, так что некоторое время они в упор рассматривали друг друга, разделенные столом.

– Эта испорченная, безответственная девчонка привык-

ла немедленно получать все, чего ей ни захочется, – заявил Мо. – Она привыкла приходить и уходить, когда ей вздумается.

– Я была такой же. Мо согласно кивнул:

– Да, примерно. Но ты все-таки сумела доделать то, что начинала когда-то.

– Может быть, и Келси нашла здесь дело по душе – дело, которое кажется ей стоящим того, чтобы довести его до конца.

– А может быть, оно ей уже так надоело, что она подумывает о том, чтобы упаковать чемоданы. Думаешь, я не знаю, что будет с тобой, если Келси уедет именно сейчас?

Внезапный озноб заставил Наоми обхватить себя за плечи.

– Насколько я помню, именно ты убеждал меня в том, что она этого не сделает.

– Возможно, я ошибся. Возможно, я был слишком счастлив видеть на твоём лице беззаботную улыбку – такую же, как когда-то... Мне казалось, что события развиваются в правильном направлении, но потом... – Моисей откинулся на спинку стула и с ожесточением потер лицо руками. – Черт возьми, она просто попала мне под горячую руку?

– В чем дело, Мо? – Наоми снова протянула руку, чтобы коснуться его, и Моисей бережно сжал ее пальцы.

– Боги смеются надо мной, Наоми. Они смеются каждый раз, когда я забываю, что высшая сила в любой момент мо-

жет вмешаться и отнять у меня самое дорогое. Мое сердце уже было разбито однажды... – Он поднял на нее взгляд и жалко улыбнулся. – Это сделала ты. Просто это было давно, и я успел позабыть, как это больно.

– Горди... – пробормотала Наоми. – Не переживай, Мо. Оставь это мне.

Моисей с несчастным видом посмотрел на их соединенные руки.

– Это моя вина, Наоми. Я недосмотрел. Мне так хотелось победить, что я ненадолго утратил осторожность. И видишь, как это дорого обошлось всем нам?

– Ты можешь горевать, Мо, но ты не должен казнить себя.

– Это была моя лошадь, Наоми. – Он снова поднял глаза и встретился с ней взглядом. – Может быть, в документах значилось твое имя, но Горди принадлежал мне. И я потерял его только потому, что не посмотрел в нужное место в нужный момент. Я не почувствовал того, что должен был почувствовать. Даже сейчас я постоянно возвращаюсь в мыслях к тому дню, но не вижу ничего подозрительного... А ведь это наверняка было проделано у меня на глазах!.. – Моисей ударил кулаком по столу. – Под самым моим носом!

Наоми поняла, что может привести его в чувство только одним способом.

– О'кей, Уайттри, ты виноват. Ты здесь за все отвечаешь. Я плачу тебе за то, чтобы ты готовил моих лошадей, знал их, понимал, воспитывал с рождения до смерти. Я плачу тебе

за то, что ты организуешь работу, руководишь тренперсоналом и уборщиками, за то, что ты их нанимаешь и увольняешь, за то, что подбираешь команду, которая будет готовить к скачкам ту или иную лошадь. Похоже на то, что я плачу тебе еще и за то, чтобы ты предвидел будущее. – Она с вызовом приподняла голову. – И, поскольку именно в этом дело, я не знаю, уволить тебя или повысить тебе зарплату.

– Я серьезно, Наоми.

– И я серьезно. – Она соскочила со стола и, обойдя его, стала бережно разминать Моисею плечи. – Я хочу знать, как это случилось, Мо. Я хочу знать, кто это сделал, и хочу, чтобы этот человек заплатил за свое преступление по самому большому счету. Чего я не хочу – и чего не могу себе позволить – это чтобы ты, человек, которого я люблю и на которого рассчитываю, потерял мужество. До следующего дерби осталось чуть меньше одиннадцати месяцев, а ты что-то совсем расквасился.

– Да... – Моисей выдохнул воздух, успокаиваясь. – Наверное, мне нужно пойти извиниться перед этой соплячкой.

– Не утруждайся. Одной шишкой больше, одной меньше – для нее это не имеет значения. Моисей улыбнулся.

– Она пыталась наставить шишек мне. И глаза у нее были точь-в-точь как у тебя. За свою жизнь, Наоми, я много чего не успел сделать, но большие дела, о которых я по-настоящему сожалею, можно пересчитать по пальцам. Я никогда не был в Израиле и не ходил тропами моих индейских предков.

И не вделал тебе ребенка.

Пальцы Наоми, массиравшие ему шею, внезапно оставались, и Моисей, подняв руки, нежно сжал их.

– Возможно, это была ошибка...

– Не жалею. – Она наклонилась к нему и коснулась щекой его волос. – Не надо. Чем больше ошибка, тем реже выпадает шанс ее исправить.

Примерно о том же самом раздумывал Рик Слейтер. Повторный шанс выиграть большую игру был такой же редкостью, как зубы у курицы, поэтому счастлив был тот, кто сумел не упустить первую возможность и воспользовался ею к своему благу. И Рик Слейтер считал себя именно таким человеком – удачливым и счастливым.

Он только что поставил две тысячи на «золотой дубль» и вернулся в бар при ипподроме. Рику было известно, что выиграть в «дубле» довольно сложно, но в последнее время ему просто сказочно везло, да к тому же он мог позволить себе рискнуть двумя кусками.

Займусь-ка я лошадьми, подумал он, с удовольствием опрокидывая в рот бокал. Черт с ними, с картами, с рулеткой, с костями. Лошадки – вот кто принесет ему богатство.

Он заказал еще один бурбон, к которому пристрастился в последнее время, а сам вытащил из карманчика пятидолларовую сигару.

Щелкнувшая у него под самым носом зажигалка застави-

ла Рика удивленно приподнять брови. Раскурив сигару, он повернулся и, увидев Гейба, ослабилась как можно дружественнее.

– Как в старые добрые времена, – пробурчал он. – Эй, там, еще один бурбон для моего сына! В ответ Гейб поднял указательный палец.

– Один кофе, черный, без сахара.

– Че-ерт! – Рик умудрился произнести это коротенькое слово так, словно в нем было по меньшей мере три гласных. – Не будь таким паинькой, Гейб! Я угощаю.

– Кофе, – повторил Гейб и впился взглядом в лицо отца. Ему не потребовалось много времени, чтобы увидеть знакомые признаки: лихорадочно блестящие глазки, покрасневшие щеки, хищная улыбка от уха до уха. Рик Слейтер был пьян и к тому же имел в кармане крупную сумму. – Мне казалось, что у тебя неприятности в Чикаго.

– Я все устроил, так что не беспокойся. Всем известно, что старина Рик Слейтер никогда не забывает расплатиться со своими партнерами.

– Да? – Гейб слегка сдвинул брови. – А мне казалось, что ты доставал нужные карты из рукава и кое-кому это очень не понравилось.

Неужели он говорил что-то в этом роде? Рик задумался, лихорадочно роясь в памяти, которая, разомлев от бурбона, никак не хотела прийти ему на помощь. Впрочем, неважно.

– Да так, мелкие разногласия, – невнятно пояснил он. –

Все уже в прошлом. Взгляни-ка лучше сюда... – он указал рукой на монитор. – Эта скачка – моя. Я поставил на третий номер. Да, на третий...

Гейб бросил взгляд на экран как раз в тот момент, когда стартовые ворота распахнулись и лошади устремились на круг.

– Значит, ты действительно вернулся к игре на скачках? Мне говорили, но я не придавал этому значения.

– Ну давай же, крошка, прижми его к барьеру!.. Что? Где ты это слышал?

– Да в разных местах. Один человек видел тебя в Кентукки на Черчил-Даунз. В день дерби.

Рик продолжал внимательно следить за экраном, подгоняя свою фаворитку произвольными движениями тела. Тем временем мозг его лихорадочно работал, стараясь найти безопасную тропку через минное поле, на которое загнал его Гейб.

– Ага, ага, он вышел вперед! Ну, давай же, малыш, жми! Вот сукин сын, а? Я их всех сделаю. – Довольный тем, что одна из двух лошадей, на которых он поставил, пришла первой, Рик сделал бармену знак подать еще один бурбон. Если он угадал и победителя второй скачки – дело в шляпе. – У меня есть интуиция, Гейб! Говорят, это не пропьешь!

– И что тебе подсказала твоя интуиция в Кентукки, в прошлом месяце?

– Кентукки! – Дружелюбная улыбка на лице Рика стала

еще шире. – Да я не был в Кентукки уже лет пять, если не больше. Хотя, видит бог, мне уже давно пора было заняться лошадами.

– Я своими глазами видел тебя в день дерби. В лице Рика не дрогнул ни один мускул. Он даже не отвел взгляда, продолжая честно и искренне глядеть прямо в глаза Гейбу.

– Думаю, ты ошибся, сынок. Я снял неплохую квартиру в окрестностях Балтимора, чтобы все ипподромы, которые меня интересуют, были поблизости. Я имею в виду Пимлико, Лаурел, Чарльстон. Может быть, ты перепутал – я был на Прикнесс в Пимлико. В самом деле был. – Он подмигнул. – Между прочим, ставил на твоего жеребца. Ты меня не подвел, сынок. Мне вообще в последнее время везет на лошадях, так что я, возможно, прокачусь и в Бельмонт. На мой взгляд, твой вороной вполне способен собрать все призы Короны. А ты как считаешь? Если все будет, как я сказал, надо будет закатить по этому поводу пирушку.

– Ты знаешь, что случилось на дерби?

– Конечно. Я смотрел дерби по телевизору, и, признаться, у меня прямо сердце оборвалось, когда эта несчастная скотина упала. – Рик с сокрушенным видом покачал головой. – А скандал-то какой! Впрочем, тебе-то что за дело? Ты бы все равно выиграл.

– Кто-то помог этой лошади упасть. Не выпуская изо рта сигары, Рик кивнул:

– И об этом я тоже слышал. Грязный бизнес, но ты же сам

знаешь – подобные вещи случаются.

Он потянулся к миске с солеными орешками и забросил два из них к себе в рот; при этом Гейб заметил, что на пальце отца появился перстень со знаком доллара, образованным несколькими мелкими бриллиантами.

– Конечно, в наши дни это происходит редко, совсем не то, что раньше, – продолжал разглагольствовать Рик. – Сейчас-то всякие экспертизы, допинг-контроль... Даже если кто-то и обколел свою лошадку, это почти стопроцентная дисквалификация. То ли дело раньше... – он мечтательно зажмурился, наслаждаясь тем, как ловко он водит за нос этого мальчишку. – Когда мы с твоим дедом играли на скачках, тогда существовала чертова прорва всяких уловок и грязных трюков. Никто не гонялся за лошадьми с ведерком для сбора мочи, да и правил – и для лошадей, и для жокеев – было поменьше. Но так было лет сорок назад, а то и поболее. – Погрузившись в приятные воспоминания, Рик вздохнул, словно испытывая приступ ностальгии по ушедшим временам. – Жаль, что ты не знал своего деда, Гейб.

– Жаль, что он получил пулю в лоб из-за.., мелких разногласий.

– Это верно, – подтвердил Рик без тени сарказма в голосе. Своего отца он уважал и почти любил. – Я всегда пытался тебе это втолковать: иногда мошенничество – всего лишь одно из правил игры. И дело лишь в ловкости рук и умении выбрать подходящий момент.

– И убийство – тоже часть игры. Убийство человека или лошади... Для некоторых одно не отличается от другого.

– Некоторые лошади были мне гораздо приятнее иных людей.

– А я вот вспоминаю скачки в Лексингтоне. Я тогда был ребенком... – Гейб поднес к губам чашку с остывшим кофе, не переставая внимательно наблюдать за отцом. – Но я хорошо помню, как ты нервничал и трясся. Стояла ранняя весна, и было совсем не так жарко, но ты потел, как на пляже в жаркий день. Помнишь? Ты заставлял меня обходить трибуны и приманивать к тебе клиентов. В тот день тоже пала одна лошадь.

– Это бывает. – Рик снова повернулся к монитору. Несмотря на поступающий из кондиционеров прохладный воздух, шея у него взмокла. – В мое время подобное случилось чуть ли не каждую большую скачку.

– Тогда это тоже была лошадь Чедвиков.

– Нет, правда? Ну что тут можно сказать... Не повезло. Эй, ты что, не видишь, что у меня уже пустой стакан?

– Потом из-за этого повесился жокей, – как ни в чем не бывало продолжал Гейб. – И еще я припоминаю, что после той скачки мы жили в Лексингтоне совсем недолго – всего пару дней, не больше. Это весьма странно, поскольку вопреки обыкновению наша комнатка была оплачена на месяц вперед.

– Охота к перемене мест, Гейб. Ты же знаешь, я никогда

не мог подолгу торчать в одной и той же дыре.

– И еще – после Лексингтона ты был просто набит деньгами. Правда, их хватило ненадолго – как, собственно, и всегда, – но я уверен, что ты отхватил большой куш, потому что, когда мы уезжали из города, деньги у тебя еще были.

– Просто в тот день я удачно поставил на победителя.

– Насколько я успел заметить, ты и сейчас не испытываешь недостатка в деньгах. Новый костюм, золотые часы, кольцо с бриллиантами. – Гейб схватил отца за руку и поднес ее поближе к свету. – Маникюр...

– Куда ты клонишь, парень?

Гейб заставил себя наклониться вперед, хотя от запаха бурбона его мутило. Тем не менее его голос прозвучал спокойно, почти холодно.

– Смотри, как бы я не дознался, что ты был в Кентукки в первое воскресенье мая!

– Ты что же это, угрожаешь мне?

– Да.

Чувствуя, как его с головой захлестывает волна страха, Рик поспешно взял со стойки, новый бокал с очередной порцией бурбона.

– Не забивай себе голову глупостями, парень. Думай лучше о своей лошади, которая побежит для тебя через неделю, и оставь в покое прошлое. А если хочешь отвлечься – помечтай о своей прелестной белобрисой кобылке, которую ты обхаживаешь.

Одним быстрым движением Гейб схватил отца за узел его шелкового галстука и рванул на себя. В то же самое мгновение рядом с ними очутился встревоженный бармен.

– Господа, господа! Мы не хотим иметь неприятности...

– Никаких неприятностей, – Рик ухмыльнулся прямо в лицо Гейбу. – Абсолютно никаких. Семейное дело, только и всего. Я рад, сынок, что ты замахнулся на такое большое дело. Голубая кровь и все такое... Готов побиться об заклад, эта чистокровная кобылка лягается, как бешеная, но зато и выносливость у нее, должно быть, соответствующая. Может, тебе уже пора представить ее твоему старому папке, а?

Гейб с такой силой сжал пальцы, что они заныли. Кулак его буквально зудел от желания врезаться в эту выбритую челюсть, но..., каким бы мерзавцем ни был Рик Слейтер, все-таки это был его отец.

– Держись от нее подальше, – негромко предупредил он.

– А не то?..

– Я убью тебя.

– Мы оба знаем, что для этого у тебя кишка тонка. Но мы могли бы заключить сделку: я не лезу в твои дела, а ты – в мой. – Почувствовав, что хватка Гейба ослабла, Рик вырвался и разгладил галстук. – Иначе мне придется поговорить с твоей красоткой. Клянусь богом, мне есть о чем ей рассказать!

– Еще раз говорю, держись от нее подальше. И от нее, и от всего остального, что принадлежит мне. – Гейб достал из

кармана купюру и положил ее рядом с кофе, к которому он едва прикоснулся. – Иначе худо тебе будет.

– Дети!.. – сказал Рик встревоженному бармену, когда Гейб вышел. – Как трудно порой научить их уважать родителей.

Он взял со стойки бурбон и опрокинул его в рот, стараясь не обращать внимания на сильную дрожь в руках.

– Иногда, – пробормотал он, – уважение приходится просто вколачивать в них.

С этими словами он повернулся к монитору и стал ждать результатов второй скачки.

Когда Келси с сознанием честно выполненного долга смогла наконец выйти из конюшни, снаружи уже сгустились сумерки. Двенадцать часов кряду она не покладая рук убирала навоз, меняла в денниках соломенную подстилку, драила медяшку на сбруе и скоблила бетонный пол в проходе между стойлами и в тамбуре. В результате каждый мускул в ее теле ныл и просил о пощаде, и единственное, о чем она способна была мечтать, это о горячей ванне и блаженном забытье сна.

– Хочешь пива? – Моисей сидел у дверей на перевернутой бочке и держал в руке две запотевшие бутылки. Очевидно, он специально дожидался ее.

– Нет. – Келси удостоила его такого же холодного взгляда, каким было пиво в его руках.

– Бери! – Моисей протянул ей откупоренную бутылку. – Я никак не мог найти мою трубку мира.

Сдаваясь, Келси с видимой неохотой взяла пиво. Откровенно говоря, она предпочла бы ему литра четыре холодной воды, однако оказалось, что пиво отлично смывает привкус пота и скопившейся во рту грязи.

Моисей прищурился, разглядев в полутьме свежий синяк на предплечье Келси.

– Сержант укусил? – спросил он.

– Да. Что дальше?

– Ну, Келси, ты же не можешь дуться на меня вечно. Я ведь такой обаятельный мужчина. Келси отпила еще глоток.

– Кто тебе сказал?

– С твоей матерью мое обаяние ни разу не давало осечки, – проворчал Моисей. – Послушай, голубушка, я вздул тебя, потому что думал – ты отлыниваешь. Теперь я вижу, что ты хорошо потрудились, и говорю тебе об этом прямо. И не только сегодня. По большей части ты работала неплохо.

– По большей части?..

– Угу. Ты быстро учишься и не повторяешь дважды одни и те же ошибки, однако тебе все равно необходим кто-то, кто стоял бы у тебя за спиной. У тебя слишком много характера и слишком мало терпения, но это не великая проблема. Постоянно имея дело то с лошадьми, то с твоей матушкой, я научился с этим справляться.

– С моей... – У Келси отвисла челюсть. – С Наоми?

– Она может быть упряма, как мул, когда ей чего-то втемяшится в голову. Сейчас она взбрыкивает совсем не так часто, как бывало в юности, и я, признаться, порой об этом жалею.

Моисей посмотрел на мыски своих ботинок.

– Чертовски жалею! – повторил он. – И дело не в том, что в тюрьме ее сломали. Просто она сама сильно изменилась. Стала круче, жестче, уверенней в себе, научилась сдерживаться. Я и на тебя-то сегодня бросился скорее из-за Наоми, чем из-за работы.

– Я не понимаю...

– Если ты повернешься к ней спиной сейчас, это убьет ее. Она, понятно, не хотела бы, чтобы я говорил тебе об этом, но я все-таки скажу. Для меня в целом мире нет никого дороже Наоми, и я не хочу, чтобы кто-то снова причинил ей боль.

– Но я не собираюсь бросать ее или поворачиваться к ней спиной! – с горячностью возразила Келси. – Может быть, тебе трудно поверить мне на слово, но я хотела бы, чтобы ты не сомневался во мне. Правда, хотела бы...

– По моему мнению, заслуживает доверия каждый, кто способен почистить лошадь и не сбежать после этого. Увидимся утром.

– Конечно. – Келси пошла было прочь, но остановилась и обернулась через плечо. – Чудесный вечер, Мо.

– Да.

– Многие женщины любят гулять при луне.

– Я об этом слышал.

– Так вот, в ближайшие два часа лунного света будет более чем достаточно, – объявила Келси и, торжествуя, зашагала дальше к дому. Ей казалось, что она сделала все, что должна была сделать, и теперь у нее была только одна забота – застать Герти в кухне и попросить подогреть что-нибудь вкусненькое, пока она будет наслаждаться горячей ванной.

Час спустя она все еще дремала в горячей ванне среди душистой пены и водоворотов горячих пузырьков. Ее мир снова пришел в норму и перестал угрожающе раскачиваться и трещать по швам.

Она как раз раскрыла рот, чтобы сладко зевнуть, когда дверь неожиданно распахнулась.

– Гейб? – Смутившись, Колей так резко выпрямилась, что едва не выплеснула на пол половину воды. – Что ты здесь делаешь?

– Герти сказала мне, что я могу найти тебя здесь. – Он стоял в дверях, зацепившись большими пальцами за ремень, и явно наслаждался зрелищем. – Я хотел пригласить тебя к себе, но ты, похоже, одета не для верховой прогулки.

– Я часто купаюсь голой, у меня такая привычка.

– Может, тебе потереть спину? Ну, и другие места, до которых самому трудно дотянуться?

– Ничего, я как-нибудь сама справлюсь. – Келси отвела с глаз влажные волосы и поборолла в себе желание прикрыть

наполовину погруженные в пену груди большой розовой губкой, которая плавала тут же. – Послушай, почему бы тебе не подождать внизу, пока я не закончу?

Гейб ненадолго задумался, потом начал расстегивать рубашку.

– Нет. Я тоже хочу помыться.

– Не вздумай! В конце концов, мы в доме моей матери.

– Ее все равно сейчас нет.

– Да разве в этом дело – дома она или ушла. – Келси снова поправила влажную челку, которая упрямо лезла в глаза. – Только попробуй снять рубашку, Слейтер! Герти в кухне! – прошипела она.

– Ей придется потерпеть – для троих эта ванна слишком мала. – Гейб швырнул рубашку в угол и стал расшнуровывать ботинки.

– Я не шучу, Слейтер. Это..., это неприлично.

– Я хочу тебя, Келси.

Келси хотела что-то возразить, но только вздохнула. Она видела, как напряглись его плечи и как под действием нарастающей страсти начинает вздрагивать его тело.

– Черт побери... – пробормотала она. – Запри хотя бы дверь...

– Я уже запер.

Джинсы Гейба упали на пол рядом с ее одеждой, и он осторожно опустился в горячую воду за спиной Келси. Обвинив руками ее талию, он зарылся лицом в ее влажные волосы.

– Боже! – глухо пробормотал Гейб, вдыхая ее запах, чувствуя под пальцами гладкую, до скрипа отмытую кожу и пытаясь справиться с яростью, которую вызвал в нем недавний разговор с отцом. Ему очень хотелось забыть о нем как можно скорее, и Келси могла ему в этом помочь. И не только в этом. Она была для него всем.

– Скажи мне, что случилось, Гейб?

– Ш-шш!.. – Его руки поднялись выше к ее тяжелым грудям и коснулись сосков. – Ничего не говори. Дай мне только прикоснуться к тебе, только прикоснуться...

Исходящие от него нежность и ласка захлестнули ее с головой. Еще никогда Гейб не был так мягок и нежен с ней, и Келси таяла в его руках как воск. Откинувшись назад, она облокотилась на него, но он ничего не предпринимал – только осторожно касался ее кожи. Пальцы Гейба скользили по ее бедрам, опускались от колен к лодыжке, снова поднимались вверх, скрываясь в тесной подводной пещере, и тогда Келси чувствовала внутри такой жар, что, казалось, ее кости вот-вот начнут плавиться.

Вздвогнув, она попыталась повернуться к нему, но он только крепче прижал ее к себе.

– Не сейчас, – шепнул Гейб, и она почувствовала, как его горячие губы ползут по ее мокрому плечу и по шее, где от влаги и тепла волосы завились в колечки.

И в конце концов Келси уступила, отдалась ему полнее, чем когда-либо за всю недолгую историю их отношений, поз-

волив рукам Гейба ласкать себя и гладить так и там, где ему хотелось. Вода плескалась у бортиков ванны, пузырьки воздуха лопались на поверхности, с легким шипением оседала пышная белая пена. Каждый раз, когда он подводил ее к пику наслаждения, тело Келси напрягалось, трепетало, взрывалось изнутри, и тогда ей казалось, что этот раз будет последним, но Гейб тут же начинал новое наступление и, действуя медленно, терпеливо, ласково, снова разжигал в ней огонь новой страсти.

Ей казалось, что она – оглушенная, ослепленная, невесомая – взлетает вверх вместе с языками пылающего внутри ее костра, плывет над землей вместе с его дымом и горячим туманом, поднимающимся над горячей ванной, не слыша и не чувствуя ничего, кроме собственных протяжных стонов и прикосновений его нежных рук. И только когда Гейб наконец повернул ее лицом к себе – повернул, выплеснув при этом половину воды на кафельную плитку пола, – Келси почувствовала, что опускается из этой дымной пелены обратно в раскаленное пламя пожара.

Глава 7

Эта лошадь не должна выиграть.

Рик щедрой рукой налил себе канингемовского скотча. Он знал, что настоящий мужчина не должен слишком привязываться к одному и тому же напитку, к одному типу женщин, к определенной разновидности игры.

Его щенок так этого и не понял, подумал Рик и, залпом выпив двойную порцию виски, тут же налил себе еще. Ему так и не удалось научить этого свиненыша ничему путному.

Ну что же, зато теперь он проучит его как следует.

Тройная Корона? Ну уж нет! В этом году ни одна лошадь не будет «трижды венчанной», особенно если это лошадь Гейба. Уж он об этом позаботится. И если работенка, за которую он взялся, поможет ему отомстить неблагодарному сыну и свести кое-какие старые счета – тем лучше.

Свободно расположившись в широком и мягком кресле Канингема, Рик вытянул ноги, обутые в мягкие итальянские туфли, и улыбнулся. Такая жизнь – жизнь владельца усадьбы – ему определенно нравилась. Собственный дом посреди живописного участка земли, пара шикарных машин в гараже, женщина, готовая ублажить в постели, – чего еще желать?

И у него тоже будет все это – такое же или даже лучше. Как только он покончит с делами, то отправится в Вегас со

всеми выигранными деньгами. А в Вегасе – Рик был уверен в этом, – его знают и помнят. Он будет жить, как король, будет снимать самые дорогие апартаменты в «Цезаре» и появляться в обществе с шикарной грудастой блондинкой.

Там он сможет приумножить свой капитал и купить дом. Может быть, даже в Неваде. Пусть это будет одно из тех экзотических ранчо, которые только на вид кажутся скромными, а на самом деле стоят чертову уйму денег; ранчо с бассейном на заднем дворе, с подземным гаражом на три., нет, лучше на пять машин, с участком, заросшим цветущими опунциями и пальмами. А если ему надоест ничего не делать – или если вдруг кончатся деньги, – он сможет снова заглянуть в Вегас, чтобы поправить свои дела.

И Рик Слейтер позволил себе помечтать о колесах фортуны, которые вращаются под его дудку, о выигранных в карты состояниях и о деньгах, которые посыплются на него золотым дождем, словно по велению высших сил.

– Какого черта тебе здесь нужно? – На пороге комнаты возник Билл Канингом, самым неделикатным образом помешав Рику предаваться сладостным грезам. Лицо Канингема покраснелось от ярости, он почти задыхался, так что вместо грозного окрика из горла его вырвалось лишь негромкое сипение.

– Привет, Билли-бой. Ну как твои деловые партнеры? Ты с ними закончил? Ходят слухи, что ты превратил свою Шебу в акции и можешь сделать на них миллион с небольшим, даже

если оставишь себе контрольный пакет.

– Это мое дело, – отрезал Канингатем. Сделка была на мази, и он поклялся, что ничто – и никто! – не сможет ему помешать. Миллион – миллионом, а ему пора было выплачивать проценты по кредиту, и критический срок стремительно приближался.

– Ты получил свои деньги, Слейтер. Мы с тобой в расчете.

Поджав губы, Рик внимательно рассматривал последний плоток скотча, чудом задержавшийся в стакане.

– Это не по-товарищески, Билли-бой.

– Что ты делаешь в моем доме?

– Что, старый друг уже не может заглянуть в гости? – Рик нагло ухмыльнулся. – Эта твоя постельная грелка, которая меня впустила, была гораздо более приветливой. Она сказала, что идет прошвырнуться по магазинам. «Посетите универмаг „Нейман Маркус“, дешевые товары на все вкусы!» – Он подмигнул. – Вот увидишь, она притащит сюда целый мешок безвкусного и дорогого барахла. Я бы на твоём месте выпер её и обзавелся девчонкой с более скромными запросами.

– Марла – моя жена, – ответствовал Канингатем со всем достоинством, на какое был способен в данных обстоятельствах.

– Нет, серьезно? – Рик хлопнул себя по коленям и, качая головой, поднялся с кресла. – Поздравляю, Билли-бой. Жена – это тот же камень на шее, только с сиськами. Ты, выходит,

еще больший дурак, чем я думал.

Канингатем с горечью подумал, что дураком он был, когда связался с Риком Слейтером. Впрочем, в последнее время он лично не совершал ничего противозаконного, и это давало ему основания надеяться, что и в дальнейшем он сможет не поскользнуться. Сделка с продажей лошади по частям, – а точнее, продажа части будущих доходов от нее, – сделка, которую Канингатем только что заключил в конюшне, правда, пока что в устной форме, действительно могла принести ему миллион чистыми, как и предполагал Слейтер. Это означало только одно – пора порывать с прежними связями, которые могли его скомпрометировать.

– Я вынужден попросить тебя уйти, Рик. Мы с тобой рассчитались. Кроме того, нас не должны видеть вместе – это было бы неразумно.

– Но здесь же никого нет, кроме тебя и меня, – возразил Рик и, подмигнув, снова развалился в любимом, кресле Канинггема.

Он отлично понимал, о чем думает его бывший партнер. Он читал его мысли, точно раскрытую книгу! Билли наверняка считает, что старина Рик ему больше не нужен. Что ж, поглядим...

– Можешь не волноваться, – покровительственно бросил Рик. – Я здесь не затем, чтобы выпрашивать у тебя деньги, так что расслабься и дыши ровнее.

Это утверждение заметно успокоило Канинггема.

– Зачем же ты тогда здесь?

– Я хотел просить тебя об одолжении. Просто об одолжении, которое бывшие партнеры по бизнесу всегда могут оказать один другому. Есть одна лошадь, о которой надо позаботиться. – Он поднял стакан, любуясь тем, как льющееся в окно солнце играет на ограненном хрустале.

– Я не хочу в этом участвовать.

– То, что ты хочешь, и то, что ты вынужден будешь сделать, – это две разные вещи. – Рик оторвал взгляд от бокала и посмотрел на Канингема. – Я задумал убрать вороного жеребца, который принадлежит моему сыну. И ты должен будешь мне в том помочь.

– Ты спятил... – Потрясенный, Канингем вытер с верхней губы проступившую испарину. – Ты спятил, Рик! Я не желаю иметь к этому никакого отношения.

– Давай-ка поговорим об этом поподробней, дружок, – невозмутимо продолжил Рик Слейтер и улыбнулся.

Чемоданы Келси стояли у двери спальни рядом с дорожными сумками Гейба. Не позднее семи утра они должны были отправиться в Нью-Йорк. Через шесть часов, подумала Келси, глядя в небо через прозрачный люк в потолке.

Вздыхнув, она завозилась и, приподнявшись на локте, поглядела в лицо Гейбу. Видеть его рядом с собой было удивительно – во всяком случае, привыкнуть к этому она еще не успела. Лицо Гейба было мужественным и в то же время –

теплым и нежным.

Мой, подумала Келси. И это лицо, и это сильное тело... Не в силах сдержаться, она погладила Гейба по груди. Крупное, сильное, не знающее усталости тело мужчины. Лицо мужчины, при одном взгляде на которое ее охватывало волнение.

Но это была только внешняя оболочка. Потрясающая оболочка, подумала она, касаясь его решительного подбородка. Но и то, что скрывается под этой оболочкой, не менее привлекательно. Сила, мужество, доброта... Они уже помогли Гейбу справиться с жестокой судьбой, и теперь он изо дня в день продолжал доказывать свое право на счастливую, обеспеченную жизнь. Он сумел вырваться из злобы и нищеты, уготованных ему по праву рождения, сумел сам преодолеть все препятствия на пути к жизни, о которой он мечтал с самого детства.

И в эти же самые минуты в конюшне спал могучий конь, наделенный такими же недюжинными мужеством и силой. И, может статься, им двоим суждено войти в историю.

– Нет, бесполезно... – пробормотала Келси, касаясь губами его шеи.

– М-м-м... – сонно отозвался Гейб, машинально погладив ее по спине.

– Я не могу уснуть, слишком волнуюсь. Некоторое время он лежал неподвижно, наслаждаясь ее ленивыми ласками, потом – всегда готовый услужить – перевернулся на спину так, что Келси оказалась на нем.

– Так поразвлекайся, – пробормотал Гейб. – А я пока посплю...

Келси хихикнула и скатилась с него, сев на матрасе по-турецки.

– Я не это имела в виду.

Она посмотрела на него сверху вниз, откровенно любуясь его пропорциональным гибким телом, еще более смуглым на фоне белоснежных простыней.

– Нет, конечно, это весьма соблазнительное предложение... – сказала Келси, смеясь, и, наклонившись вперед, запечатлела на его животе сочный поцелуй. – Пожалуй, я так и сделаю, когда вернусь.

Гейб совершил быстрый бросок, намереваясь схватить ее, но Келси уже соскочила с кровати.

– Вернешься откуда? – уточнил Гейб, протирая глаза.

– Мне нужно пройтись. Хочу проведать Дубля. Глядя на то, как она натягивает джинсы на голое тело, Гейб громко сглотнул слюну.

– Между прочим, сейчас начало второго ночи.

– Я знаю... – Келси сражалась с футболкой, воротник которой был чересчур узким. Наконец ее взъерошенная голова показалась в отверстии. – Меньше чем через восемь часов мы будем в Бельмонте. Разве могу я спать? А вот ты – засоня.

Она откинула назад волосы и наклонилась, чтобы зашнуровать ботинки.

Гейб не стал возражать, хотя последнее утверждение и по-

казалось ему спорным.

– Я пойду с тобой.

– Ладно, спи уж... Я быстро. Но он уже сидел на кровати и приглаживал пятерней волосы.

– Я пойду с тобой.

– Ну тогда догоняй.

С этими словами Келси выскользнула из спальни и быстро спустилась по лестнице.

Июньская ночь показалась Келси такой прекрасной, что у нее невольно захватило дух. Теплая, чуть-чуть ветреная, звездная, она была напоена запахами молодой жизни. Откуда-то из холмов доносились крики сов, возле крыльца благоухал куст белоснежного жасмина, а чуть дальше в симфонию полуночного часа вплетали свой аромат шток-розы. Лунный свет посеребрил крыши хозяйственных построек, окружив их своей волшебной, древней аурой.

Возможно, подумала Келси, это ее волшебная сказка, ее зачарованная страна, ее личная, счастливо сбывшаяся мечта. Трагедия привела ее в эти края, но она же открыла перед нею золотые врата будущего. Впрочем, все волшебные сказки начинались с трагедий и были полны сирот, заколдованных принцев, коварных изменников и утраченных любимых;

Но зато у всех сказок был счастливый конец. Возможно, именно поэтому Келси неосознанно провела аналогию между ними и событиями последних месяцев, и если уж она оказалась в сказке, то обязана позаботиться, чтобы добро вос-

торжествовало. Она не сдастся и докопается до правды, чего бы это ни стоило.

Она снова встретится с капитаном Типтоном и с Чарльзом Руни. Она поговорит с Герти, с Моисеем и, конечно, с самой Наоми – словом, со всеми, кто имел хотя, бы малейшее отношение к смерти Алека Бредли.

Но этим она займется потом. Через неделю. Пока все ее помыслы были о Бельмонте и о скачках.

Негромко рассмеявшись, она остановилась и подняла взгляд к звездному небу. Да, у нее было все это – и великолепие праздников, и мужество жокеев и лошадей, и пролитый пот, и азарт, и захватывающая красота стремительных двух минут, в которые вложено столько труда, таланта, воли.

Через неделю, пообещала она себе, через неделю это случится, и она увидит Гейба и его трижды венчанного вороного, которые сделают круг почета на ипподроме в Бельмонт-парке.

Из-за угла конюшни вылетел кот. Его длинное серое тело пересекло дорожку со скоростью пули, и Келси вздрогнула от неожиданности. Смущенно посмеиваясь над собственным страхом, она нервно потерла руки и толкнула створку двери.

Дверь конюшни чуть слышно пискнула петлей и отворилась. Внутри царила кромешная темнота, и из нее на Келси пахнуло запахами кожи, лошадей, навоза и притираний. Все эти запахи были ей хорошо знакомы, поэтому она не колеб-

лясь ступила в темноту. Чтобы не тревожить лошадей, Келси решила не включать свет; вместо этого она пошарила по стене, на которой днем видела фонарик. Он сразу попался ей под руки, и Келси щелкнула кнопкой, рассекая надвое плотную тьму. Каблуки ее башмаков застучали по бетонному полу.

Не успела она сделать и нескольких шагов, как из темноты второго стойла на нее уставились сверкающие желтые глаза. Келси негромко ахнула и чуть не выронила фонарик. Волшебные сказки, подумала она и нервно хихикнула. Хорошо, что Гейб не видит, как она шарахается от прижившихся в конюшне кошек и котов.

У дверей денника Дубля стояла раскладушка, и Келси улыбнулась, снова приходя в хорошее расположение духа. Конечно, конюшня охранялась, но прославленный ипподромный боец нуждался в персональном телохранителе. Ну что же, она не будет беспокоить конюха, решила Келси. Она лишь потихонечку заглянет в стойло и пойдет обратно.

Однако, когда Келси подошла поближе, она с удивлением заметила, что раскладушка пуста. В тревоге она направила луч фонаря на денник. Дубль не спал. Негромко всхрипнув, он ответил ей внимательным взглядом и слегка затанцевал на своих сухих мощных ногах.

– Прости, дружок, – пробормотала Келси. – Наверное, я просто нервничаю. Куда девался твой охранник – вышел покурить или его позвала природа? А как ваши чемоданы, сэ

Дубль? Уже собраны?

Засмеявшись, она машинально взялась за дверь денника.

И вздрогнула. Задвижка была не заперта, и дверца стояла открытой дюйма на три.

– О боже! – Раздавшийся за ее спиной шорох заставил Келси резко обернуться и взмахнуть фонарем, словно дубинкой. Но сзади никого не было.

Стараясь унять бешеный шум крови в ушах, она еще раз повела лучом фонаря вдоль прохода, но не заметила ничего подозрительного. Должно быть, это кошки, подумала Келси, мысленно проклиная этих мирных животных, которым почему-то нравилось охотиться по ночам, хотя конюхи щедро их подкармливали.

Но даже самый умный и ловкий кот не смог бы отодвинуть задвижку и открыть дверцу денника. Забыв об осторожности и думая лишь о том, как бы с Дублем не случилось ничего дурного, Келси рванула на себя тяжелую дверь и ринулась в бокс к вороному. Она как раз поворачивалась, чтобы посветить фонарем по углам, когда сильный удар по голове опрокинул Келси.

Последнее, что запечатлелось в сознании Келси, – ослепительная боль за ухом и громкий, пронзительный визг встревоженного жеребца. Потом все куда-то провалилось и перестало существовать.

Чья-то темная фигура метнулась из денника, а испуганный Дубль с храпом поднялся на задние ноги. Его смерто-

носные копыта с серпами подков рассекали воздух над самой головой Келси, неподвижно вытянувшейся на сырой соломенной подстилке.

Гейб медленно шел по дорожке от дома к конюшне, неся в руках две чашки горячего чая. Он чувствовал, что им так и не удастся поспать сегодняшней ночью, однако в этот поздний час ароматный чай показался ему все же более уместным, чем кофе. Кроме того, он надеялся уговорить Келси вернуться в постель и потратить хотя бы часть ее энергии на дела более заманчивые в это время суток, чем прогулки по конюшне.

Впрочем, с того вечера, когда он присоединился к ней в ванне, они почти не тратили времени на такие пустяки, как сон. Гейбу пришлось приложить немало усилий и смекалки, чтобы уговорить Келси переехать к нему на несколько дней, и он не колеблясь воспользовался предстоящими скачками как предлогом – ему, дескать, нужна ее моральная поддержка.

И потраченные усилия окупились сторицей. Главное, его довольно прозрачная уловка сработала как надо. Отхлебнув чай из своей чашки, Гейб подумал, что теперь ему оставалось только изобрести что-то такое, чтобы сия временная мера стала чем-то более или менее постоянным. Правда, Келси только недавно прошла через развод, и, стало быть, ей могло потребоваться некоторое время, чтобы освоиться с мыслью

о новом браке, однако Гейб несколько не сомневался в том, что для нее период адаптации пройдет относительно просто.

И все же самым большим сюрпризом лично для него стало то, что ему вовсе не пришлось привыкать к мысли о женитьбе. Эта идея возникла в голове Гейба совершенно естественно и выглядела настолько сформировавшейся, зрелой, что он воспринял ее как нечто само собой разумеющееся, причем воспринял не только разумом, но и, похоже, сердцем и душой. И это было тем более удивительно, что никогда прежде Гейб не задумывался всерьез о традиционном институте брака применительно к себе – о том, что у него самого может быть жена-, семья. Да оно и понятно: с таким детством, как у него, с таким воспитанием, как у него, добровольное вступление в брак представлялось абсурдом.

Но теперь в его жизни появилась Келси, и все вдруг изменилось самым чудесным образом. И он не собирался упускать представившуюся ему возможность изменить что-то в своей собственной и в ее жизни.

Гейб замедлил шаг и окинул взглядом холмы, изгороди, хозяйственные постройки. Когда-нибудь все это будет принадлежать им двоим, и вместе они смогут добиться большего.

Пронзительный визг жеребца разорвал ночную тишину, и Гейб рванулся вперед, даже не заметив, как выпустил из рук обе чашки. Окликнув Келси, он резко распахнул ворота конюшни и, привычным движением включив свет, помчался

вдоль прохода, гонимый паникой, ледяными иглами впивавшейся ему в спину.

Она лежала на соломе лицом вниз. Жеребец возбужденно приплясывал у дальней стены бокса, бешено вращая глазами.

Кровь отхлынула от лица Гейба, и весь мир закачался, грозя обрушиться на него. Двигаясь с быстротой молнии, Гейб нырнул в бокс и, прикрывая Келси собственным телом, потащил ее к выходу. Тяжелое копыто с силой ударило его по плечу, но он этого даже не почувствовал. Гейб видел только мертвенно-бледное лицо Келси и ощущал тяжесть ее безвольно повисшего тела.

Не обращая внимания на беснующегося в стойле жеребца, он уложил Келси на раскладушку. Пальцы его дрожали, когда он пытался нащупать пульс в шейной артерии.

– Ну, пожалуйста, Келси, не умирай!...

Слава богу, пульс прощупывался, но Гейб никак не мог решиться убрать руку. Он словно боялся, что стоит ему сделать это, и жизнь покинет ее тело, оставив ему холодеющую оболочку. Опустившись на колени рядом с раскладушкой, Гейб зарылся лицом в волосы Келси.

Паника – облегчение, паника – облегчение... Кроме этих двух ощущений, в нем ничего не было – ни мыслей, ни ярости, и Гейбл раскачивался между ними, словно маятник.

Он все еще стоял на коленях, прижимая пальцы к шее Келси и пряча лицо в ее волосах, когда рядом раздался ис-

пуганный голос:

– Гейб! Ради всего святого, Гейб, что случилось?!

Узнав Джемисона, Гейб опомнился и, подняв голову, повернулся к тренеру, который шагнул в стойло, чтобы успокоить жеребца.

– Тихо, маленький, тихо! – Джемисон схватился за недоуздок и заставил Дубля опустить голову; успокаивая его голосом, он одновременно поглаживал его свободной рукой по шее. – Ну, не надо нервничать...

Однако, когда он повернулся к Гейбу, глаза его горели тревогой.

– Что произошло? – снова спросил Джемисон. – Где Кип? Он должен был спать здесь, возле бокса.

– Откуда я, черт побери, знаю, где Кип! – взорвался Гейб. – Найди его и заодно найди ночного сторожа. – Стараясь действовать неторопливо и со всем возможным вниманием, он ощупал тело Келси, хотя и боялся наткнуться на сломанные кости. К его огромному облегчению, единственным повреждением, которое ему удалось обнаружить, была шишка на затылке величиной с куриное яйцо. На мгновение его пальцы задержались там, осторожно ощупывая припухлость, но взгляд, снова обратившийся к Джемисону, жег как огонь.

– Вызови врача и извести полицию. Живо!

– Она ранена? – Джемисон продолжал поглаживать жеребца. – Насколько серьезно?

– Не знаю. Вызови врача, черт побери! Словно в ответ на его отчаянный вопль, Келси застонала и пошевелилась.

– Келси!.. – Гейб едва удержался, чтобы не сжать ее в объятиях; – Ради бога осторожней, Келси! Не шевелись...

– Гейб... – Келси открыла глаза, но взгляд беспомощно метался по сторонам, не в силах остановиться ни на чем конкретном. – Боже мой...

Она снова смежила веки, стараясь справиться с подступившей к горлу тошнотой.

– Не двигайся, ради всего святого – не двигайся.

– Я и не двигаюсь. – Келси изо всех сил старалась дышать ровнее, но у нее это плохо получалось. Лишь убедившись, что воздух поступает в легкие более или менее свободно, она рискнула снова приоткрыть глаза. На этот раз ей удалось сосредоточиться на лице Гейба. У него в глазах – смерть, подумала она отрешенно, и внезапно все вспомнила.

– Дубль! Кто-то был у него в стойле!

– Все в порядке, он не пострадал. – Гейб яростно выругался, увидев, что Келси сморщилась от боли. – Я отнесу тебя домой. Сейчас приедет врач, он тебя осмотрит.

– Кто-то был здесь... – слабо повторила Келси. – Конюх..., куда-то делся, и дверь была открыта. Я не рассмотрела, кто это был. Они..., они не поранили его?

– Нет. – Гейб бросил взгляд на Джемисона, который как раз запирал дверцу денника. – Ступай к телефону, Джемс. Я хочу, чтобы лейтенант Росси приехал немедленно. И Мэтт

Ганнер тоже. Пусть внимательно осмотрит Дубля.

– С ним как будто все в порядке, – отозвался Джемисон, но повернулся, чтобы идти к выходу. Глаза у него были красные и усталые. – Я вызову Ганнера, Гейб, а ты займись Келси. Делай все, что надо, – я посижу с Дублем до утра.

– Я хочу, чтобы за ним присматривали два человека, – распорядился Гейб и приподнял Келси с такой осторожностью, словно она вдруг сделалась стеклянной. – Я хочу, чтобы при нем неотлучно находилось два человека – не меньше двух, и днем, и ночью. Это понятно?

– Да.

– И найди Кипа, я хочу с ним поговорить.

– Сделаю, босс. – С тяжелым сердцем Джемисон проводил взглядом Гейба, который вынес Келси наружу, потом повернулся к жеребцу, потрепал его по шее, потер свои усталые глаза и отправился звонить.

– Я хорошо себя чувствую, – пробормотала Келси, пока Гейб нес ее от конюшни к усадьбе, но глаз так и не открыла. – Только голова очень болит.

– Тихо, детка, тихо, – отозвался Гейб, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал легко и беззаботно. – Тебе нужно отдохнуть.

Под ногами его хрустнули осколки чашек, и он крепче стиснул зубы. Если бы он не задержался в кухне, чтобы заварить этот дурацкий чай! Если бы он был с нею...

– Ты уверен, что с Дублем все в порядке? Я так и не успела

его осмотреть.

– Может быть, ты все-таки перестанешь беспокоиться об этой паршивой лошади? – вырвалось у Гейба. – Ты думаешь, я о Дубле волнуюсь? Да я бы пристрелил его своими собственными руками, если бы он поранил тебя!

– Гейб...

– Молчи, черт тебя побери! – Гейб не мог больше сдерживаться. Его лицо перекосилось от ярости, и он с силой пнул входную дверь ногой. Келси поморщилась – от резкого движения и его громкого голоса у нее снова закружилась голова.

– Нечего на меня орать! – проговорила она слабым голосом. – Ты, конечно, имеешь право быть расстроенным, но...

– Расстроенным? – Гейб уложил ее на диван в гостиной и выпрямился. Руки у него ходили ходуном, как у запойного пьяницы; он даже не был уверен, что сумеет отнести Келси вверх, в спальню. – Так ты думаешь, я расстроен? Кто-то едва не вышиб тебе мозги, а я просто слегка расстроен? Да, можно сказать и так...

Он сжал кулак и с силой ударил им в стену, давая выход бурлившим внутри эмоциям.

Келси хотела что-то сказать, но слова застряли у нее в горле, когда она перевела взгляд со вмятины в стене на разбитые в кровь костяшки его пальцев.

– Да, наверное, я действительно самую малость расстроился, когда обнаружил тебя без сознания в стойле, где испуганная лошадь могла затоптать тебя насмерть.

Об этом Келси не подумала. Картина, вставшая перед ее мысленным взором, мгновенно вызвала новый приступ тошноты, и Келси задрожала.

– Гейб, не надо...

– Нет, почему же?.. Я на самом деле чуточку расстроился, когда на минутку подумал, что ты убита. Это была самая длинная минута в моей жизни.

Слезы, подступившие к глазам Келси, наконец-то пролились. Одна, вторая слезинка, и вот они уже потекли непрерывным потоком, – Наверное, я неудачно выразилась. «Расстроен» – не совсем подходящее слово...

– Господи Иисусе... – Гейб потер лицо руками, почувствовав, что его запал неожиданно прошел. Когда это не помогло, он наклонился к Келси и крепко обнял ее, а она облегченно прижалась к нему.

– Господи, Келси, я потерял рассудок... – Гейб наклонился и поцеловал ее в мокрые, соленые щеки. – Прости меня. Сейчас я принесу лед – тебе станет легче.

– Нет, не уходи. Только не уходи.

– Хорошо. Тогда позволь мне осмотреть тебя. Где-нибудь еще болит?

– Нет, нигде не болит. Только затылок ломит. Он.., этот человек был позади меня. Наверное, это было глупо – лезть в стойло сломя голову, но я просто не могла иначе. Я увидела, что на раскладушке никого нет и что дверь денника открыта, и сразу вспомнила о том, как Дубля однажды чуть не

искалечили. И о том, что случилось с Горди...

– В следующий раз подумай о том, что будет со мной. – Гейб взял ее за подбородок и заставил поднять голову. – Если я тебя потеряю, мне будет очень трудно это пережить.

Келси стиснула его руку и прижалась губами к ободраным пальцам.

– Я думаю, нам обоим не помешает холодный компресс.

– Да.

Но никто из них так и не тронулся с места до тех пор, пока в парадную дверь не постучал лейтенант Росси.

Примерно через час Гейб и лейтенант Росси вышли из конюшни в прохладную темноту ночи. – У вас недостаточно надежная система безопасности, мистер Слейтер, – сказал полицейский.

– Да, пожалуй, – согласился Гейб. Где-то у меня дыра, думал он. И дыра достаточно большая, чтобы в нее смог проникнуть злоумышленник. Ведь неспроста он выбрал именно тот момент, когда сторож отправился в обход территории.

– Даже посторонний мог проникнуть на ферму, – продолжил лейтенант. – Ему достаточно было знать ваш распорядок и примерный план местности. У вас слишком много земли, мистер Слейтер. Слишком много входов и выходов.

Росси остановился и всмотрелся в темноту. Он несколько не завидовал Гейбу – ему вполне хватало его собственной аккуратной городской квартирki – не слишком просторной,

быть может, но зато со всеми удобствами. Кроме того, Росси к ней привык.

– Но я все же склоняюсь к самому простому варианту, – высказал он свое мнение. – Скорее всего это был кто-то из своих.

Гейб и сам так думал, перебирая в памяти всех работников, которые достались ему вместе с фермой, – всех мужчин и женщин, которые были приняты на работу или уволены за последние пять лет.

– У вас уже есть список всех моих работников, – сказал он. – Попробуйте поработать с ним.

– Именно это я и собираюсь сделать.

– Я распорядился, чтобы жеребца постоянно охраняли два человека. Конечно, мне самому следовало бы подежурить при нем сегодня, но я не хотел бы оставлять Келси одну дольше, чем необходимо.

– Я вас понимаю... – Росси немного помолчал. Ночь была великолепна, крупные звезды сияли на черном бархате небес, легкий прохладный ветерок обдувал лицо, разгоня сонливость. – Она быстро поправится. Слава богу, Келси досталось не так сильно, как вашему конюху.

– Может быть, у нее просто голова оказалась крепче, – невесело пошутил Гейб. Кипа, дежурного конюха, они нашли в соседнем стойле. Он был без сознания и стонал едва слышно. Его уже отправили в больницу.

– Келси поправится, – повторил лейтенант и с интере-

сом тронул носком ботинка несколько фарфоровых осколков, белевших на дорожке.

– Когда я услышал жеребца, у меня в руках было две чашки с чаем, – пояснил Гейб. – Должно быть, я уронил их здесь.

– Понятно, – лейтенант задумчиво кивнул. – А что у вас с плечом, мистер Слейтер? – вдруг спросил он.

Гейб инстинктивно выпрямился и пошевелил рукой.

– Ничего страшного. Жеребец ударил копытом, когда я вытаскивал Келси.

Если бы не плечо, под удар могла попасть ее голова, подумал Гейб, бледнея. Голова или лицо...

– Вы проверили мою подноготную, не так ли, лейтенант?

– Стандартная процедура, мистер Слейтер.

– Значит, вам кое-что известно и о моем отце.

– Достаточно, чтобы понять, что он вряд ли способен выиграть приз «Отец года».

– Он в городе. Вот уже несколько недель, – ровным, лишенным всяких интонаций голосом сообщил Гейб. Таким голосом он мог бы сказать «Завтра будет дождь» или «Завтра будет хорошая погода». – Первым делом он направился ко мне, но я спровадил его, снабдив некоторой суммой денег. Правда, не такой большой, как ему хотелось. Как правило, это приводит его в кислое расположение духа. Рик Слейтер разбирается в скачках. И в лошадях тоже.

– Вы считаете, что ваш отец мог навредить вам таким образом?

– Он ненавидит меня, – просто сказал Гейб. – И готов сделать мне любую гадость исподтишка, особенно если на этом можно заработать. Мне кажется, я видел его в Черчил-Даунз в день проведения дерби. Кроме меня, его видел и один коных из «Трех ив». Пару дней назад я виделся с Риком Слейтером в Лауреле. Он заявил мне, что в последний раз был в Кентукки пять лет назад. – Гейб пошарил по карманам в поисках сигары, которой у него не было. – Он лжет, лейтенант.

Заметив его движение, Росси протянул Гейбу пачку сигарет.

– Я это проверю.

– Проверьте, лейтенант. – В свете зажженной спички глаза Гейба зловеще блеснули. – Я не сомневаюсь, что он хорошо знал Липски. Рик Слейтер – это человек, который всегда мошенничает в игре. В этом случае победа кажется ему слаще, а в последнее время он побеждал несколько раз, если судить по тому, как он сорит деньгами.

– Я попробую выяснить, откуда у него деньги.

– Кстати, лейтенант, когда я был маленьким, лошадь с этой фермы уже соревновалась с жеребцом из «Трех ив»... – Он глубоко затянулся сигаретой, выдохнул дым и некоторое время следил, как ветер несет его прочь. – Жеребец из «Трех ив» споткнулся и сломал ноги, и его пришлось пристрелить. Так вот, после той скачки у моего папаши тоже вдруг появились большие деньги.

– Должно быть, вы имеете в виду события в Лексингто-

не весной семьдесят третьего, – небрежно заметил Росси, и Гейб пристально посмотрел на него сквозь облако дыма.

– Совершенно верно, лейтенант.

– Странно, почему вы не упоминали об этом раньше.

– Потому что раньше он не смел причинить вреда Келси.

– Прошу прощения... – Из темноты появился Мэтт Ганнер. Волосы его были в беспорядке, а на лице еще виднелся след от подушки.

– Жеребец не пострадал, Гейб.

– Хорошо. Спасибо, что приехал, Мэтт.

– Ничего страшного. – Ветеринар бросил взгляд в сторону усадьбы. – А как Келси?

– Отдыхает. Врач рекомендовал ей отправиться в больницу, но она отказалась.

– Я хотел бы повидаться с ней, когда она придет в себя.

– Конечно, Мэтт... – Гейб повернулся к Росси. – Постарайтесь найти его раньше, чем это сделаю я, лейтенант.

– Но у вас же нет доказательств, что ваш отец имеет к этому отношение.

Гейб бросил окурок на землю и раздавил каблуком.

– А мне и не нужны никакие доказательства.

...Келси услышала на крыльце шаги Гейба и осторожно села. Таблетки, которые дал врач, помогли ей справиться с головокружением и тошнотой, но, несмотря на это, встать она не рискнула.

– Как там Дубль? – спросила она, как только он появился в гостиной.

– Мэтт говорит, что все в порядке, – ответил Гейб, думая о том, как предусмотрительно он поступил, собственноручно опорожнив ночную кормушку жеребца и засыпав в него свежего корма.

Келси облегченно вздохнула.

– Слава богу! Я прямо извелась – сижу и гадаю, что они могли ему сделать.

– Предполагалось, что ты будешь отдыхать. – Гейб присел на краешек дивана, стараясь не сильно продавить матрас, чтобы не потревожить Келси. – У тебя снова появились круги под глазами... – Он протянул руку и нежно очертил их пальцами. – Ну почему они кажутся мне такими сексуальными?

– Крутым мальчикам импонируют признаки уязвимости и слабости, – Келси улыбнулась. – Давай поднимемся в спальню, может быть, нам удастся поспать хотя бы пару часов перед отъездом.

– Я хотел бы, чтобы ты осталась здесь, Келси. Не здесь, – поправился Гейб, – а в «Трех ивах». Во-первых, после травмы тебе будет нелегко путешествовать, а во-вторых, это было бы и разумнее, и намного безопаснее. Герти постоянно дома, да и Росси, я думаю, мог бы прислать парочку своих сотрудников для охраны.

– Гейб... – Келси притянула его голову к себе и поцелова-

ла. – Да ни за какие деньги!

– Выслушай меня...

– Я могла бы выслушать тебя, – согласилась Келси. – А ты меня. Таким образом мы могли бы проговорить до утра, и все впустую, потому что я все равно поеду с тобой. Так что давай считать, будто мы с тобой уже отспорили и обо всем договорились. Ладно?

– Ты эгоистка. – Гейб осторожно поднял ее на руки и понес к лестнице. – Тебе очень не хочется пропустить скачки, и тебя ни капельки не волнует, что я не смогу ни сосредоточиться как следует, ни насладиться своей победой.

Он поднялся в спальню, опустил Келси на водяной матрас и начал медленно раздеваться.

– Умный ход, Слейтер. Я обычно уступала, если кому-то удавалось внушить мне чувство вины, но на этот раз у тебя ничего не выйдет. Ты будешь волноваться независимо от того, останусь я в «Трех ивах» или нет. А я не останусь. Я буду с тобой все это время. Для моральной поддержки. И она хитро подмигнула.

– Валаамова ослица, – проворчал Гейб.

– И это тоже не сработает. Впрочем, оскорбления – это уже определенная ступень перед хорошей потасовкой. Я могла бы ответить на это, назвав тебя суперпредусмотрительной задницей, но воздержусь, потому что я – леди. В общем... – Она осеклась и спросила тихим голосом:

– Боже мой, Гейб, что это у тебя на спине?

Гейб не без труда покосился через плечо и увидел расплывающийся по коже темно-багровый кровоподтек.

– Это меня лягнула одна лошадь.

– Когда? У тебя же ничего не было... – Келси испуганно замолчала и поднесла ладонь к губам, сообразив, когда и при каких обстоятельствах Гейб заработал синяк. – Пожалуй, я все-таки назову тебя задницей. Ну кому, скажи на милость, понадобилось это твое глупое геройство? Доктор только что был здесь, он мог бы заняться и твоей.., твоим...

– Это не было геройством, ни глупым, ни умным и ни каким-либо другим. Просто я немного отвлекся. – Гейб осторожно пошевелил плечом. Боль была не слишком сильной, но отдавала глубоко под лопатку. – Нужно только смазать лошадиной мазью для растираний.

– Пижон.

Гейб открыл рот, чтобы что-то ответить, но только устало вздохнул. – Я тоже тебя люблю.

С этими словами он скользнул под одеяло и прижал Келси к себе.

– Что это ты делаешь?

– Пытаюсь уснуть. Буду проверять, не украли ли тебя, через каждые два часа. Впрочем, до отъезда осталось ненамного больше.

– А твое плечо? Его же действительно надо чем-то смазать.

– Потом. Сейчас я хочу просто лежать рядом с тобой.

Довольная его ответом, Келси отвела волосы со лба Гейба.

– Я все равно поеду в Бельмонт.

– Я знаю, – отозвался он. – Спи.

Глава 8

Разумеется, работать ей никто не позволил. В первые два дня Келси разве что не силком удерживали в отеле, не давая ей отправиться на ипподром. Все – начиная с Гейба и заканчивая самым последним из его конюшенных мальчиков – постоянно следили за ней и были готовы действовать самым решительным образом, так что Келси даже не пыталась ничего предпринять, а со временем ей даже стало казаться, что поездка в Нью-Йорк так и останется единственным ее завоеванием.

В конце концов Келси рассудила, что избыток свободного времени, которое ей приходилось проводить в одиночестве и бездействии, она должна рассматривать как короткий, но заслуженный отпуск, иначе она просто-напросто тронется.

Ну что ж, отпуск так отпуск.

Начала она с имеющихся в гостинице удобств, стремясь сделать свой отпуск максимально полезным и приятным. Келей каждое утро ходила в бассейн и подолгу плавала, поддерживая в приличной форме мускулы, окрепшие благодаря нескольким месяцам общения с вилами и лонжей; она ходила по магазинам, пыталась даже освоить специализированные тренажеры в гимнастическом зале и в конце концов сумела одолеть скуку.

Существенным подспорьем в борьбе с бездельем ока-

залось решение Гейба устроить в танцзале отеля небольшой прием, предваряющий официальное открытие Бельмонт Стейкс. Келси со рвением взялась за эту работу и принялась обсуждать детали предстоящего торжества с официальным поставщиком отеля и с местным дизайнером-флористом. Гейб же, раз увидев бесконечные списки совершенно необходимых мелочей, пошел по пути наименьшего сопротивления, трусливо возложив на Келси все организационные вопросы.

И, откровенно говоря, ничто не могло доставить Келси большего удовольствия.

Она часами просиживала в кабинете управляющего гостиницей, шепталась с консьержками, советовалась с шеф-поваром ресторана, решая, что еще можно сделать, а чего все-таки нельзя. Впрочем, коль скоро Гейб не ограничивал ее в расходах, у Келси не было никаких сомнений, что большинство ее задумок можно будет осуществить, – для этого достаточно было только уговорить обслуживающий персонал и управляющего отелем, которого несколько испугал размах Келси.

– Пожалуй, я напрасно не дал тебе вилы и не отправил отбивать навоз из денников, – заметил как-то Гейб, прихлебывая горячий кофе и наблюдая за тем, как Келси в последний раз просматривает меню. – Ты бы устала гораздо меньше, даже если бы работала всю неделю без выходных.

– Перестань волноваться из-за пустяков. В конце концов,

ты сам заварил всю эту кашу.

– Мне казалось, что устроить небольшую вечеринку – это совсем неплохая идея. – Гейб приблизился и, встав у нее за спиной, слегка помассировал плечи Келси. – Немного еды, немного музыки, бар с напитками. Но у тебя такие масштабы... Вот не думал, что мне придется субсидировать нового Дэвида О. Селзника <Дэвид О. Селзник – американский кинорежиссер, бывший, в частности, продюсером фильма-эпопеи «Унесенные ветром».>. – Он прищурился. – Сколько, ты говоришь, стоит это шампанское?

– Проваливай. – Келси слегка повела плечами. – Ты все равно не пьешь. Кроме того, ты дал мне карт-бланш, и я работаю не покладая рук. Твое дело – не забыть надеть смокинг и быть в седле к восьми часам.

– Да это скорее капитан Блай <Уильям Блай – английский офицер, капитан корабля «Баунти», команда которого в конце концов взбунтовалась и высадила его на шлюпке посреди Тихого океана. Имя капитана Блая стало нарицательным для обозначения жестокого командира, начальника.>, чем Селзник... – пробормотал Гейб.

– Ну вот, теперь ты ворчишь точь-в-точь как поставщик отеля. Иди лучше к своим репортерам.

– Меня тошнит от репортеров.

– Ты просто ревнуешь, потому что на обложке «Спорте иллюстриейд» они поместили фотографию Дубля, а не твою.

– Зато мне посвящен целый разворот в «Пипл», – парировал Гейб и легонько сжал губами ухо Келси. – У тебя здесь такое уютненькое местечко, – промурлыкал он и, захватив заодно и выбившийся локон, несильно потянул. – Послушай, Кел, дорогая, я мог бы отменить свои интервью...

Келси вздрогнула, наслаждаясь его прикосновением. Гейб воспользовался этим, чтобы расстегнуть две верхние пуговицы на ее блузке. Только когда он взялся за третью, Келси с негодующим воплем высвободилась.

– Прекрати, Слейтер! У меня через четверть часа назначена встреча.

– Я успею.

– В том-то и дело. – Слегка задыхаясь, Келси выскользнула из кресла и отскочила от него на безопасное расстояние. – Ну вот, теперь мне надо приводить в порядок прическу.

Гейб ухмыльнулся. Его стараниями замысловатая прическа Келси развалилась, и волосы упали на грудь – туда, где под блузкой, словно морская пена, вскипало кружевами шелковое белье.

– А мне так нравится больше.

– Держи дистанцию, Слейтер. Мой день расписан буквально по минутам, и там ничего не говорится о том, что с такого-то по такое-то время ты будешь гоняться за мной вокруг стола.

– Так измени свое расписание и внеси в него новый пункт.

– Послушай, может быть, для тебя это просто вечеринка...

– Келси сделала быстрое движение и действительно встала так, чтобы между ними оказался стол. – Однако именно благодаря тому, что я взялась ее организовать, я сумела не сойти с ума от скуки. Должна же я была истратить свои эмоции хоть на что-то...

– Я тоже хочу потратить свои эмоции, – немедленно заявил Гейб, опираясь обеими руками о столешницу и наклоняясь вперед. – Ну, иди сюда.

– Нет.

– У меня для тебя кое-что есть.

– Ох, Гейб, только не надо... – В притворном негодовании она готова была воздеть очи небу, но боялась отвести от него взгляд. – Придумай что-нибудь поумнее.

Гейб выпрямился и приподнял бровь.

– Подарок. – Он достал из кармана небольшую коробочку, обтянутую бархатом. – Ну, теперь тебе стыдно?

– Подарок? – Келси вспыхнула от удовольствия, но, продолжая разыгрывать свою роль, посмотрела на Гейба с легкой опаской. – Это что, новый трюк?

– Открой ее. Я хотел преподнести тебе эту безделушку после скачек, но мне показалось, что лучше сделать это накануне. Для тебя лучше.

Келси была заинтригована. Обогнув стол, она взяла коробочку из рук Гейба и подставила губы для поцелуя.

– Спасибо, милый.

– Ты даже не посмотришь?

– Сперва за идею, потом за подарок. Гейб покладисто чмокнул ее в щеку. Келси отступила на шаг, открыла коробочку и восхищенно ахнула. Внутри на черном бархате лежала фигурка лошади, изящная и величественная, навеки запечатленная в летящем прыжке. Заколка была столь искусно вырезана из красноватого камня, что Келси, коснувшись пальцем прохладной гладкой поверхности, почти ощутила дрожь напряженных, свитых в узлы лошадиных мускулов. Крошечный бриллиантовый глаз лошади победоносно сверкал.

– Какая прелесть! – Ока подняла на него взгляд. – И ты прелесть.

– Я знаю. – Гейб обнял ее за талию и притянул к себе. – Ну, иди сюда, – пробормотал он, закрывая ей рот поцелуем.

Разумеется, Келси опоздала. Она ворвалась в салон красоты, срывая с рук тонкие перчатки и бормоча на ходу извинения. Маникюрша еще не успела сообразить, как поэлегантнее обработать ее запущенные ногти, а Келси уже начала нервно поглядывать на часы.

– Послушайте, милочка, почему бы нам не попробовать сделать хоть какие-нибудь кончики?

– Не стоит, я их тут же сломаю, – отозвалась Келси и бросила взгляд в зеркало. Ее волосы были накручены на крупные пластмассовые бигуди, лицо покрывала маска жуткого бледно-зеленого цвета, на которую она согласилась, поддавшись на уговоры косметички, а время меж тем стремительно

утекало. – Просто придайте хоть какую-нибудь форму тому, что есть, и покройте прозрачным светлым лаком.

– А вам не хочется ничего более яркого? Келси бросила завистливый взгляд на длинные, как у хищника, кармино-красные ногти маникюруши и вздохнула.

– Нет, я не хочу обращать на себя внимание. Едва заметнo качнув головой, маникюруша опустила правую руку Келси в ванночку с теплой водой.

– Как скажете, милочка.

– Да это никак Келси! – раздался голос из соседнего кресла, и сидевшая в нем женщина мило улыбнулась ей. – Я – Дженнет Гарднер с фермы «Высокие холмы» в Кентукки.

– Добрый день, миссис Гарднер. – Келси не решилась признаться, что не сразу узнала Дженнет, чьи огненно-рыжие волосы были намазаны ярко-голубой пастой, а на лицо был нанесен какой-то кирпично-красный крем. – Рада вас видеть.

– Решила привести себя в порядок, – охотно пояснила Дженнет. – Небольшая подтяжка мне не повредит, к тому же меня уверяли, что этот способ почти столь же эффективен, как и пластическая хирургия. Ну что ж, поглядим...

Она засмеялась и постучала согнутым пальцем по подсыхающей красной маске.

– А что вас сюда привело, Келси?

– Пожалуй, больше всего мне хотелось немного посидеть спокойно. Я чувствую себя в точности как загнанная лошадь.

– Ну, перед Бельмонтом это неудивительно. Мы с Хенком

решили, что, когда вернемся домой, будем отсыпаться две недели кряду.

Хенка Келси вспомнила сразу. Муж миссис Гарднер был тем самым высоким, жилистым мужчиной, с которым она танцевала позавчера вечером. У него было обожженное солнцем лицо, тонкие, в ниточку, усы и густой, как патока, голос. Помнится, он все рвался научить ее танцевать настоящее танго.

– Передайте вашему мужу мои наилучшие пожелания. Он замечательно танцует.

– Да, он у меня такой, – Дженнет польщенно хихикнула. – Многие дамы буквально становятся в очередь на тур вальса с ним. Хенк обожает говорить, что я вышла замуж не за него, а за его ноги.

Дженнет шевельнулась в кресле и по просьбе маникюрши сняла с пальца огромный перстень с изумрудом, который по размерам вполне мог сойти за пресс-папье..

– Сегодня я как раз видела вашу маму на ипподроме. Трудно поверить, что мы с ней... Нет, не буду выдавать наши девичьи тайны.

– Так вы давно знаете Наоми?

– С тех самых пор, как вышла замуж за моего лошадника. Сама-то Наоми занимается лошадьми с детства.

Дженнет явно хотелось посплетничать. Она даже отложила в сторону журнал мод, который держала в руке, и глаза ее засветились любопытством.

– Как и вы, Келси.

– Ну, я-то обратилась к ним совсем недавно.

– Не скажите, дорогая. Я-то помню, как Наоми носила вас на ипподром. Вы были еще в пеленках.

– Нет, в самом деле?

– Я вам точно говорю. Наоми гордилась вами гораздо больше, чем всеми наградами, которые получали ее лошади. Мы даже прозвали вас «Чистокровной Чедвик», шутя, конечно. Впрочем, вряд ли вы это помните.

Чистокровная Чедвик... Келси одновременно была польщена и опечалена.

– Нет, не помню.

– И вашего отца я тоже встречала, правда, всего один или два раза. Бедняжка, он казался таким растерянным. Он, кажется, работал библиотекарем?

– Мой отец – декан факультета английской литературы Джорджтаунского университета.

– Ах да, конечно, – проворковала Дженнет, опуская в ванночку вторую руку. Прозвучавшего в голосе Келси холодка она не заметила. – Я помню, что его работа была как-то связана с книгами. Наоми... Наоми была влюблена в него до безумия, и нам всем было очень жаль, когда из их брака ничего не вышло. Впрочем, подобное случается сплошь и рядом, не правда ли?

– Если верить статистике, то да.

– Нам вот с Хенком повезло. В сентябре исполнится два-

дцать восемь лет, как мы вместе.

– Поздравляю. – Келси поняла, что спасения нет, и попыталась изменить тему разговора. – А дети у вас есть? – спросила она.

– Трое. Два мальчика и девочка. Наша Диди уже замужем, и у нее самой две очаровательные крошки... – Келси подумала, что, будь у Дженнет свободны руки, она уже полезла бы в бумажник за фотографиями. – Мальчики-то утверждают, что они пока приглядываются. Моему младшему едва-едва исполнилось двадцать, и он занимается чем-то вроде структурного инжиниринга. Убей меня бог, если я знаю, что это такое...

Дженнет толковала о детях еще некоторое время, и Келси, согласно кивая головой, уже порадовалась тому, что неприятная для нее тема оказалась забыта, как вдруг мысли Дженнет Гарднер совершили неожиданный скачок в обратном направлении, и она сказала:

– ...Но в отношениях между матерью и дочерью всегда есть что-то особенное, вам не кажется, милочка? Вот вы с Наоми – даже после стольких лет вынужденной разлуки сумели найти общий язык. А ведь все это было так давно, что многие люди и вовсе позабыли о том, что у Наоми есть дочь. Если вообще когда-то знали.

Дженнет поднесла к глазам одну руку и скептически осмотрела первый слой темно-розового лака.

– Прелестно, дорогуша, – бросила она маникюрше и сно-

ва повернулась к Келси, причем в ее голосе снова зазвучала задушевная интонация. – Надеюсь, я не оскорблю ваших чувств, если скажу, что мы все – кто знал Наоми и ее ситуацию, – все стояли за нее горой. Согласитесь, дорогая, сама идея, что кто-то может отнять у матери ее дитя, выглядит противоестественной.

Келси, скорее почувствовав, чем увидев, как обе маникюрши навострили уши, – постаралась ответить как можно спокойнее:

– Я уверена, что Наоми высоко оценила ваше участие.

– Ах, если бы это принесло ей какую-нибудь пользу! Мне очень жаль, но во время процесса Наоми вела себя так, словно старалась нанести самой себе максимальный вред. Я всегда думала, что это досада на вашего отца заставила ее поступать столь..., безрассудно. А надо вам сказать, что в те времена общественное мнение было куда строже, да и значило оно больше. И еще этот Алек Бредли... – Она досадливо прищелкнула языком. – Наоми следовало десять раз подумать, прежде чем флиртовать с ним.

Дженнет неожиданно осеклась, словно вспомнив, чем кончился этот флирт, и как-то зябко съежилась в своем кресле.

– Простите меня, Келси, – проговорила она. – Должно быть, вам неприятно слышать об этом эпизоде...

В другое время Келси бы только позабавило, что убийство и десятилетнее заключение кто-то назвал эпизодом, о кото-

ром неприятно вспоминать, но сейчас ее внимание привлекло к себе имя, которое назвала Дженнет.

– А вы знали Алека Бредли? – спросила она.

– О, да. Большинство из нас знало его... Шикарный был мальчик, как сказала бы моя Диди.

Он был высоким и смуглым, этот красавчик, а его улыбка могла растопить любое женское сердце. И он прекрасно это знал, знал и использовал в своих целях. Одно время он даже пытался описывать круги вокруг меня, но Хенк быстро положил этому конец... – Дженнет хихикнула как-то подевчоночьи. – И все же не могу не признать, что мне льстило его внимание, хотя я и знала, какая у него репутация.

– И какая же это была репутация?

– Знаете, дорогая... – Дженнет даже наклонилась вперед в своем кресле и заговорила громким, театрально-зловещим шепотом:

– Ведь от него отреклась даже его семья! У родителей Алека были кое-какие финансовые трудности – у кого их нет? – но голубая кровь есть голубая кровь! Этот скандал с его первой женой приобрел слишком широкую огласку. – Дженнет придвинулась еще ближе к Келси, явно готовясь поведать ей какую-то потрясающую сплетню. – Вы же знаете, что он предпочитал женщин в возрасте? Богатых женщин намного старше себя? Всем было известно, что первая жена Алека буквально осыпала его деньгами, но это не очень помогло, потому что всем было хорошо известно, что Алек..., как бы

это сказать? Он обслуживал женщин...

– Значит, он был бабником? Дамским угодником?

– О, Келси, это был настоящий жеребец, горячий, неутомимый. И, ходили слухи, что он берет деньги за свои услуги.

– Он.., женщины платили ему за секс? Дженнет снова хихикнула, на сей раз несколько смущенно. Очевидно, она предпочитала пользоваться пристойными эвфемизмами.

– Я не знаю, обстояло ли дело именно так, как вы сказали... Но все знали, что его можно, гм-м.., нанять в качестве сопровождающего. В скаковом мире довольно много одиноких женщин – незамужних, разведенных, покинувших одного мужа и еще не подцепивших другого. Алека можно было использовать, чтобы приятно провести время, появиться с красивым партнером на вечеринке, даже на ипподроме, если уж на то пошло. Как я уже сказала, Алек был очень хорош собой, но всегда не при деньгах. Говорили, что он много играет на скачках, но чаще всего – неудачно.

Дженнет улыбнулась, и с ее лица посыпались на черное платье легкие красновато-розовые чешуйки засохшей маски.

– Никто из нас, однако, не думал, что между ним и Наоми существует подобного рода сделка, – продолжала она. – Такая женщина, как ваша мать, могла запросто получить любого мужчину, который ей понравится. Да что я вам объясняю, вы же сами видите, голубушка, что Наоми и сейчас еще очень и очень ничего. Алек, казалось, был очарован ею, он

преследовал ее буквально по пятам, хотя, разумеется, это не мешало ему заигрывать и с другими женщинами. Наоми же оказалась не из тех, кто будет с этим мириться. Они крепко поговорили, после чего ваша мама дала ему полную отставку...

Дженнет снова смутилась, на сей раз – искренне и глубоко.

– То есть я хотела сказать...

– Вы видели их в ту ночь? – подвела итог Келси, не обращая никакого внимания на нежелание своей собеседницы называть вещи своими именами и на угрызания совести, овладевшие ею столь неожиданно. – В ту последнюю ночь, когда Алек погиб?

– Да, – подтвердила Дженнет, облизав сухие губы. Прямой, без обиняков вопрос Келси явно покоробил ее. – Мы с Хенком приехали в Виргинию по делам, и нас как людей, связанных со скачками, пригласили в местный клуб на вечеринку коневладельцев... Ага, вот я и готова! – Дженнет подняла вверх руки и помахала ими в воздухе, чтобы лак быстрее высох. – Кстати, о вечеринках, я просто жду не дождусь сегодняшнего вечера. Этот ваш симпатичный молодой человек... Слейтер, кажется? – заставляет нас нервничать больше обычного. Все только и дела – вот, что гадают: выиграет он Тройную Корону или нет.

– Итак, они спорили, – твердо продолжила Келси и, не обращая внимания на протесты маникюриши, протянула руку и

схватила Дженнет за запястье. – В ту ночь они горячо спорили...

– Да, – отозвалась Дженнет, явно жалея, что страсть к сплетням завела ее так далеко. – Многих из нас расспрашивала о том же самом полиция. Сразу после..., осложнений. Разговор между Алеком и Наоми был довольно громким, так что многие могли его слышать... Так вот, ваша матушка без обиняков, самыми простыми словами заявила ему, что между ними все кончено. Возможно, они оба выпили чуть больше, чем следовало, потому что не очень стеснялись в выражениях. В конце концов Наоми выплеснула ему в лицо бокал шампанского и ушла. С тех пор я не видела ее..., очень-очень долго.

Келси внимательно посмотрела на Дженнет и увидела, что глаза в прорезях кирпично-красной клоунской маски смягчились и погрузтели.

– Наоми мне нравилась, – сказала Дженнет. – Она мне и сейчас нравится. Тот мальчик... Бредли, я имею в виду, не стоил того, чтобы тратить на него хотя бы минуту ее времени. Я думаю, что самой большой ошибкой Наоми было то, что она не понимала этого, пока не стало слишком поздно.

Остаток дня Келси только и делала, что старалась отодвинуть воспоминания о разговоре с Дженнет в какой-нибудь дальний уголок памяти. Потом, когда у нее будет свободное время, она тщательно проанализирует каждое слово, пока же

с нее было достаточно того, что Алек Бредли был наемным любовником. Наемным... Огромная разница, если вдуматься...

Но, как бы ни хотелось Келси примерить эти новые факты к головоломке, которую ей так хотелось сложить, она не могла отдалиться этой задаче целиком: слишком многое ей мешало, отвлекало, не давало сосредоточиться. Кроме того, Келси не могла допустить, чтобы что-то испортило вечеринку Гейбу или нарушило спокойствие Наоми.

Она оделась пораньше, а Гейбу оставила записку – прямо посередине их растерзанной кровати, – чтобы он ждал ее в восемь часов в танцзале отеля. Келси должна была лично проследить за тем, как идут последние приготовления, хотя флорист-дизайнер, поставщик отеля и повара явно придерживались иного мнения. Она стремилась к совершенству и, стоя посреди просторного, освещенного хрустальными люстрами зала, подумала, что, пожалуй, она достигла, чего хотела.

В убранстве зала доминировали красный и белый цвета – цвета «Рискованного дела». Скатерти, цветы, вазы – все было выдержано в этой гамме. Охапки красных роз, черно-рыжих лилий и белоснежных гвоздик символизировали собой призывы Тройной Короны. Вдоль стены выстроились официанты в черных фраках, шустрые повара колдовали возле трех огромных банкетных столов, расставляя последние блюда с закусками.

И все-таки самой главной выдумкой Келси, которой она втайне гордилась и которая вместе с тем доставила ей больше всего хлопот, была организация мини-казино.

Разумеется, игровые деньги были не велики, а весь доход с них должен был быть направлен на благотворительные нужды, однако, чтобы добиться соответствующего разрешения и согласовать все детали, Келси пришлось-таки побегать по кабинетам. Впрочем, на финишной прямой мало что могло удержать «Чистокровную Чедвик».

Созерцая столы для рулетки, блэкджека и игры в кости, Келси подумала, что ее стараниями скромная вечеринка, которую задумывал Гейб, превратилась едва ли не в самое знаменательное событие в светской жизни, которое не скоро будет забыто. И, что самое главное, Гейб был вполне достоин этого подарка.

Пока оркестранты настраивали инструменты, Келси подошла к одному из столов и крутанула колесо рулетки.

– Ставлю на красное.

Келси со смехом обернулась и улыбнулась Гейбу.

– Ты пришел раньше?

– Ты прекрасна...

Гейб не спешил приблизиться к Келси. Он хотел полюбоваться ею издали. На Келси было длинное белое платье с низким вырезом, которое мягко и соблазнительно облегало ее фигуру. Брошь в форме лошади – подарок Гейба – была приколата к груди; волосы, подхваченные сверкающими закол-

ками, падали на плечи вьющимися прядями; в ушах взблескивали серьги с бриллиантами и рубинами.

– Не правдоподобно прекрасна!

– Твои цвета. – Она протянула ему обе руки. – Что скажешь?

– Скажу, что ты меня потрясла. – Гейб шагнул вперед и, взяв ее за запястья, оглядел зал. – Что это ты устроила?

– Я устроила для тебя казино на одну ночь. Оно называется «У Слейтера». Торговцы и представители городской власти в радиусе пятидесяти миль еще не скоро придут в себя – такого я задала им гону, – но это уже не существенно.

– А как быть с оборотным капиталом?

– Мэрия пожертвовала некую сумму, которая – вместе с выигрышем казино – пойдет приюту для подвергшихся насилию женщин и детей в округе Колумбия.

Глаза Гейба потемнели, и он опустил взгляд на их сцепленные руки.

– Я.., я этого не заслужил, Келси.

– Я люблю тебя, Гейб.

Тронутый до глубины души, он поднес ее руки к губам.

– Поворот какого колеса подарил мне тебя?

– Надеюсь, это будет самая большая удача в твоей жизни. – Келси поглядела на стол для рулетки и улыбнулась, заметив, что серебристый шарик остановился в своем углублении.

– Красное, – пробормотала она. – Ты опять выиграл. Зна-

ешь, Гейб, это ведь не только для тебя.

– Не только?...

– Нет. – Она приблизилась к нему и обвила руками его шею. – Я хочу своими глазами видеть, как ты играешь. Мне кажется, это должно подействовать на меня возбуждающе.

Несколько часов спустя, когда зал наполнился гостями, когда горы закусок на столах понесли существенный урон, а на танцевальной площадке закружились пары, Келси встала за спинкой его стула, чтобы наблюдать за игрой.

Ей всегда казалось, что она неплохо разбирается в блэджеке. Это была предельно простая карточная игра, основанная на везении и немножко" на логике, суть которой заключалась в том, чтобы набрать двадцать одно очко или подобраться как можно ближе к этому заветному числу. Кто набирал лишнее – тот проигрывал. Казалось, ничего проще этого и быть не может, но она никак не могла понять, как Гейбу удавалось пасовать и выигрывать с какими-то жалкими пятнадцатью очками, прикупать и выигрывать с шестнадцатью.

«Это же просто числа, – говорил ей Гейб. – Просто числа, дорогая».

Она так и думала до тех пор, пока не увидела сама, как он играет.

– Неужели ты в состоянии запомнить все карты идеи комбинации? – спросила Келси во время короткой паузы.

Гейб только улыбнулся и, постучав картами по столу, добавил к своим семнадцати очкам короля.

– Двадцать одно. – Он придвинул к ней стопку красных и белых фишек. – Хочешь, сыграй сама.

– И сыграю. – Она опустила на стул, который он освободил, потом подняла голову и увидела, что рядом садится Наоми.

– Я только что просадила уйму денег в кости, – вздохнула она. – Поиграю немного здесь – может быть, у Моисея проснется совесть, и он вытащит меня танцевать.

Наоми заправила за ухо прядь светло-золотистых волос и положила ногу на ногу. Проиграв несколько фишек, она оглядела зал.

– Какой чудный вечер.

– Твоя дочь, оказывается, умеет творить чудеса, – вставил Гейб, оставшийся у стола.

– Я знаю. – Наоми нахмурилась, внимательно изучая свои карты. – Еще одну... Она устало выдохнула.

– Перебор.

– Все не так просто. Проигрыш заставляет кипеть кровь. – Закусив губу, Келси внимательно рассматривала свою восьмерку и пятерку. – О'кей, дайте мне еще одну... Восьмерка! Еще одна восьмерка! Я выиграла!!!

Она запустила обе руки в свои фишки и перехватила внимательный взгляд Наоми.

– Выигрыш тоже согревает сердце. Потанцуй с моей ма-

мой, Гейб, а я посмотрю, сколько твоих денег я успею проиграть.

– Как можно отказаться от такого предложения? – Гейб взял Наоми за руку.

– Ты сегодня отлично выглядишь, – сказал Гейб, когда они с Наоми заскользили по начищенному паркету.

– Откуда ты знаешь? Ведь ты не смотришь ни на кого, кроме Келси.

Гейб некоторое время молчал, потом покачал головой.

– Что-то я не могу придумать ничего достойного или по крайней мере остроумного в ответ.

Наоми запрокинула голову и пристально посмотрела на него.

– Я была бы разочарована, если бы ты нашел ответ. Мне нравится наблюдать за тем, как все чувства, которые Келси к тебе испытывает, проступают у нее на лице. И мне приятно сознавать, что твои чувства к ней заставляют тебя сбиваться с шага даже во время танца. Вы не просто подходите друг другу – вы заставляете друг друга буквально пьянеть.

– Но ты беспокоишься...

– Не о ваших отношениях. Меня беспокоит все остальное.

Наоми бросила осторожный взгляд через плечо – туда, где за карточным столом сидела Келси. Весело смеясь, она двинула на середину стола горстку фишек.

– Я знаю, она пытается забыть то, что случилось в ту ночь, но меня это просто пугает. Взгляд Гейба стал обманчиво спо-

коен.

– Этого не должно было случиться. Мне не следовало отпустить ее одну.

– Ты прав, этого не должно было произойти, – согласилась Наоми, продолжая наблюдать за Келси. – Иногда мне кажется, что ей надо было остаться в «Трех ивах» или – еще лучше – вернуться к отцу, пока все не успокоится.

Гейб думал так же, однако, услышав мнение Наоми, он отнюдь не испытал облегчения.

– Даже если бы она согласилась... Никто из нас не знает, сколько пройдет времени, прежде чем все эти вопросы утрясутся.

– Все эти вопросы? Что ты имеешь в виду? Гейб понял, что снова сбился с шага и выругал себя последними словами. Наоми пока было известно только об опасности, угрожающей его лошадям.

– Мы до сих пор не знаем, кто пробрался в конюшню и что он собирался сделать. Впрочем, очень может быть, что все будет кончено уже завтра, после того как завершатся скачки.

– Я очень на это рассчитываю, Гейб. Если с ней что-то случится... Я этого не перенесу. Сама мысль о том, что ей приходится сталкиваться с теневыми сторонами нашего бизнеса, приводит меня в ужас. Пусть даже Келси и способна разобраться, что Милисент была не права и что не грязные делишки являются той осью, вокруг которой вращается скаковой мир. – Наоми снова откинула голову назад и сверкнула

глазами. – Ведь все не так, Гейб! Мы не преступники, просто наш мир – самый прекрасный мир – не лишен недостатков. Мы не занимаемся махинациями; просто когда происходит что-то подобное, люди надолго запоминают именно это.

– Тебя так волнует мнение Милисент Байден?

– Черт возьми, конечно, нет! – В глазах Наоми был вызов. – Просто я не хочу, чтобы она была правой, выглядела правой! И будь я проклята, если позволю ей посадить еще одно пятно на мою репутацию. Вот почему я хочу, чтобы все поскорее закончилось. Хотя бы ради Келси и ради тебя. Ну и ради самой себя, конечно.

Когда Келси проснулась, комната показалась ей прохладной и темной. Она лениво потянулась, неохотно расставаясь с картинами праздничного вечера, которые преследовали ее даже в глубинах сна: яркий свет, музыка, цветы, голоса. Стремительное вращение рулеточного колеса, молниеносный бросок костей, карты на зеленом сукне. Кажется, она просадила половину того, что Гейб выиграл в блэкджек, но он вернул почти все, отыгравшись в кости.

Но лучше всего Келси запомнился сам Гейб. Каким внушительным и даже опасным он выглядел в темном вечернем костюме, как зорко его непроницаемые голубые глаза следили за вращением колеса рулетки, за скользящими по сукну картами, за прыгающими кубиками с черными точками на боках. И когда эти глаза вдруг задерживались на ней, у Кел-

си перехватывало дыхание.

Когда же и вечер, и толпы гостей, и неумолчный шум множества голосов остались позади, они поднялись в номер, легли, и умные, чуткие руки Гейба стали играть ее телом, исторгая из груди Келси гортанные, хриплые стоны и будя один за другим все более темные, глубоко запрятанные желания.

Он проделывал с ней нечто невообразимое – такое, что Келси всегда считала непозволительным, не говоря уж о том, чтобы мечтать о чем-то подобном.

И вот теперь, едва пробудившись, Келси подумала о том, что ее тело все еще помнит негу и ласку, сладострастную истому и восторг высшего наслаждения. Еще не открыв толком глаза, она протянула руку и захлопала ею по одеялу, желая снова прикоснуться к нему, но Гейба рядом не было.

Все еще полусонная, Келси села на постели и обнаружила, что она в спальне одна.

Ну, это ему так просто с рук не сойдет, решила она и, выбравшись из постели, накинула халат и отправилась в гостиную.

В гостиной горел свет; он на мгновение ослепил ее, и Келси встала на пороге, отчаянно зевая и пытаясь завязать пояс халата.

– Который час? – спросила она.

– Начало одиннадцатого. – Наоми наливала кофе из кофейника, стоящего на подносе. – Ты вовремя проснулась, завтрак только что подали.

– Завтрак? Начало одиннадцатого? – Келси протерла глаза. – А Гейб?

– Он с самого утра на ипподроме.

– Но... – Она наконец почувствовала себя проснувшейся. – Наглец! Он обещал, что обязательно возьмет меня с собой.

– Гм-м... – Наоми налила вторую чашку – для Келси. – Мне он сказал, что ты спала как сурок и что, когда он попытался тебя разбудить, ты велела ему убираться прочь и никогда больше не возвращаться.

– Лгун! – возмутилась Келси. – Не могла я такого сказать. Наверняка он это придумал, чтобы оправдаться.

Она под села к столику и отпила горячего кофе.

– Наверняка он хотел, чтобы ты как следует отдохнула.

– Он мне не нянька, а любовник! – выпалила Келси и покраснела. Как-никак Наоми все-таки была ее матерью, хотя их отношения с самого начала строились как отношения двух взрослых, независимых друг от друга людей.

– А почему ты здесь? – Келси решила сменить тему. – Я думала, что ты тоже будешь на тренировочном круге.

– Для нас эта скачка не особенно важна. Полторы мили... – Наоми пожала плечами и стала намазывать черничный джем на треугольный тост. – Главное, чтобы Прилив не упустил своего призового места. Теперь на это можно надеяться, поскольку арканзасский жеребец не выступает.

– Не выступает? Но почему? Что с ним случилось?

– О, разве я тебе не сказала? Он захромал на вчерашней тренировке – потянул связки на передней ноге. Я была уверена, что сказала тебе.

Келси обиженно поджала губу.

– Я чувствую себя чужой на этом празднике жизни, – заметила она и с аппетитом вонзила зубы в большой бутерброд с ветчиной. – Грустно стоять на улице, прижимаясь носом к холодному стеклу, когда другие едят пирожные и печенье.

– Прости, Кел. Просто все мы слишком за тебя переживаем, и тебе придется как-то с этим мириться. Когда я думаю о том, что могло случиться... – Она вздохнула и стала намазывать джемом очередной тост. – Ладно, не будем углубляться в эту тему. Выражение твоего лица как будто говорит: «Ах, не вмешивайтесь не в свое дело». Нечто подобное я часто видела в зеркале, поэтому и знаю...

– Я не хотела сказать «не лезьте». Я хотела сказать – «не надо обо мне беспокоиться». – Келси улыбнулась.

– Ничего не попишешь – любая мать, даже не очень хорошая, не может не беспокоиться. Ну, ладно, ешь свой завтрак – Гейб строго-настрого наказал мне проследить за тем, чтобы ты не уходила голодная.

– Снова Гейб!

– Мне почему-то кажется, что он тебя любит, и ты это знаешь.

– Знаю.

– А тебе известно, что он без ума от тебя? На лице Келси

расплылась улыбка.

– Ты так считаешь?

Наоми только расхохоталась в ответ.

– Ты же знаешь, Кел! Как это восхитительно и вместе с тем страшновато, когда мужчина так увлечен тобой!

– Да. И вдвойне восхитительно и страшно, когда и ты увлечена им с не меньшей силой. Возможно, кому-то может показаться, что после развода я слишком быстро нашла новый объект для моих нежных чувств, но...

– Не мне тебе говорить, Келси, но ты и твой бывший муж не жили вместе больше двух лет. Развод был просто формальностью.

– И все-таки... – Келси покачала головой. – Я не перестаю об этом думать только потому, что это выглядит не слишком правильно. Зато я чувствую, что все в порядке, все правильно.

Келси опустила глаза, искренне надеясь, что чутье не обмануло ее и она выбрала для своих вопросов подходящий момент.

– Скажи, когда вы с папой развелись, ты все еще любила его? Прости, но... – Она подняла взгляд на Наоми. – Вчера мне сказали одну вещь, и мне хотелось бы знать, верно ли это. Если не хочешь, можешь не отвечать – я все пойму.

– Однажды я уже обещала тебе, что я попытаюсь честно ответить на любой твой вопрос...

Но это был непростой вопрос. Он разбередил старую рану

– рану, о которой Наоми удалось забыть.

– Да, я продолжала любить его. Вопреки всему я любила его еще долгое время, даже тогда, когда стало ясно – надеяться на что-то просто глупо. И тогда я рассердилась – на него, на себя саму – и решила доказать всему миру, что такие пустяки не могут меня волновать.

– Так вот почему ты...

– Ударилась в загул? – закончила Наоми. – Стала посещать вечеринки, давая пищу для новых сплетен? Стала открыто появляться в обществе мужчин и время от времени устраивать небольшие, но памятные скандальчики? Да, поэтому. Во всяком случае – частично. Просто я не в силах была признать, что потерпела неудачу. Мне хотелось, чтобы Филипп страдал, чтобы он не спал по ночам, страдая из-за того, как я использую неожиданно свалившуюся на меня свободу. В чем, в чем, а в этом я, несомненно, преуспела, поскольку моими стараниями он отдалялся все дальше, так что в конце концов то, чего я желала больше всего на свете, стало мне недоступно.

– Ты хотела вернуть его?

– Очень. До отчаяния. И в то же время я была слишком самонадеянна, ибо считала, что мне удастся вернуть его на моих – и только на моих – условиях.

– А Алек Бредли? – Келси увидела, как Наоми поморщилась, но все же заставила себя закончить:

– Ты использовала его, чтобы заставить папу страдать?

Наоми отставила кофе и глотнула холодной воды прямо из кувшина.

– Наверное. Сейчас мне кажется, что это была моя последняя надежда – перчатка, которую Филипп наконец поднимет. Бредли был равен Филиппу по происхождению и воспитанию, но репутация у него была самая отвратительная.

Келси почувствовала легкую дурноту. Она должна была знать, но, чтобы узнать, необходимо было задать вопрос – и быть готовой услышать ответ.

– Ты.., наняла его за деньги?

Легкая тень давней Печали исчезла из глаз Наоми.

– За деньги? – переспросила она совершенно спокойно.

– Ну да... – несколько растерялась Келси и поспешно глотнула кофе. – Я слышала, что он, если можно так выразиться, оказывал женщинам кое-какие специфические услуги.

Меньше всего Келси ожидала, что Наоми расхохочется, да еще так громко, так весело и заразительно.

– Боже мой! – задыхаясь, выдавила она. – Что за мысль! Что за мысль, Келси! Да этот Бредли был нужен мне в постели как прошлогодний снег! Как прошлогодний снег... – повторила она, снова становясь серьезной.

– Прости, если это был глупый вопрос. Я не имела в виду именно.., близкие отношения. Я думала, что он, возможно, был нужен тебе для того, чтобы появляться с ним на публике.

– Нет, я его не нанимала. Пару раз я действительно одал-

живала ему деньги, но это не имело никакого отношения к... его талантам. Алек, видишь ли, постоянно сидел без денег, – пояснила Наоми сухо. – Он постоянно пускался в какие-то авантюры – и неизменно прогорал. Возможно, из чисто женского тщеславия я опять выдаю желаемое за действительность, но у меня сложилось впечатление, что это он бегал за мной, а не я за ним. Правда, нельзя сказать, чтобы я избегала его общества, – хладнокровно уточнила она и выловила из баночки с джемом целую ягоду. – Мне необходимо было внимание. Я нуждалась в нем, а он умел быть очаровательным. Даже если ты наверняка знала, каков он на самом деле, Алек умел заставить тебя забыть об этом и почувствовать себя единственной женщиной в мире. Нет, я, конечно, знала, какой он пользуется репутацией – как и о том, что его можно нанять, купить на вечер, на неделю, на несколько месяцев, – но это, наверное, просто добавляло остроты моему маленькому приключению. Ну и, конечно, то, что Алек постоянно старался быть рядом, что он ухаживал за мной, пытался очаровать, покорить, – а проделывал он это потому, что не мог справиться с самим собой, – все это льстило мне, моей женской гордости. В конце концов Алек не захотел или не смог признать своего поражения. Он не смог смириться с тем, что меня нельзя покорить, потому что я этого не хочу. Это и убило его.

– Но изнасилование не имеет ничего общего с сексом.

– Разумеется, нет. – Когда-то Наоми думала, что имеет.

Ей хотелось так думать, потому что так было проще. – Он хотел сделать мне больно, хотел унижить меня. Я так и не поняла, почему в ту ночь он пришел в такое отчаяние, что решился на этот шаг. В его глазах не было ни страсти, ни похоти... Ах, если бы они были!.. Тогда я могла бы бороться с ним, обмануть, заговорить, обвести вокруг пальца. Нет, это его отчаяние заставило меня потянуться за пистолетом.

Наоми вздрогнула, потом вздохнула так, словно долго плыла под водой и наконец вынырнула на поверхность, чтобы глотнуть воздуха.

– Я почти забыла обо всем этом, – негромко проговорила она, и голос ее звучал спокойно и устало.

– Прости, что заставила тебя вспоминать... – Позабыв о данном самой себе обещании тщательно обдумать на досуге все, что она узнала за последние два дня, Келси импульсивно накрыла руку матери ладонью и крепко сжала. – Не думай об этом! Нам обеим противопоказано оглядываться назад. Нужно смотреть в будущее, надеяться на будущее, работать для будущего... Кстати, почему бы тебе не взглянуть на платье, которое я купила для сегодняшней скачки? Если я не влезу в него в ближайшее время, то, боюсь, мы пропустим первый заезд.

Глава 9

Рено был одет в серый с синеватым отливом костюм и темно-бордовый галстук; дорогие итальянские туфли сияли словно зеркало. Узкая, как карандаш, женщина, опиравшаяся на его руку, была на голову выше невысокого жокея, поэтому ей приходилось каждый раз наклонять голову, чтобы попасть в кадр вместе с Рено. На лицо ее был наложен безупречный макияж.

Рено лучше других понимал, как жалко выглядит низкорослый мужчина, пытающийся утвердить свое мужское достоинство, появляясь в обществе высоких женщин, но ему было плевать. Именно сейчас ему необходимо было хоть что-то, чтобы продемонстрировать всем, что он настоящий мужчина, который на что-то годится.

Рука его все еще висела на перевязи – на шелковой косынке того же цвета, что и галстук. И это, с горечью подумал Рено, единственные шелка, которые он может носить сегодня.

Он улыбался направленным на него видео– и телевизионным камерам, улыбался задорной зубастой улыбкой, ибо нуждался во внимании едва ли не больше, чем женщина, которую он взял с собой для антуража, но под внешней бравадой, под быстрыми, небрежными ответами относительно его возможного участия в следующих скачках или о планах на будущий скаковой сезон скрывался настоящий водово-

рот смятенных мыслей и отчаяния. С особой завистью Рено глядел на жокеев, которые не торопясь направлялись в паддок. Он знал, что чувствует и о чем думает каждый из них в эти минуты перед стартом, на какие пускается уловки, чтобы сосредоточиться, напустить на себя кураж и не дать упасть уровню адреналина в крови.

Только один будет первым у столба, но остальные могут попытаться проявить свою отвагу и решимость. Кто-то вернется на будущий год и возьмет свое в другой скачке, кто-то исчезнет – наберет лишний вес, разочаруется, испугается травм. Некоторые переберутся куда-нибудь в захолустье, предпочитая быть первыми во второразрядных гонках, чем раз за разом оставаться в битом поле в состязаниях высшего класса. Лишь великие жокеи способны задержаться на скаковом круге надолго – богатея от скачки к скачке и служа примером для подражания десяткам своих последователей, – но, чтобы стать великим, необходимо либо счастливо избегать падений и переломов, либо перемогать их.

Середнячки же так и будут кочевать от ипподрома к ипподрому, будут заискивать перед тренерами, теревить своих агентов, исчезать, чтобы снова возникнуть в ипостаси конюшенного мальчика, конюха или даже помощника тренера на какой-нибудь крошечной ферме.

Но сейчас ничего этого нельзя было разглядеть. Жокеи – могучие воины, бесстрашные солдаты, лихие всадники – шли на старт сосредоточенные, готовые к битве, и их напря-

жение выдавали только внимательный прищур глаз под опущенными защитными очками да особая грация худых, мускулистых тел, которая появляется у хищников перед броском. Да, мысленно они уже на старте... Пусть празднично переливаются разноцветные яркие шелка костюмов, пусть под мягкие итонские шапочки надеты твердые пластиковые шлемы, и у каждого на рукаве повязка со стартовым номером – все это для судей и зрителей. Для жокеев уже не существует ничего, кроме броска из стартовых ворот, полуторамильной дистанции и стремительного спурта на финишной прямой. Рено знал, что некоторые жокеи встают с рассветом, чтобы размять своих четвероногих партнеров и открыть им дыхание; другие, напротив, спят допоздна и являются к самому старту, ибо их отношения с лошадью остаются чисто деловыми, не окрашенными никакими эмоциями, но накануне скачек и те и другие воздерживаются от лишних калорий и часами парятся в бане, сгоняя лишние унции и фунты.

Точно так же поступал и он...

Рено с завистью посмотрел вслед жокеям, и у него снова защемило сердце.

Это он должен был шагать сейчас в паддок, внимательно прислушиваясь к последним наставлениям тренера, это на нем должны были сосредоточиться восхищение толпы и надежды владельцев. Это он, зажав в зубах хлыст, должен был нестись по дорожке ипподрома.

И больше всего на свете Рено боялся, что никогда больше

не выйдет на старт.

Он заставил себя сделать еще несколько шагов. Задиристая улыбочка не сходила с его лица, точно приклеенная.

– Мисс Наоми!

– Рено! – Наоми машинально пожала его здоровую руку. –

Ты выглядишь потрясающе!

– Я выглядел бы еще лучше, если бы надел ваши цвета.

– Обязательно наденешь. – Наоми бросила быстрый взгляд на спутницу жокея, которую тот бросил на растерзание репортерам. – Милая девочка. Мне кажется, я ее где-то видела.

– В коммерческих роликах. Она рекламирует шампунь и зубную пасту. Хочет пробиться в кино. – Рено пожал плечами, давая понять, что девушка его не интересует, и обратил все свое внимание на жеребца. – Он для вас все сделает, мисс Наоми.

– Я знаю.

– А-а, Рено! – Из-за угла конюшни выступила Келси. – Как раз тебя-то я и ищу. Мне хотелось бы, чтобы ты выбрал время и еще раз взглянул на мою годовалую кобылку. Чене нужен хороший жокей, который сумеет выжать из нее все, на что она способна.

Рено почувствовал, как внутри у него все переворачивается.

– Конечно, я заеду. Чего-чего, а времени у меня предостаточно... Ну ладно, пойду скажу пару слов Джоуи перед

стартом...

Рено поспешно отошел. Келси проводила его взглядом.

– Может быть, я что-то не то сказала? – спросила она.

– Понятия не имею. Вряд ли... – рассеянно отозвалась Наоми, ища глазами Моисея. – Наверное, он просто нервничает, как и все остальные.

– Думаю, ты права. Ладно, пойду пожелаю Гейбу удачи. Встретимся в ложе.

– Ну, Джоуи, не подведи, – напутствовал своего жокея Гейб, пожимая ему руку. – Мне очень хочется попасть в историю.

Джоуи несколько раз согнул пальцы, хрустнув суставами.

– Все будет в порядке, мистер Слейтер. Мы сделаем все как надо.

– Не забудь придержать на старте, – напомнил Джеми-сон. – Незачем лезть вперед, пока не выйдете на дальнюю прямую. Мы тут не рекорды устанавливаем; наше дело – выиграть, а с каким временем – вопрос второй.

– Мы с Дублем способны обеспечить и приз, и рекорд, – Джоуи ухмыльнулся и взмахом руки приветствовал подошедшего Рено. – Закажи билет в первый ряд, дружище, и запасись своим любимым шампанским;

– Я так и сделаю. – Рено кивнул Гейбу, и на его лице снова появилась заученная, механическая улыбка. – Удачи вам, мистер Слейтер. Ваш жеребец.., такие встречаются один на

миллион. Как бы мне хотелось когда-нибудь самому попробовать его!..

Он переступил с ноги на ногу и, сунув руки в карманы, сжал влажные ладони в кулаки.

– Мы обязательно обсудим это, Рено, когда ты будешь полностью здоров.

– Если жокей выступает на такой лошади, на какой я выступал последние год-полтора, он становится привередливым и избалованным. – Взгляд Рено остановился на Джеми-соне. – Верно я говорю, Джеми? Первоклассные крэки портят жокеев.

– Тебе виднее, Рено, – дипломатично отозвался тренер, не выпуская из рук уздечки Дубля.

– Я выиграл для вас Бельмонт два года назад, помните? – Рено снова повернулся к Гейбу. – Тогда все говорили, что это, дескать, неожиданность – ученик жокея выигрывает скачку на посредственном жеребце. Все дело в том, что тогда был мой день, мой конь и моя гонка... – Влажные от пота пальцы Рено судорожно сжимались и разжимались в карманах брюк. – Об этой победе быстро забыли. Люди забывают все победы и все скачки, кроме одной. Дерби – вот что помнит публика. Только победа на дерби выносит тебя на вершину.

Его рука заметно дрожала, когда он вынул ее из кармана и коснулся шеи вороного.

– Ну что же, маленький, ты выиграл свое дерби и Прик-

несс, так что твой Бельмонт они не забудут... – Рено вымученно засмеялся. – Но все равно постарайся выиграть. Ты сможешь, я знаю.

– По коням!

Услышав команду, Рено отступил. Его лицо было бледно-серым, на лбу проступила испарина. Отвернувшись от жеребца, он быстро зашагал прочь, но налетел на Келси, которая тут же схватила его за рукав.

– Рено!

– Извини... – Рено вырвался и почти бегом покинулaddock.

– Жокеи!.. – Джемисон подставил руки и кинул Джоуи в седло. – Сплошные нервы и голый темперамент.

– Он показался мне совсем больным, – пробормотала Келси, но времени для того, чтобы предаваться беспокойству, не оставалось. После скачки, пообещала себе Келси, после скачки она постарается найти его и поговорить, но не сейчас. Наступал момент, которого Гейб и она тоже ждали с таким нетерпением и тревогой, и Келси не хотела испортить ему торжество. – Я пришла пожелать тебе удачи, Гейб, хотя ты и убежал утром без меня.

– Ну, для того, чтобы разбудить тебя в шесть утра, потребовались бы пушки! – со смехом ответил Гейб. Он действительно пожалел Келси, но была и еще одна причина, по которой ему не хотелось, чтобы она была с ним на утренней проминке и после нее. Гейб собирался заняться поисками отца

или его следов, но ничего не обнаружил.

Чувствуя, что может вздохнуть свободнее, Гейб наклонил голову, чтобы повнимательнее рассмотреть Келси. Сегодня ее волосы были убраны под белую соломенную шляпку с широкими полями, кокетливо надвинутую на одно ухо. Поверх короткого, обтягивающего платья красного цвета она надела белый короткий жакет из легкой шерсти. На лацкане неслась к победе подаренная им лошадь из красного гагата.

– Теперь, когда я вижу, что с тобой сделали несколько лишних часов сна, я не жалею, что у меня под рукой не было пушки.

– Ну что за несносный тип! – фыркнула Келси.

– Конечно, я умный и хитрый. – Он взял ее за руку. – Ты надела мои цвета.

– Твои цвета – единственные, которые стоит носить сегодня.

Гейб повел ее к ложе, и Келси приложила ладонь к его груди.

– А почему ты не волнуешься?

– Потому что это ничего не изменит.

– Скажи это моему животу, – пожаловалась Келси и сунула руку в сумочку в поисках бинокля. – А то мне начинает казаться, что я хочу победы Дубля больше, чем ты.

– Ничего подобного.

Пока лошадей выводили на старт, Гейб не выпускал ее руки.

Ставки были сделаны, окошечки касс закрылись, высокое голубое небо было по-летнему неподвижным. Дорожка – полторы мили ухоженного, выровненного грунта – была в отличном состоянии, и участники могли показать высокие результаты. Зрители, заполнившие трибуны, уже давно поднялись на ноги, но пока лишь монотонно гудели, и лишь изредка этот ровный гул нарушался чьим-то пронзительным выкриком.

Глядя на все это, было легко забыть о подлинных масштабах предстоящего действия. Тем, кто предпочитал смотреть скачки по телевизору, они действительно могли показаться маленькими, камерными, ибо никакой экран не мог дать полного представления об этом ярком и большом мире.

Лишь благодаря честолюбию Гейба, везению, силе воли мир скачек стал его миром, в нем он чувствовал себя на своем месте. И вот теперь все его заботы, разочарования, надежды и усилия сошлись в одной-единственной скачке. И в одной-единственной лошади.

Гейб внимательно следил за тем, как Дубля заводят в стартовый бокс, и вспоминал ту ночь, когда он родился. Он хорошо помнил, как визжала кобыла и как пронзительно выл ветер за стенами конюшни, швыряя на крышу то дождь, то мокрый снег, помнил ожидание, длившееся бесконечно.

Потом, в потоке хлынувшей на солому крови, показались четыре не правдоподобно тонкие ноги, и высокий, до странности похожий на человеческий вопль кобылы возвестил о

рождении нового существа. Маленький мокрый живой комочек вытянулся на сырой подстилке и сделал свой первый вздох – один из многих, приведших Дубля, сына Куража и Дерзкой, к стартовым воротам ипподрома Бельмонт-парк на Лонг-Айленде.

И даже теперь, три года спустя, Гейб помнил восторг, который он испытал, едва только заглянув в глаза жеребенку.

– Боже мой, как я люблю эту лошадь!

Он не сразу понял, что произнес эту фразу вслух. Только пальцы Келси, стиснувшие его запястье, и ее голос, произнесший «я знаю», вернули его к действительности.

Стартовые ворота открылись с протяжным металлическим скрежетом, и почти в тот же самый миг с губ нескольких тысяч зрителей сорвался дружный вздох. Виноват в этом был Дубль, который шарахнулся со своей шестой дорожки вправо, ко внешней стороне скакового круга, едва не выбросив жокея из седла. Что-то испугало его, но что – сейчас это было уже неважно, ибо в результате этого головокружительного броска Дубль оказался позади плотной группы всадников, и всадник на его спине никак не мог взять управление в свои руки.

Все хитрые инструкции, которые давал Джоуи перед стартом тренер, в одно мгновение потеряли все свое значение. Единственной целью жокея было теперь восстановить равновесие и вернуть заартачившегося вороного на скаковой круг.

На то, чтобы поправить положение, оставались ничтож-

ные доли секунды. Прорубаться сквозь группу или обойти ее полем – по наружной, более длинной дорожке? Конь и всадник приняли решение, которое в зависимости от исхода скачки могло быть признано неверным или отчаянно смелым, почти одновременно. Словно зная, какой подвиг ему придется совершить, Дубль вылетел на крайнее свободное поле и понесся во весь опор.

Он мчался по треку, пожирая пространство и выбрасывая из-под копыт крупные комья глины. Ноги его двигались с такой скоростью, что их было невозможно поймать глазами, и только мощные удары копыт о землю свидетельствовали, что он пока еще не взлетел над землей. И к моменту, когда лидер в первый раз прошел под проволокой, Дубль отставал от него всего на корпус. И он сокращал это расстояние!

Стоя в ложе, Гейб не отрывал от глаз бинокля.

Скачка была почти забыта, и все его внимание сосредоточилось только на одной лошади. Нет, виновата была не только красота, хотя при одном взгляде на мощный галоп вороного у него слезы наворачивались на глаза от восхищения. Гейб видел перед собой настоящее, неподдельное мужество и свирепую, беспощадную и бескомпромиссную волю к победе. И знал, что независимо от исхода сегодняшнего состязания он никогда не забудет этот яростный, стремительный полет вороного.

Полмили были пройдены ровно за сорок четыре секунды, причем Дубль и лидер далеко оторвались от своих преследо-

вателей. Зрители ревели, словно десяток реактивных лайнеров, летящих на небольшой высоте, но Гейб слышал только голос Колей, которая едва слышно шептала рядом с ним:

– Ну, маленький, не отдай!

Должно быть, из всех зрителей только они двое стояли, держась за руки, словно маленькие дети, и как зачарованные смотрели на одного-единственного коня.

– Маленький, не отдай!

На втором повороте Джоуи отправил Дубля в посыл, сражаясь с лидером за выгодную позицию у бровки. Именно здесь, на последнем прямом отрезке дистанции, Бельмонт проверял претендентов на мужество и доблесть, и из отставшей группы стрелой вылетел и понесся вдогонку за лидерами гневой кентуккиец.

Но было слишком поздно. Мужество, гордость, сердце – все то, что три года назад ветреной зимней ночью Гейб разглядел в глазах новорожденного жеребенка, подгоняло Дубля быстрее, чем опускавшийся на круп хлыст.

Дубль первым пересек финишную черту, оставив второго претендента на два корпуса позади. Воронов жеребец из «Рискованного дела» выиграл приз Бельмонт Стейкс и стал «трижды венчанным» – обладателем Тройной Короны.

Несколько мгновений Гейб просто стоял и смотрел. Эмоции, овладевшие им, были слишком сильны, чтобы улечься сразу и уступить место экстазу долгожданной победы. Да, это его лошадь была там, на дорожке ипподрома, это его жокей

высоко поднялся на стременах. Это его мечта, покрытая грязью, потом и славой, гордо вышагивала вдоль трибун на глазах у тысяч зрителей. Что бы ни случилось теперь, никто не отнимет ни у него, ни у вороного этого ослепительного триумфа.

– Черт знает что за лошадь! – хрипло пробормотал Гейб, чувствуя, что горло словно заржавело и не повинуется ему. Потом он повернулся к Келси и увидел, что ее щеки мокры от слез. – Черт знает что за лошадь, – повторил он.

– Да! – Слезы еще катились по лицу Келси, но к горлу уже подступал легкий, радостный смех. Она подняла руки и обхватила его за шею.

– Поздравляю, Слейтер! Ты все-таки сделал это!

– Господи Иисусе... – Никаким напряжением воли он не смог бы сдержать глупую счастливую улыбку, которая расцветала у него на лице. – Господи Иисусе, мы сделали это, мы справились!

С этими словами Гейб подхватил ее на руки и закружил, не обращая внимания на направленные на него камеры. Келси еще смеялась, когда он закрыл ей рот поцелуем.

Рик сидел в своей комнате в нескольких сотнях миль от Нью-Йорка и смотрел на экран телевизора. На Бельмонт он не поехал. Зная о том, что должно случиться, он предпочел самый безопасный вариант и остался у себя в номере.

Когда камеры переключились с жеребца-чемпиона на его

счастливого владельца, Рик только кивнул.

– Радуйся, радуйся, пока можешь, щенок, – пробормотал он и налил себе на два пальца двенадцатилетнего скотча. Губы его презрительно дернулись, когда, комментируя поцелуй Келси и Гейба, диктор заявил, что мистер Слейтер и мисс Байден не только конкуренты, но и близкие друзья.

Устроившись поудобнее, Рик стал ждать, когда же появятся первые признаки спланированной им катастрофы. Как и после каждой гонки, жеребца должны были отвести в «плевательницу» и взять пробы мочи и слюны. И когда станут известны результаты, Гейб уже не будет так широко улыбаться.

«Так, пожалуй, даже лучше, – рассудил Рик. – Гораздо приятнее отобрать у этого паршивца приз после того, как он подержал его в руках и вообразил своим».

Да, обстоятельства, несомненно, сложились в его, Рикову пользу, и все благодаря этой избалованной шлюхе – дочери Наоми. Если бы она не поперлась ночью в конюшню и не помешала осуществлению его планов, вороной жеребец вовсе не вышел бы на старт.

Но он вышел и стал первым. И теперь только считанные мгновения отделяли Рика от того момента, когда по стадиону будет объявлено, что в крови Дубля обнаружены запрещенные стимуляторы.

И тогда Гейб не только будет дисквалифицирован, но будет опозорен, скомпрометирован, узнает, что значит всеобщее презрение.

Готовясь отпраздновать свою победу, Рик Слейтер долил свой стакан доверху, но рука его дрогнула, и он пролил несколько капель на стол, когда услышал официальное объявление судьи-информатора.

«Шестой, пятый, второй». Его потрясенный разум отказывался воспринимать дальнейшие пояснения относительно сделанных ставок и выплаты выигранных сумм. Раскрыв рот и выпучив глаза, он тарасился на экран телевизора, на котором появились конь и жокей – оба в венках из белых гвоздик. Потом Рик увидел сына, по-хозяйски обнимавшего Келси за плечи. Он подошел поздравить своего всадника и – словно сентиментальный ковбой из дешевого вестерна – наклонился поцеловать жеребца во влажную от пота морду.

Стакан скотча врезался в экран, и оба разлетелись вдребезги. В воздухе запахло пролитым виски, и Рик вскочил с места. На минуту или больше он словно потерял рассудок и принялся молотить кулаками ни в чем не повинный телевизор. Когда же его разбитые пальцы окрасились кровью, он столкнул его на пол и принялся методично обрабатывать аппарат ногами, топча рассыпающиеся по полу блестящие детали и обломки. Единственной мыслью его было, что он сейчас «жуть что сделает с этим поганым телевизиорешкой, который взялся показывать ему такие вещи»!

Когда Рик, вымотанный и задыхающийся, наконец остановился, в комнате воняло жженой изоляцией, спиртом, его собственным потом. Костяшки пальцев кровоточили, в гру-

ди ломило, перед глазами все еще плавала багровая пелена.

Кое-как отдышавшись, Рик плюхнулся обратно в кресло и поднял упавшую бутылку. Больше половины ее содержимого вылилось на ковер, но в бутылки осталось еще достаточно благословенного напитка, чтобы смыть скопившуюся в горле и во рту желчь и привести в порядок мысли.

У кого-то голова с плеч покатится! – яростно пообещал себе Рик и сплюнул. Он окончательно убедился, что не может никому доверить самого простого дела. Что ж, придется ему самому обо всем позаботиться.

Неделя после триумфа Дубля в Нью-Йорке была заполнена привычными делами, и у Келси почти не оставалось времени на раздумья. «Три ивы» продолжали жить обычной жизнью, и она проводила дни за тренировками, чисткой лошадей и конюшен и другой повседневной работой. Скачками в Бельмонте сезон отнюдь не заканчивался, да и для того, чтобы почитать на лаврах, не было никаких оснований.

Келси к тому же была переполнена своими собственными честолюбивыми планами. Она давно мечтала воспитать своего чемпиона, а теперь, вдохновленная успехами Гейба, была настроена как никогда решительно. Ее Чена подавала большие надежды, и Келси готова была работать не покладая рук, лишь бы добиться своего.

Не забывала Келси и о головоломке, решить которую она себе пообещала, однако это дело так не двинулось с мерт-

вой точки. Загвоздка была в Чарльзе Руни; когда бы Келси ни звонила в агентство, детектива никогда не оказывалось на месте, и он не перезванивал, хотя Келси оставила несколько сообщений. Тем не менее она была уверена, что в конце концов сумеет припереть его к стенке и заставить дать ответы.

Не последнее место в ее стратегическом плане занимал и капитан Типтон. В прошлый раз она не сумела поговорить с ним подробно – частично из-за присутствия Росси, частично из-за самой себя, – однако интуиция подсказывала ей, что на вторую встречу с бывшим полицейским можно рассчитывать. В случае же неудачи Келси всегда могла поехать к отцу и попросить его подробно, обстоятельно рассказать о тех далеких и печальных днях, чтобы с его помощью составить наконец полную картину происшедшего.

Это было тем более необходимо, что пока-пока! – в голове Келси сформировался лишь образ молодой женщины, которая любила своего мужа сильно и горячо – настолько горячо, что без раздумий пустилась в рискованную авантюру и проиграла, ибо в своем стремлении вернуть его она то и дело совершала ошибки. По большей части эти ошибки можно было объяснить тщеславием, гордостью и упрямством, но Келси так и не удалось понять, что же превратило это волевою и бесстрашную молодую женщину в убийцу.

– Привет, сестренка!

– Ченнинг! – Даже не выпустив из рук влажной губки, Келси обернулась и крепко поцеловала брата. – Извини, но

у меня не было и пяти минут, чтобы найти тебя и сказать, как я рада тебя видеть!

– Признаться, у меня тоже. Я приехал всего два часа назад, но не успел я слезть с мотоцикла и размять затекшие ноги, как старина Мо запряг меня в работу, словно я никуда не уезжал. Видишь? – Ченнинг показал на свою рубашку, на которой проступили темные пятна пота.

– Откровенно говоря, я не надеялась, что ты вернешься. – Келси повернулась к Чене и стала осторожно протирать ей морду. – Уже почти середина июня.

– Ну, мне потребовалось некоторое время, чтобы урегулировать этот вопрос, хотя, признаюсь откровенно, до обращения в Организацию Объединенных Наций дело не дошло.

– Значит, Кендис по-прежнему возражает, чтобы ты работал здесь?

– Она, скажем так, не слишком довольна этим обстоятельством. Так я не погрешу против истины, зато звучит менее категорично. В общем, это был тот еще скандалец! Он ухмыльнулся.

– Мне очень жаль, Ченнинг...

– Да ничего страшного, сестренка. Во-первых, выплеснув все, что у нее наболело, ма облегчила душу, а это уже немало. Для меня, во всяком случае. Она, конечно, хотела бы, чтобы я подхватил знамя семейной традиции, завещанное мне поколениями предков, и так далее, и так далее... Всю жизнь я воспринимал это как данность, как нечто само собой разу-

меющееся и в конце концов, наверное, стал бы блестящим хирургом – таким, как мой отец, как его отец и отец его отца. Ма всерьез этого ожидала, и я не стал ее разубеждать.

– Так ты не этого хочешь?

– Я решил попробовать себя в ветеринарии. – В глазах Ченнинга блеснул упрямый огонек, словно он ожидал возражений или – еще хуже – быстрой, покровительственной насмешки, но Келси неожиданно наклонилась вперед и поцеловала его в обе щеки.

– Молодец! ;

– Ты серьезно так думаешь?

– Ну, я, конечно, могла бы рассказать тебе о том, как трудно – да и невозможно в конечном счете – жить так, чтобы оправдывать ожидания других людей. Особенно – близких и родственников. За последние несколько месяцев я в этом окончательно убедилась, но и ты скорее всего это знаешь. В конце концов Кендис смирится – ведь она любит тебя и хочет того же, чего хочешь ты, что бы она при этом ни утверждала.

– Возможно. – Ченнинг пошевелил солону носком ботинка. – И все равно мне было очень нелегко с ней спорить. Но еще труднее – сознавать, что я почти наверняка уступил бы, если бы герр профессор не встал на мою сторону.

– Папа? Ты серьезно? Ченнинг ухмыльнулся.

– Он, словно засадный полк, пошел в атаку из-за холма, без стрельбы с дальней дистанции и без трубных кавалерийских сигналов. Он только говорил – терпеливо, обстоятель-

но, убедительно.., ну, ты знаешь, как он умеет. И все-таки это было достаточно неожиданно. Откровенно говоря, я что-то не припомню, чтобы твой отец когда-нибудь противоречил моей матери в таких серьезных вещах, так что мне порой кажется, что ма сдалась от удивления – оттого, что он принял мою сторону, а не ее.

– Он тоже тебя любит. – Закусив губу, Келси продолжила чистить лошадь. – Что же тебя все-таки тревожит, Чен?

– Да, в общем-то, ничего. В последнее время отношения между ма и профессором стали несколько напряженными, но я надеюсь, что теперь, когда меня не будет дома, у них хватит времени, чтобы мирно во всем разобраться. Как бы там ни было, ма склонна обвинять скорее тебя, чем его.

Келси недовольно поморщилась.

– Боюсь, мне все же придется кое-что предпринять, чтобы успокоить ее.

– Ма не умеет обижаться. Во всяком случае – подолгу. Просто ее взгляды на мировой порядок оказались несколько поколеблены, только и всего. Пройдет немного времени, и она привыкнет к новым обстоятельствам.

– Прошу прощения... – у дверей бокса появился Рено.

– Рено, привет! – Келси повернулась к нему, не переставая при этом чистить свою годовалую кобылу. – Ты, наверное, помнишь Ченнинга?

– Конечно. Как дела, Ченнинг?

– Неплохо. Как твое плечо? Жокей машинально подвигал

рукой.

– Понемногу приходит в норму. Через пару недель я буду в форме. У меня даже есть несколько предложений, но все это европейские скачки. В общем, пропал сезон.

– Кажется, Моисей что-то говорил... – осторожно вставила Келси. – Через несколько недель мы отправляем Прилива за океан. Хорошо бы, если бы на нем выступал именно ты.

– Там видно будет... А это Чена, верно? Честь Наоми?

– Я, пожалуй, пойду, – вставил Ченнинг. – Если Моисей увидит, что я, как он выражается, валяю дурака, он урежет мне зарплату. Рад был видеть тебя, Рено.

– И я... До встречи, Чен.

Жокей шагнул в стойло и присел на корточки, так как у любой чистокровной лошади самым главным были ее ноги. Поначалу он ничего не сказал, только обошел кобылу со всех сторон, проводя ладонями по бокам, по груди, по холке. В последнюю очередь он осмотрел глаза и зубы.

– Отменная лошадка, – промолвил он наконец. – Отличная статья и много сердца. Ты уже водила ее через стартовые ворота?

– Да, и, похоже, никаких осложнений здесь не будет. Иногда она пугается, но с тех пор как мы попробовали наглазники, все идет просто отлично... – Тут Чена ткнулась губами в плечо Келси, и та достала из кармана морковку. – Чена – очень ласковая кобыла, но внутри ее горит настоящий огонь. Мо считает, что на будущий год ее уже можно будет попро-

бовать в одной-двух скачках. Что ты на это скажешь?

– Отменная лошадка, – снова повторил Рено и едва заметно вздрогнул от отчаяния и надежды. – Почему ты хочешь, чтобы именно я выступал на ней?

– Во-первых, я видела тебя на треке. Кроме того, мне очень по душе, как ты относишься к лошадям. Ты бываешь на утренних тренировках, заходишь в конюшню.., словом, ведешь себя не так, как иные жокеи, которые подходят к лошади только на ипподроме, накануне старта. Ты и лошадь – не просто партнеры, а добрые товарищи. Есть еще и третья причина...

Тут Келси слегка замялась и, чтобы скрыть смущение, принялась гладить Чену по морде.

– Я знаю, что ты любил Горди, Рено. Это было видно по тому, как ты с ним обращался, как говорил о нем. Именно такого жокея я хотела бы для своей Чены.

Рено отвернулся. Больше всего ему хотелось броситься ничком на соломенную подстилку и зарыдать в голос, и он боролся с этим желанием из последних сил. Каждое слово Келси вбивалось в него, словно острый нож или осколок стекла.

– Я.., л-любил эту лошадь... – Голос Рено сорвался, но он этого не заметил. – Он бы сделал для меня все... Ради меня он сжег свое сердце.

– Ты не должен винить себя в том, что случилось! – воскликнула Келси.

– Я не хотел причинить ему никакого вреда. Но откуда, скажи, откуда мне было знать, что эта скачка убьет его? Откуда?!

Его невидящий взгляд буквально жег лицо Келси, и она сказал мягко:

– Ты не мог этого знать, Рено. Но рано или поздно мы найдем того, кто хотел зла нашему Горд и.

Рено судорожно, со всхлипом вдохнул воздух.

– Рано или поздно.., да... – Не глядя, он сделал шаг назад. – Чена хорошая лошадь, Келси.

Береги ее.

– Так ты согласен выступать на ней? Ответом ей был взгляд, полный такого жгучего, всесокрушающего отчаяния, что Келси невольно шагнула вперед, протягивая к маленькому жокею руки, но Рено издал лишь один короткий, горловой, звериный какой-то звук и выбежал из стойла.

Глава 10

– Говорю тебе, Гейб, он буквально разбил мне сердце!

Держа бокал с вином обеими руками, Келси подобрала под себя ноги, поудобнее устраиваясь на длинном, широком диване в гостиной в доме Гейба. Вечер был теплым, тихим, и все окна и двери были распахнуты настежь, впуская внутрь легкий ветерок, напоенный цветочным ароматом, но Келси продолжала видеть перед собой только лицо Рено, пересеченное полосами просеянного сквозь решетку денника солнечного света и искаженное безнадежным отчаянием и мукой.

– Ему очень хочется вернуться в строй.

Гейб лежал, вытянувшись на том же самом диване и положив ноги на колени Келси; во рту у него торчала сигара, и время от времени он выпускал в потолок струйки сизоватого дыма. Гейб не то чтобы вовсе, не сочувствовал жокею, просто он был слишком измотан, измучен до последней степени, и его отупевший мозг отказывался работать. Кто бы мог подумать, что неделя, насыщенная встречами, приемами, вечеринками, телефонными звонками и прочим, утомит его сильнее, чем неделя тяжелого физического труда наподобие рытья канав?

В настоящий момент он с удовольствием променял бы переговоры с брокерами и страховщиками, которые предлага-

ли ему различные варианты сделок и с цифрами в руках наперебой твердили о будущих доходах, на вилы и мокрую от пота рубашку, но это было невозможно, во всяком случае, пока.

Не далее как сегодня после обеда Гейб вынужден был отказаться от весьма выгодного предложения одной телевизионной компании, которая хотела снять документальный фильм о нем и, естественно, о Дубле.

– Не знаю, – продолжала Келси, пока мысли Гейба витали в облаках. – Мне тоже казалось, что он просто хочет выступить, но только до тех пор, пока...

Она откинулась назад и пристроила голову на спинке дивана. Специально для нее Гейб включил Моцарта, что с его стороны было большой жертвой. Келси знала, что он ничто не ставит так высоко, как ранний рок и меланхолические зазывания блюзов.

– Как ты понимаешь, я просила его выступить с Ченой не из одних альтруистических соображений. Мне нужен был лучший жокей, какого только можно найти в наших краях, и лишь потом я подумала, что мое предложение, возможно, как-то утешит его. Но, похоже, я сделала ему только хуже.

– Ты не можешь этого знать, – лениво откликнулся Гейб.

– Ты просто не видел его лица. Только теперь я начинаю понимать, что значила для него гибель Горди. Я тоже любила этого жеребца, но скорее всего я не была привязана к нему и вполтину так сильно, как Рено. И он обвиняет себя в его

гибели только потому, что Горди упал под ним. – Келси рассеянно раскрутила вино в бокале и смотрела, как рубиновая жидкость понемногу успокаивается. – Я начинаю всерьез подумывать о том, не попросить ли Наоми убедить его обратиться к психотерапевту. Как ты думаешь... – Она повернулась к Гейбу и увидела, что он лежит с закрытыми глазами. – Эй, да ты, никак, спишь?

– Прости. – Гейб приоткрыл один глаз. – Я просто заду-мался.

– Нет, это ты прости. – Келси заерзала на диване и, усевшись поудобнее, стала массировать ему ступни. – Ты устал, я поняла это, как только ты вошел в дверь. Мне надо было спросить тебя, как прошли твои сегодняшние переговоры, а вместо этого я пристала к тебе со своим сто первым психологическим этюдом.

– Покуда ты гладишь меня по пяткам, можешь говорить о чем тебе угодно.

Келси усмехнулась, но отставила свой бокал, чтобы иметь возможность массировать его ступни обеими руками.

– Ну, как твои деловые встречи? Когда мы будем праздновать рекордную в скаковом мире сделку?

– Никогда. – Гейб подумал о том, как удивительно много эрогенных зон расположено на таком сравнительно маленьком участке человеческого тела, как ступни. – Я не собираюсь распродавать своего Дубля по частям.

– Не собираешься? – Келси невольно замерла. – Но, Гейб,

ты же говорил, что сумма может получиться совершенно астрономической!

– Я не собираюсь делить его ни с кем! – Гейб снова открыл глаза и пристально на нее посмотрел. – Я выслушал все советы, все предложения и решил поступить по-своему. Что мое – то мое.

– Но это же непрактичное, продиктованное эмоциями решение!

– А ты хотела чего-то другого? Келси покачала головой.

– Одно время я тоже мечтала владеть долей «трижды венчанного».

– Ну, это можно устроить... – небрежно бросил Гейб, изо всех сил стараясь сохранить видимость спокойствия. – Ты можешь получить пятьдесят процентов.

– Половину? – Брови Келси поползли вверх, а пальцы замерли. – Пожалуй, это несколько больше того, что я могу себе позволить.

– И большинство людей сказали бы тебе, что ты совершенно права. У тебя просто не хватит денег.

Келси обиженно подобрала губу.

– Прошу не указывать мне, что я могу себе позволить, а что – нет. О'кей, каковы твои условия?

– Условие только одно... – Глаза Гейба сверкнули. – Выходи за меня замуж.

Сначала Рено отправился на конюшню. На конюшню, ко-

торая некогда принадлежала Канингему. Никто его не оставил. Охранники и конюхи – все хорошо, знали Рено. Он солгал им, что должен встретиться с Джемисоном, и они пропустили его без дальнейших расспросов.

На самом деле Рено просто хотел снова увидеть лошадей, почувствовать их запах, прикоснуться к бархатным шкурам, под которыми играют крепкие как сталь мышцы. Некоторое время он раздумывал, не пойти ли ему и в самом деле к Джемисону, чтобы излить душу, но потом отказался от этой мысли. Что это изменит? Ничего. Ничего уже не исправишь.

За последние несколько недель Рено потратил довольно много времени, размышляя над тем, что он наделал, и пытаясь переложить вину на кого-то другого, но все его обвинения, словно камни с горы, снова скатывались вниз, чтобы похоронить его под своей тяжестью. Он как будто сидел на дне глубокого рва, из которого не было никакого выхода. Это он взял в руки шприц, это он ввел смертельный яд в вену великолепного коня, бойца, атлета.

Не имело никакого значения, каким путем шприц попал к нему и кто вложил ему в руки этот инструмент. Теперь Рено ясно понимал это и – самое главное – принял на себя всю полноту вины. Он убил того, кого любил больше всего на свете, – и погубил самого себя.

Как и его отец...

Рено прислонился лбом к теплому боку терпеливой спокойной кобылы и заплакал. Порок перешел к нему по наслед-

ству, передался через кровь, и от этого никак нельзя было отмахнуться. Все причины и смягчающие обстоятельства, которые он пытался выдумать, изобрести, были подобны карточным домикам, рассыпающимся при малейшем дуновении ветерка. Неужели он действительно верил, что мстит за отца, которого на самом деле не помнил и не знал? Скорее всего эта идея, с дьявольской ловкостью внедренная в его сознание, была просто способом заставить его сделать все, что нужно, – точно так же, как игла, которую он ввел в вену лошади, была способом свести какие-то старые счета.

Слаб... И он слаб, точно так же, как и его отец.

И проклят, как он.

Раз так, ему остается только одно, только одно еще не исполненное дело. И он исполнит его, поступив точно так же, как поступил в свое время отец. Он замкнет круг, пройдет до конца тем путем, на который толкнул его человек, известный Рено только по фотографиям и пожелтевшим газетным вырезкам. Человек, память о котором он берег пуще собственной чести.

Словно во сне, Рено в последний раз вдохнул лошадиный запах и вышел из конюшни. Путь его лежал в сарай для старой упряжи. В тот самый сарай, который когда-то тоже принадлежал Канингему.

Прошло секунд десять, прежде чем Келси сумела обрести дар речи. Предложение, которое она только что услыша-

ла, было вполне в духе Гейба – взвешенным, хладнокровным, рискованным и неожиданным, как выпад фехтовальщика, как бросок призовой лошади к финишу. Как вызов, как брошенная в лицо перчатка, не поднять которую было невозможно.

Келси медленно убрала его ноги со своих колен и взяла со столика отставленный бокал с вином.

– Значит, если я выйду за тебя замуж, то половина Дубля будет моей?

– Совершенно верно. – Гейб слегка пожал плечами. Он ожидал, вернее – надеялся, что ее реакция будет несколько иной. – А также половина фермы и всего остального, – уточнил он, принимая правила игры.

Келси отпила из бокала крошечный глоток и посмотрела на него внимательно.

– И половина Гейба Слейтера? – спросила она.

Гейб почувствовал раздражение. Ему не нравилось насмешливое удовлетворение, сквозившее в ее взгляде и в интонациях. Легким движением он спустил ноги на пол и встал.

– Я не Уэйд Монро, Келси. Если мы рискнем ввязаться в это дело, то каждый должен принадлежать другому целиком. Наш брак никогда не будет сделкой между двумя людьми, каждый из которых старается выжать максимум из неблагоприятных обстоятельств, имея про запас заранее оговоренную возможность расторгнуть контракт;

– Как в покере: сделал ставку – играй?

– Совершенно верно. И поскольку я уже сделал ставку, я, пожалуй, раскрою свои карты. Ты нужна мне – вот моя старшая карта, и, чтобы побить ее, тебе понадобится очень крупный козырь. Тебе, конечно, может показаться, что шансы на выигрыш невелики, поскольку однажды ты уже обожглась и не хочешь, чтобы это повторилось, но не забывай, что это – совсем другая игра и участвуют в ней совсем другие игроки. И в этой игре я теряю гораздо больше, чем ты.

Келси продолжала глядеть на вино в своем бокале. А онто утверждал, что я не умею блефовать, с некоей долей гордости подумала она, однако так и не осмелилась поднять голову, чтобы не показать ему раньше времени свое лицо.

– Значит, ты считаешь, что я боюсь брака? Что я боюсь играть только потому, что однажды проиграла? Да это просто оскорбительно, Слейтер! Почти так же оскорбительно, как и это твое издевательское предложение, которое ты сделал мне пять минут назад, даже не оторвав от дивана задницы!

– Так тебе нужны цветы, свечи и коленапреклоненный мужчина с обручальными кольцами в кармане? – свирепо спросил Гейб. Он на самом деле собирался преподнести ей кольцо, но тот факт, что Келси пытается ускорить ход событий, только разъярил его еще больше. – Повторяю, я не Уэйд, так что не надо сравнивать его и меня.

Келси наконец подняла глаза. Она была уверена, что гнев, который проснулся в ней, скроет от него ее подлинные мысли.

– Так кого из нас больше волнует прошлое, Слейтер? Уж не тебя ли? – Она с силой опустила бокал на столик и тоже встала. – Почему бы тебе не отвезти меня в..., в Вегас? Вот была бы подходящая обстановочка для такого предложения! Мы бы сказали друг другу «да», сидя за карточным столом.

Гейб напряженно кивнул.

– Хорошо. Если ты этого хочешь...

– Единственное, чего я хочу, это чтобы ты задал мне прямой вопрос, на который я могла бы дать прямой и недвусмысленный ответ. И ты либо задашь мне его сейчас, либо можешь убираться к черту!

Прищурившись, Гейб изучал лицо Келси, но впервые не мог прочитать ее мыслей. Да и как это возможно, подумал он, когда впервые в его жизни выигрышные карты были в чужих руках?

– Ты выйдешь за меня замуж? – медленно спросил он.

– Да, – ответила Келси. – Выйду. Гейб снова взгляделся в ее лицо и судорожно вздохнул – оказывается, сам того не заметив, он затаил дыхание в ожидании ответа.

– Правда?

– Правда, – кивнула Келси. – Чья очередь сдавать?

Губы Гейба слегка дрогнули.

– Похоже, сейчас самое время разделить банк. С этими словами он шагнул вперед и, проведя ладонью по ее волосам, крепко обнял.

– Я люблю тебя, Келси.

– Надеюсь, иначе ты никогда бы не совершил такого опрометчивого поступка.

– Опрометчивого? Да! – Он поцеловал ее в губы. – Но своего я добился – заполучил тебя, верно?

– Да. – Келси звонко рассмеялась и обхватила его обеими руками. – Да, черт побери!

– А как насчет поездки в Вегас?

– Ни за что!

– Ты просто не до конца просчитываешь варианты. – Гейб подхватил ее на руки и целеустремленно зашагал к лестнице в спальню. – Там все под рукой, все быстро, удобно и ничуть не обременительно. Мы могли бы провести нашу первую брачную ночь на огромной кровати в форме сердца, в комнате с зеркальным потолком и искусственными фиалками на тумбочках.

– Это звучит довольно соблазнительно, но я, пожалуй, обойдусь. Почему бы нам не...

Громкий, отчаянный стук в заднюю дверь заставил Гейба опустить ее на пол.

– Стой здесь, – сказал он, подтолкнув Келси к ступеням, но, прежде чем он успел сделать несколько шагов, дверь распахнулась и в гостиную ввалился один из конюхов. Он был бледен, как свежепобеленная стена, вытаращенные глаза дико вращались.

– Мистер Слейтер! Господи, мистер Слейтер, вам надо немедленно пойти туда. Рено... Он мертв, мистер Слейтер!

И сомневаться в этом не приходилось. Несмотря на то, что у кого-то хватило смелости и сострадания перерезать веревку, привязанную к стропилу сарая для старой упряжи, Рено Санчес был мертв окончательно и бесповоротно.

Келси смотрела и смотрела; она никак не могла отвести взгляда от лежащего на полу тела, одетого в жокейский шелковый редингот и обтягивающие бриджи. Голова была повернута под неестественным углом к телу, на шее виднелась багрово-синяя борозда от петли.

– Позвоните в полицию, – приказал Гейб и грубо развернул Келси к выходу. – Уходи отсюда. Ступай домой.

– Нет, я останусь, – возразила Келси. – Со мной все в порядке. Я хочу быть с тобой. Спорить Гейб не стал.

– Подожди снаружи, – раздраженно бросил он и, когда Келси не двинулась с места, повторил еще резче:

– Подожди снаружи, черт тебя возьми!

Келси упрямо покачала головой. Она только отвернулась в сторону и встретила взгляд Джемисона. Глаза тренера были неподвижны и пусты. Что было тому причиной – горе или потрясение, – она не знала, но, подойдя к Джемисону, подвела его к ближайшему табурету.

– Присядь, Джеми...

– Это я нашел его, – глухо пробормотал тренер. – Мне передали, что Рено где-то здесь, что он хочет со мной встретиться. Я стал его искать... Не знаю, почему я сразу пошел в этот сарай, только пошел – и все... И увидел его. В точности

как в прошлый раз...

– В прошлый раз?

– Да. Бенни Моралес тоже... О боже! – Он закрыл лицо руками. – Когда же будет этому конец, господи?!

– Здесь есть записка, мистер Слейтер. – Молодой конюшенный мальчик нерешительно приблизился к Гейбу. Говорил он шепотом, словно боялся, что мертвый его услышит. – Она тут, на скамье. Ее никто не трогал. Полицейские всегда спрашивают, не трогал ли кто чего-нибудь, – добавил он, поразмыслив.

– Хорошо, – кивнул Гейб. – А теперь ступай наружу. Как только приедет полиция, проводи их сюда.

– Будет сделано, мистер Слейтер... – Работник замялся. – Мы срезали его, сэр! – выпалил он наконец. – Может, не надо было этого делать, но только мы не могли оставить его так. Мы..., сняли его оттуда.

– Вы поступили правильно. – Гейб опустил руку на плечо работника. – А теперь побудь снаружи.

И он шагнул к скамье, заранее зная, что написано в записке, и боясь этого.

Простите меня... Я знаю, что поступаю как трус, но другого выхода я не вижу. У меня нет другого выхода! Я не должен больше садиться в седло после того, как убил лучшего коня, который когда-либо подо мной был. Бог свидетель, я не знал, что в иприсе смертельная доза. Я думал,

его просто дисквалифицируют. Я никогда не верил, что мой отец виновен, и хотел отплатить за него. Но теперь.., теперь я поступил так же, как когда-то и он. И должен повторить его судьбу. Это в крови... Такая кровь досталась мне от отца, а с ней не поспоришь.

Гейб повертел записку в руках и посмотрел на Джемисона.

– Ты знал, Джеми?

Тренер кивнул, и на его лежащие на коленях руки упали, выкатившись из глаз, две слезинки.

– Да, я знал, что Рено – сын Бенни Моралеса. Помоги, боже, им обоим!..

Когда Джемисон заговорил, вся картина прояснилась окончательно. Бенни Моралес, повесившийся в том же самом сарае от отчаяния, безысходности и сознания собственной вины, оставил после себя вдову, которая была на четвертом месяце. Сразу после его смерти, опасаясь скандала, она уехала из Виргинии и поселилась в Канзасе. Когда ребенку было пять лет, вдова Моралеса вышла замуж во второй раз. Рено получил фамилию отчима – Санчес, однако он так и не перестал грезить о своем настоящем отце, от которого унаследовал миниатюрную фигуру, сухощавую конституцию, удивительные руки и неистребимую любовь к лошадям. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Рено пошел по стопам своего родного отца и сумел быстро подняться от конмальчика до ученика жокея.

В конце концов Рено вернулся в Виргинию, где когда-то творил чудеса Бенни Моралес. Свой секрет он доверил одному лишь Джемисону, который был лучшим другом его отца, и Джемисон надежно хранил его тайну.

Через два дня после самоубийства Рено лейтенант Росси неожиданно приехал в «Рискованное дело», чтобы поделиться с Гейбом кое-какими подробностями.

– У него была целая библиотека альбомов с газетными вырезками об отце, – сказал он. – В отдельных папках были собраны статьи с обвинениями против Моралеса, с отчетами о ходе расследования и сообщениями о самоубийстве. Со слов миссис Санчес я знаю, что увлечение отцом носило характер навязчивой идеи: в глазах мальчика он был героем, которого ловкие люди сделали козлом отпущения, и Рено был полон решимости исправить эту несправедливость.

– И ввел наркотики жеребцу Чедвиков, – негромко проговорил Гейб. – Чтобы его дисквалифицировали.

– Когда Моралес упал и получил травму, из-за которой он не выступал почти год, он как раз работал на Чедвиков. – По привычке Росси достал и перелистал свой блокнот, хотя он и так хорошо помнил всю цепь событий. – Впоследствии, когда в Кинленде погиб жеребец Солнечный, Мэттью Чедвик открыто обвинил Бенни Моралеса в том, что он ввел его чемпиону запрещенные амфетамины. И я его понимаю – из-за мошенника-жокея он потерял лошадь, в которую были вло-

жены большие деньги.

– Дурная наследственность... – сквозь зубы процедил Гейб. – Только непонятно, откуда Рено взял наркотики. Я уверен, что он сделал укол после взвешивания и незадолго до старта. Скорее всего это было проделано в выводном тоннеле. Но как он достал амфетамин? И у кого?

– Мне представляется, что для человека его профессии это было совсем не трудно, мистер Слейтер. Рено Санчес посещал скачки едва ли не с детского возраста. Наверняка он знал подходящих людей, к которым можно было обратиться. Вернее, неподходящих людей...

– Если бы он сам достал ампулу с наркотиком, то не ошибся бы в дозе. Рено не хотел убивать лошадь, лейтенант. Я в этом убежден.

– Значит, все-таки ошибся.

– Или его кто-то обманул. Кстати, вам еще не удалось напасть на след моего отца?

– Настоящее семейное дело, верно? – Росси усмехнулся. – Нет, – сказал он, когда Гейб ничего не ответил. – Ваш отец съехал из занимаемых им комнат, не оставив нового адреса. Не забывайте, мистер Слейтер, что единственной причиной, по которой я вообще взялся за розыски вашего папаши, является ваша интуиция. И я должен признать, что настолько ей доверяю, что, как только мистер Слейтер-старший появится в наших краях или вблизи ипподрома, он будет немедленно задержан и доставлен в участок для тщатель-

ного допроса.

– Появится, – уверенно сказал Гейб. – Он слишком самоуверен и не всегда умеет остановиться вовремя.

Келси только что пообедала, приняла душ и чувствовала прилив сил. Стоя возле открытого окна своей спальни, она задумчиво глядела на далекие холмы и размышляла о судьбе Рено.

Он не поверил, что его отец – виновен. Не поверил и потратил большую часть жизни, гоняясь за призраками прошлого. Он хотел отомстить за отца, исправить причиненное ему зло, но в конце пути узнал о себе и о человеке, чья кровь текла в его жилах, что-то такое, с чем уже не смог – или не захотел – жить дальше.

Да, отворять двери, ведущие в прошлое, оказалось довольно рискованно. Рено Санчес заплатил за это по самому высокому счету. Да и сама Келси никак не могла забыть о том, что произошло когда-то давно с ней и ее близкими, хотя и поощряла Гейба выкинуть из памяти его полунищее трущобное существование и быть самим собой.

Не рискует ли она своими нынешними отношениями с Наоми, когда, приоткрывая дверь в прошедшие годы, заглядывает в щелку, пытаясь рассмотреть, нащупать, понять что-то, что спит в непроглядной мгле, давних лет? И если она добьется своего, если разбудит и вытащит на свет божий то, что дремало в той темноте, под пылью двадцатилетней дав-

ности, сумеет ли она сама жить с этим знанием?

Оставь все как есть, приказала она себе. Зачем рыться в старом белье и пытаться выпустить на свободу то, что все остальные предпочитают держать под замком? В конце концов, впереди у нее – целая жизнь, жизнь с Гейбом, каждый день которой будет наполнен новыми проблемами и открытиями. Все, что ей нужно сделать, это снова закрыть двери своей и чужой памяти, повернуть ключ и повернуться лицом к свету.

– Мисс Кел?

– Что, Герти? – не оборачиваясь отозвалась она.

– Звонит мистер Линдстрем. Ему нужна была мисс Наоми, но, поскольку ее все равно нет, он сказал, что хочет поговорить с ее дочерью, с вами то есть...

– Хорошо, Герти. Я сейчас спущусь. Келси разговаривала с адвокатом Наоми из кабинета матери. Вернее, он говорил, а она слушала и даже иногда пыталась вставлять какие-то комментарии. Закончив, она бережно опустила трубку на рычаги и осталась сидеть в глубоком кресле за письменным столом. Там ее и застала Наоми.

– Черт бы побрал эти дурацкие ленчи! – проговорила она, стремительно входя в кабинет, швыряя в дальний угол перчатки и сбрасывая с ног туфли. – На них уходит уйма времени! Никак не могу понять, почему каждый раз, когда меня приглашают, я чувствую себя обязанной пойти. Сегодня, к счастью, ленч закончился довольно быстро, и я успела загля-

нуть в бутик возле ресторана. Там было умопомрачительное платье, прекрасно подходящее для свадебной церемонии на открытом воздухе. Я договорилась, чтобы они попридержали его, так что если в течение суток ты...

Она не договорила. Келси смотрела на нее в упор, крепко сцепив лежащие на столе руки, и радостное возбуждение, заставившее Наоми промчаться через весь дом, чтобы как можно скорее встретиться с дочерью, погасло.

– Что случилось, Кел? – заботливо спросила Наоми. – Ты расстроилась из-за Рено? Или...

– Нет, не из-за Рено, – резко возразила Келси и увидела промелькнувшее в глазах матери облегчение. – Только что звонил твой адвокат.

– Да? – Занервничав, Наоми принялась теревить брошь в форме шестилучевой звезды, приколотую над верхним карманом жакета.

– Он просил известить тебя, что документы, которые ты просила набросать вчерне, готовы и ждут, чтобы ты с ними ознакомилась. – Келси немного помолчала. – Те самые документы, которые сделают меня владелицей половины фермы.

– Вот и славно. – Как бы в подтверждение своих слов Наоми энергично кивнула головой.

– С чего это тебе вздумалось предпринимать подобный шаг?

– Этот шаг мы с моим отцом обсуждали незадолго до его смерти. Он всегда этого хотел, да и я, откровенно говоря,

тоже. Просто я решила сделать все по закону.

– И ничего мне не сказала.

– Мне не хотелось, чтобы из-за этого ты чувствовала себя обязанной, – осторожно пояснила Наоми. – В силу известных тебе причин, как мать, я не смогла дать тебе почти что ничего. Что касается фермы, то это то немногое, что я еще могу для тебя сделать. Мой отец предоставил мне право самой решать, как и когда передать тебе твою долю, но сама идея исходила от него. И мне показалось, что сейчас самое подходящее для этого время. Упаси боже, Кел, это никакая не попытка покрепче привязать тебя к «Трем ивам» или ко мне!

– Ты должна бы знать, что я и так достаточно сильно привязалась к ферме и к тебе. Ты рассчитывала на это с самого начала, еще когда просила меня приехать.

– Да, это правда. Я не могла предвидеть и даже не смела надеяться, что ты.., полюбишь меня, но была почти уверена, что «Три ивы» тебе понравятся.

– А тебе не кажется, что это почти одно и то же?

По губам Наоми скользнула легкая тень улыбки.

– Так мне говорили, – призналась она.

– Невозможно любить или уважать тебя, не питая таких же чувств к ферме. – Келси поднялась и протянула через стол обе руки. – Во всяком случае, невозможно для меня. И я не вижу причин, по которым я должна разделять вас.

– Я почти не надеялась, что ты дашь мне шанс. – Наоми

взяла руки Келси в свои и крепко пожалала.

Да я и не собиралась, припомнила Келсу. Любой человек, чья мать возникла из небытия после двадцати трех лет отсутствия, вряд ли был бы расположен к великодушию. Наоми не могла этого не понимать, но все равно пошла на риск, попыталась изменить безнадежную ситуацию и, похоже, одержала победу.

Было почти пять часов вечера, когда Келси свернула на подъездную дорожку у дома Типтона и затормозила позади его запыленного пикапа последней модели. Соседский пес, бегавший на цепи вдоль проволоки, разделявшей газоны перед двумя домами, приветствовал ее громким и яростным лаем, словно предупреждая, что эта территория надежно охраняется. Из окна второго этажа высунулась пожилая женщина и, прикрикнув на собаку, повернулась к Келси. – Вы к Джиму?

– Да. Он дома?

– В мастерской, – женщина показала направление и покачала головой. – Слышите этот шум?

Теперь, когда пес притих и издавал только низкое гортанное рычание, Келси слышала пронзительный визг мощной электропилы на заднем дворе. Он доносился из небольшого сарая, собранного из стандартного комплекта досок. Такой набор можно было приобрести практически на любом лесоскладе.

Пройдя через двор, Келси постучала в полуприкрытую дверь, косо висевшую на петлях. Плотнo закрыть ее было, по-видимому, невозможно. От прикосновения дверь открылась внутрь, глухо стукнувшись о стену ручкой.

Типтон стоял у станка в защитных очках и звукопоглощающих наушниках, его бейсболка была повернута козырьком назад, как у заправского принимающего. Капитан яростно сражался с длинной доской примерно два на четыре дюйма, свежие опилки фонтаном взлетали в воздух из-под его пальцев, и Келси решила, что для всех будет лучше, если она дождется, пока пила перестанет вращаться.

– Так тебе, гадина!.. – удовлетворенно пробормотал Типтон, когда отпиленный кусок доски со стуком упал на пол.

– Капитан!..

Он круто обернулся, и Келси подумала, что в своих янтарно-желтых пластиковых очках и с выступающими по бокам головы полукруглыми чашечками наушников Типтон похож на персонаж из второразрядного фильма ужасов. Сходство это еще усиливалось благодаря тому, что спереди рубашка капитана была забрызгана чем-то красным.

– Господи, вы поранились! – вырвалось у нее.

– Где? Что?! – В смятении Типтон принялся рассматривать свой руки, словно желая убедиться, все ли пальцы на месте, потом перехватил взгляд Келси и слегка смутился.

– Ах это... – он похлопал себя по груди. – Это клюквенный сок. Жене не нравится, когда я работаю в новой одежде.

Келси устало прислонилась к верстаку и выругалась.

– Испугались? – Все еще улыбаясь, капитан снял наушники и сдвинул на лоб очки. – Может, вам лучше присесть?

– Нет, спасибо, я постою.

– Я тут решил смастерить несколько полок для дома. – Он взял с верстака обрезок широкой плоской доски и, прищурясь, посмотрел вдоль нее, не покоробилась ли. – У нас с женой уговор – я делаю полки, а она заполняет их всякой ерундой. Зато мы оба довольны.

– Это просто замечательно, – с показным энтузиазмом сказала Келси. – Я хотела спросить, не уделите ли вы мне несколько минут.

– Думаю, что сумею втиснуть вас в свое расписание, – ответил Типтон, широко улыбаясь. – Может быть, лимонаду?

Не дожидаясь, пока Келси ответит, он достал из-под верстака большой пластиковый кувшин с крышкой и налил лимонад в два бумажных стаканчика.

– У вас, как я слышал, возникли новые проблемы.

– Да. Престранное совпадение, вам не кажется? Рено Санчес полностью, во всех деталях, повторил жизнь своего отца. И смерть тоже.

– Мир полон самых удивительных совпадений, мисс Байден, – ответил капитан, хотя по его лицу было видно, что это не доставляет ему никакой радости. Откуда Келси было знать, что Типтон провел повторную проверку по делу Бенни

Моралеса и выяснил все детали за считанные часы до самоубийства Рено. Еще какие-нибудь сутки, мрачно размышлял он, и все могло бы повернуться совсем по-другому.

– Впрочем, одну из ваших проблем это как будто решило, – добавил Типтон. – Теперь вы знаете, кто убил вашу лошадь.

– Рено не хотел убивать Горди, я уверена в этом, – повторила Келси мысль Гейба и отпила глоток из своего стакана. Лимонад оказался кисловато-горьким, а по поверхности его плавала лимонная цедра. Должно быть, подумала она, жена капитана сама приготавливает этот вкусный, прекрасно утоляющий жажду напиток. – Кто-то использовал его, капитан. Это, к сожалению, тоже случается довольно часто. Одни люди используют других людей, и наоборот.

– Не могу с вами не согласиться.

– Моя мать использовала Алека Бредли, чтобы заставить папу ревновать, чтобы доказать свою собственную независимость, даже для того, чтобы пустить как можно больше нелюбимых слухов о самой себе. Слухов, которые оскорбляли бы общественное мнение. Теперь это очевидно, и меня интересует другое – для каких целей Алек Бредли использовал мою мать?

А девочка-то соображает, удивился Типтон. И неплохо соображает. Стараясь выиграть время, он взял в руку кусок наждачной бумаги и начал водить им по ребру доски.

– Ваша мать была очень красивой женщиной.

– Вряд ли это имело какое-то отношение к сексу, капитан.

Секс и изнасилование – это совсем разные вещи.

Типтон негромко фыркнул себе под нос.

– Может быть, и нет. О попытке изнасилования мы знаем только со слов мисс Чедвик.

– Я ей верю, и вы тоже ей поверили. Вам не пришло в голову спросить у Наоми, почему Алек Бредли выбрал именно эту ночь для того, чтобы прийти на ферму и напасть на нее? Ведь к этому моменту они встречались на протяжении уже нескольких недель. Кроме того, Наоми не из тех, кто стал бы и дальше поддерживать отношения с человеком, который оскорблял ее, угрожал ей.

Типтон продолжал водить шкуркой по дереву. Это, решил он, будет кресло-качалка для его внучки. Она получит его в сентябре, на день рождения.

– Допустим, ваша мать говорила правду. Допустим. Алек Бредли был пьян. Между ними произошла ссора, Наоми дала ему от ворот поворот да еще при всем честном народе плеснула в лицо шампанским. Подобное сочетание способно толкнуть людей определенного сорта на самые неожиданные поступки. – Капитан сдул с поверхности доски древесную пыль. – Но, как я уже сказал, никаких улик в подтверждение этой версии мы не обнаружили.

– Ее ночная рубашка была разорвана, а на коже проступили синяки...

Типтон неопределенно пожал плечами, но Келси только

нетерпеливо взмахнула рукой, отметая его возражения.

– Да, я понимаю, что она и сама могла нанести себе несколько ударов, но что, если нет? Если взять на веру ее слова – ее показания, как у вас говорят, то чем их подтвердить? Вы, несомненно, проверили Бредли, и, будь у него на счету хоть одно изнасилование или попытка изнасилования, это склонило бы чашу весов в пользу Наоми, так ведь?

– Я так и не нашел ничего в этом роде, – признал Типтон. – К сожалению, об изнасилованиях слишком часто не заявляют, особенно о таких. Об изнасилованиях во время свидания.

Сам капитан не очень любил этот рабочий термин полицейского жаргона. Изнасилование на свидании, изнасилование при знакомстве... Сам преступный акт казался от этого не таким уж страшным, не таким уж преступным.

– Но двадцать лет назад люди относились к этому несколько иначе, – продолжал Типтон, словно обращался к самому себе. – Бредли пользовался определенной репутацией, однако склонность к насилию никогда не числилась среди его «добродетелей». У него было несколько крупных долгов, но незадолго до того, как Бредли начал встречаться с вашей матерью, он оплатил часть из них. В общей сложности он вернул займодавцам около двадцати тысяч долларов, однако ему требовалось как минимум еще столько же, чтобы расплатиться полностью.

– Значит, ему нужны были деньги? У Наоми они были.

Бредли никогда не просил у нее денег, за исключением какой-то мелочи... – Типтон отложил деревянный брусок в сторону. – Это по ее собственному утверждению. Мисс Чедвик показала, что Алек Бредли ни разу не заводил разговора о сумме, превышающей полторы-две тысячи. Признаться, я подумал, что это по меньшей мере странно, поскольку Бредли жил, паразитируя на женщинах, вернее – на их деньгах.

– Возможно, он просто выжидал. Или.., или он получал деньги из другого источника.

– Я думал и об этом. – Капитан Типтон вытащил из заднего кармана шоколадный батончик, разломил его пополам и протянул половину Келси. – Но мне, к сожалению, не удалось установить это достоверно. С самого начала мне не давало покоя, откуда он взял те двадцать тысяч. Разумеется, он мог выиграть эти деньги на скачках, однако, по слухам, Бредли был никудышным лошадиником и выигрывал ненамного больше, чем проигрывал, да и ставил он по мелочи. Нет, он говорил о большом деле, – добавил с набитым ртом Типтон. – Несколько раз он упоминал, что у него наклеивается какая-то большая сделка.

Правда, насколько я выяснил, дальше разговоров дело не пошло.

– Но если Бредли действительно заключил какую-то сделку, разве не могла она иметь отношения к моей матери? – Разволновавшись, Келси принялась расхаживать по мастер-

ской. – Наоми дала Бредли отставку, сказала, что между ними все кончено, и он запаниковал, попытался принудить ее, ибо понимал: его большое дело сорвется, если Наоми больше не подпустит его к себе. Ему нужны были деньги, и многие об этом знали. Но кто мог использовать его, чтобы подорвать репутацию Наоми?..

Ответ сам собой возник у нее в голове, и Келси замолчала. Рука ее непроизвольно сжалась, смятая бумажный стакан с остатками лимонада.

– Так иногда бывает, когда берешься ворочать старые камни, – сочувственно заметил Тип-тон. – Никогда не знаешь, какая мерзость может притаиться под ними. Как бы там ни было, мне не удалось связать вашего отца с Алеком Бредли, хотя я и пытался. Прокурор дал «добро» на проверку банковских счетов мистера Байдена, и я прошелся по ним буквально с увеличительным стеклом, пытаясь обнаружить следы этих двадцати тысяч долларов. Но я ничего не нашел. Телефонные счета тоже ничего не дали – ни Алек Бредли не звонил в дом на Потомаке или в университет, ни профессор Байден не звонил ему.

– Папа никогда бы так не поступил, – глухо отозвалась Келси непослушными губами. – Никогда, слышите?

– Возможно, вы правы. В данном случае на вашей стороне улики, вернее – их отсутствие. К сожалению, под подозрением снова оказывается ваша мать.

– Есть и другой ответ, – повернулась к нему Келси. – Я

знаю, есть другой ответ!

– Вы хотите, чтобы он существовал, – мягко поправил ее Типтон. – Может, вы его и найдете. И он скорее всего вам очень не понравится.

Он потянулся вперед и вынул из пальцев Келси смятый бумажный стаканчик.

– Насколько мне известно, только один человек связывал вашего отца с тем, что случилось той ночью в «Трех ивах». Это частный детектив Чарльз Руни.

Глава 11

Что-то было не так.

Гейб понял это сразу же, как только Келси пришла к нему после наступления темноты и заявила, что ей хочется побыть с ним. Он и рад был поверить, что все действительно так просто и что дело только в этом, но не мог.

Взгляд Келси был устремлен куда-то в пространство, улыбка казалась противоестественной, а в каждом движении угадывалось напряжение. Даже ее страсть, неизменно дарившая ему восторг, казалась слишком иступленной. Келси отдавалась сексу с неистовым пылом, который, однако, никак не мог замаскировать ее отчаяния.

Она словно пыталась загнать себя, измотать до последней степени и очиститься, спастись от чего-то, что не давало ей покоя. Гейб откликался на ее ласки и движения, и вроде бы все шло как надо, но теперь, чувствуя рядом ее неподвижное, но все еще напряженное тело и прислушиваясь к протянувшейся между ними тишине, Гейб подумал, что ни один из них не был полностью удовлетворен и не достиг полной разрядки.

– Ты готова, дружок? – спросил он. Келси завертела головой, выискивая на простыне местечко попрохладнее, чтобы прижаться к нему щекой.

– Готова к чему?

– Рассказать мне, что тебя тревожит.

– Почему что-то должно меня тревожить? – Ее голос показался Гейбу усталым, бесцветным. – Ничего меня не тревожит. Просто мне иногда вспоминается, что человек, которого я знала и по-своему любила, покончил с собой всего несколько дней назад.

– Это не из-за Рено. Я чувствую, что-то тебя гложет.

Келси перевернулась на спину и уставилась на темный прозрачный люк в потолке. Сегодня нет луны, подумала она. Тучи закрыли ее, словно дым. Так порой ничтожная малость способна скрыть нечто большое, даже огромное.

– Рено любил своего отца, – начала она. – Он даже не знал его, но все равно любил. И верил в него. Все, что бы ни делал Рено, – все вращалось вокруг этого: вокруг слепой, нерассуждающей веры и такой же слепой любви...

Она вздохнула.

– И когда Рено понял, что отец не оправдал его веры, он не смог жить с этим дальше.

Она беспокойно пошевелилась, и в темноте шорох трущейся о простыни кожи прозвучал как вздох.

– Было бы куда лучше, если бы он не думал об этом. Для всех лучше. Нужно было не ворошить старое, а оставить все как есть. Что можно доказать, оглядываясь на прошлое? И что можно изменить?

– Все зависит от того, – ответил Гейб, – насколько сильно тебе самому хочется оглянуться. И от того, что ты там обна-

ружишь, в этом прошлом...

Он несколько раз пропустил ее шелковистые волосы между пальцами.

– Это ведь касается тебя, верно? Тебя и Наоми?

– Мама считает, что все закончилось. Почему же я не могу так думать? Время нельзя повернуть вспять, как нельзя вернуть те годы, которые она потеряла. Которые мы обе потеряли. Пусть она убила этого Бредли – мне следовало бы принять это как данность. Я не должна допускать, чтобы это так много для меня значило.

Келси снова пошевелилась, потом села, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. В этом движении было столько незащищенности и одиночества, что Гейб почувствовал, как его сердце буквально разрывается пополам.

– Тогда забудь об этом.

– Забыть... – повторила Келси. – Это не так просто. В конце концов, какое бы зло она ни совершила, каких бы ошибок ни наделала, она заплатила за это. Я совсем не помню ее тогдашнюю и не могу понять сейчас. Что же заставляет меня считать, что я сумею во всем разобраться, если вернусь на двадцать шесть лет назад? И должна ли я пытаться вернуться? Наоми счастлива, мой отец – тоже, и никто из них не поблагодарил бы меня за то, что я снова роюсь в их прошлом. Я не имею права беречь их с таким трудом зарубцевавшиеся раны ради своего упрямого желания знать правду, ради своей дурацкой жажды справедливости.

Она крепко зажмурилась и уперлась лбом в колени.

– Правда и справедливость – они ведь не всегда одни и те же?

– Они должны быть неизменны. И одна из самых замечательных черт твоего характера – это стремление к тому, чтобы они оставались таковыми всегда. – Гейб легко коснулся ее плеч и, почувствовав под кожей напряженные, свившиеся в узлы мускулы, начал осторожно их разминать. – Но почему ты снова задумалась обо всем этом?

Келси глубоко вздохнула и рассказала ему о своей поездке к Типтону. Гейб слушал не перебивая и изо всех сил старался совладать с собственным раздражением, вызванным тем, что она опять поехала к капитану без него.

– И теперь тебя тревожит, что твой отец был каким-то образом причастен ко всему этому?

– Он не мог так поступить! – Келси резким движением скинула голову, и в темноте глаза ее сверкнули гневом и мольбой. – Просто не мог, Гейб! Ты же совсем его не знаешь.

– Не знаю, – согласился Гейб. Злясь на себя, он чуть-чуть отодвинулся от нее и взял сигару с ночного столика. – Не имел чести быть представленным.

Келси с убитым видом провела рукой по волосам. Каким-то образом ей удалось больно его задеть.

– Все это произошло слишком быстро... – извиняющимся тоном произнесла она. – Ну, между мной и тобой... А ситуация – моя семейная ситуация – такова, что сегодня она

одна, наавтра другая. И я вовсе не стыдилась тебя, как ты, должно быть, подумал.

– Забудем об этом. – Гейб щелкнул зажигалкой и прищурился, глядя на яркий язычок пламени. – Забудем... – повторил он еще раз, уже не так громко. – Вряд ли в этом дело. Во всяком случае, разозлило меня другое. Я хотел бы поехать сегодня с тобой. Я должен был поехать с тобой.

– Я решила отправиться к Типтону совершенно внезапно, – объяснила Келси.

И это – правда, подумала она при этом. Во всяком случае – большая ее половина.

– Мне казалось, что лучше я поеду одна. Я в этом нуждалась, в конце концов! Меня не нужно постоянно защищать, Гейб. Всю жизнь меня оберегали и защищали, а я об этом даже не подозревала. И я больше не хочу так жить.

– Я не собирался защищать тебя. Я хотел только поддерживать тебя, а это большая разница.

Мне просто необходимо, чтобы ты опиралась на меня в трудные минуты. И мне нужно знать, что и я могу опереться на тебя.

Келси немного помедлила и взяла его за руку.

– Тебе обязательно нужно быть правым?

– Я предпочитаю быть правым. – Он поднес ее руку к губам. – Что ты собираешься предпринять?

– Я хотела бы забыть обо всем, да не могу. Не получается. Я должна, должна знать! А когда я узнаю, мне придется на-

учиться жить с этим, какая бы правда мне ни открылась.

Она прижала свою ладонь к его, потом сжала пальцы.

– Завтра вечером я намерена нанести еще один визит Чарльзу Руни. Поедешь со мной?

Снова ложь, подумала Келси. Еще одна маленькая белая ложь.

– Тебе понравится платье, – сказала Наоми, протягивая ей визитную карточку. – Имя хозяина тут, на обороте. Они производят подгонку по фигуре прямо на месте.

– Превосходно.

– Если оно тебе не понравится, ты наверняка сможешь найти там что-то по своему вкусу. Это замечательный магазинчик, там столько всего! Кстати, я говорила с поставщиком клуба. Я знаю, ты хотела, чтобы свадьба была достаточно скромной, но тебе все равно понадобится чем-то кормить гостей. Он обещал набросать пару примерных меню, чтобы ты смогла выбрать. И еще... – Наоми выхватила откуда-то еще одну визитку и помахала ею в воздухе. – Я знаю, что у Гейба прелестный сад, что у него есть вкус и он прекрасно разбирается в цветах, но тебе все равно понадобятся растения в горшках. К тому же там, несомненно, придется кое-что подстричь. Когда ты определишься с цветом платья, мы закажем цветы, которые подойдут к нему лучше всего.

– Отлично.

– Слушай меня! – Наоми попыталась соорудить строгую мину, но не выдержала и рассмеялась. – Я, похоже, сама се-

бя начинаю раздражать – настолько я вошла в роль матери невесты.

Келси заставила свои губы растянуться в улыбке и приложила максимум усилий, чтобы и в глазах отразилась хотя бы искра веселья.

– Спасибо, мама. На самом деле я очень благодарна тебе за все, что ты делаешь. Даже маленькая домашняя свадьба требует изрядных трудов и внимания. Столько возникает всяких мелочей...

– О которых ты вполне способна сама позаботиться, – закончила за нее Наоми. – Я знаю, что твоя предыдущая свадьба была слишком пышной, и ты хочешь, чтобы на этот раз все прошло по-другому, ведь так?

– Да, ты права... – Келси повертела в руке визитную карточку магазина и с виноватым видом спрятала ее в карман. – В тот раз всем заправляла Кендис, и у меня только и было забот, что пройтись пару раз перед гостями...

Прислушавшись к своим собственным словам, Келси едва не зашипела от огорчения.

– Нет, я, пожалуй, не права. Можно подумать, что я ни капельки ей не благодарна, а это не так. Кендис отлично справилась.

– Но эту свадьбу ты хотела бы организовать сама.

– Давай считать, что мне просто хочется принять участие в ее подготовке. И я нисколько не против, если ты мне поможешь.

– Я уже не надеялась, что когда-нибудь мне выпадет это счастье – готовить свадьбу собственной дочери. – Наоми решительно собрала со стола разбросанные листы и придавила их бронзовым пресс-папье. – Просто не стесняйся одернуть меня, если увидишь, что я зарвалась. И вот еще что... – Наоми оперлась бедром об угол стола. – Насчет платья. Я ни слова не скажу, если оно тебе не понравится, но обещаю, что ты будешь в восторге. А теперь – отправляйся, пока я не поехала с тобой вместо Гейба.

– За твоим платьем мы поедем вместе, – пообещала Келси, стараясь избавиться от груза вины. – Может быть, сразу после выходных.

– Да, мне бы очень этого хотелось. – Подхватив дочь под руку, Наоми повлекла ее к выходу. – Попробую заодно уговорить тебя насчет фотографий. Ну ладно, до вечера.

Келси пробормотала что-то на прощание и вышла из дома как раз в тот момент, когда Гейб подъехал к крыльцу.

– Придется сперва заехать в одно место, – сказала Келси, устраиваясь на сиденье и протягивая ему визитную карточку.

– В магазин? – Бровь Гейба поползла вверх.

– Да. Я должна успокоить свою совесть.

Но совесть Келси не желала успокаиваться – должно быть, потому, что Наоми оказалась абсолютно права, расточая похвалы платью, хотя в любых других обстоятельствах такая удачная покупка обязательно подняла бы ей настроение.

Тончайший бледно-розовый шелк, оптимальная длина, простое благородство линий, подчеркнутое каскадами мелких искусственных жемчужин – это была мечта, а не платье, к тому же сидело оно так, словно было сшито специально на нее. А разве не великолепно была шляпка, которую подобрал ей вежливый служащий? Маленькая игривая шляпка с коротенькой вуалью, которая так подходила для свадебной церемонии на открытом воздухе?

И, разумеется, туфли. Классические туфли из белого атласа, которые можно было подкрасить в тон платью. Какие цветы предпочитает мисс? Ах, мисс еще не знает? В таком случае лучше всего подойдут белые розы. Невестам, как уверял ее служащий, просто положено держать в руках букет белых роз на счастье. Кстати, пожелает ли мисс взять платье и шляпку с собой или их лучше выслать по определенному адресу?

Келси решила взять платье с собой и, действуя словно во сне, оплатила покупку. Все казалось ей таким странным и одновременно простым.

– Ты мне даже не показалась в нем, – заметил Гейб, когда они шли обратно к машине.

– Плохая примета, – рассеянно отозвалась Келси, думая о чем-то своем. Неожиданно она остановилась и прижала ладони к покрасневшимся щекам.

– Господи, неужели я только что купила свадебное платье?

– Несомненно. – Гейб взял ее за плечи и осторожно по-

вернул лицом к себе. – А что? Ты не передумала?

– Нет, что ты! Я думала вовсе не об этом, не о нас. Просто все происходит слишком быстро. Я только что купила свадебное платье и шляпку. Даже шляпку! И мне уже красят в подходящий цвет туфли. А ведь я еще ничего не сообщила семье.

– Ну, это еще не поздно сделать сегодня, – заметил Гейб. – Если ты действительно хочешь именно этого.

Он открыл багажник и стал укладывать туда коробки.

– Хорошо. – Келси потянулась к ручке дверцы. Гейб перехватил ее запястье и бережно отвел назад.

– А это тебе на счастье. – С этими словами он надел ей на палец изящное золотое кольцо с единственным бриллиантом прямоугольной формы в обрамлении мелких рубинов. – Мои цвета...

Наши цвета!

Келси почувствовала, как на глаза навернулись слезы; и, хотя они находились на залитой солнцем автостоянке, эта минута показалась ей столь же романтической, как если бы они стояли под луной на берегу полноводней реки.

– Оно прекрасно, Гейб. Но я бы обошлась и без кольца. Мне не надо...

– Зато надо мне.

Рик Слейтер сидел в своей машине на другом краю автостоянки и наблюдал за их объятиями и поцелуями через поднятое стекло дверцы. Время от времени он подносил к

губам фляжку, стараясь унять горечь. Какая красивая пара, размышлял он. Его щенок и шлюхина дочь.

Это Гейб был виноват в том, что Рик у снова пришлось сниматься с места и бежать под покровом темноты. О триумфальном возвращении в Вегас теперь не могло быть и речи – копы начали задавать слишком много вопросов. Об этом Рик узнал от Канингема, когда приехал раскрутить старого приятеля еще на пару тысяч.

Пусть задают вопросы, решил он и, услышав, как заработал двигатель «Ягуара», включил зажигание. Его-то, во всяком случае, здесь уже не будет. Нет, сэр, Рик Слейтер напрямик отправится в Мексику. Вот только сначала закончит одно маленькое дельце.

Он вырулил со стоянки и прибавил газ, чтобы не потерять «Ягуар» из вида.

– Придется вести себя агрессивно и напористо, – сказала Келси Гейбу, когда их машина пробиралась по забитым автомобилями улочкам Александрии. – Руни не отвечал на мои звонки.

– Мы будем очень агрессивными и напористыми, – пообещал Гейб.

– Ты считаешь, что я зря трачу время?

– Гораздо важнее, что ты считаешь. Если ты хочешь поговорить с ним – о'кей, мы поговорим.

Келси заерзала на сиденье. Ей одновременно хотелось и

чтобы они ехали побыстрее, и чтобы они лавировали в транспортных пробках вечно.

– Мне нужно узнать, был ли мой отец причастен к расследованию, которое вел Руни, и если да – то насколько. Знал ли папа Алека Бредли лично или он просто слышал о нем. Или не слышал вовсе. Для меня это важно. Я не рассчитываю, что это что-то изменит, но мне хочется раз и навсегда во всем разобраться.

– Ты могла бы спросить об этом у своего отца.

– Рано или поздно спросить придется. Но пока я бы не хотела... – Она не договорила и, выпрямившись на сиденье, так и подалась вперед. Гейб поглядел на нее удивленно. Он как раз заворачивал на стоянку под зданием, где находилась контора Руни.

– В чем дело?

– Видишь эту машину? Ну, которая только что выехала?

Гейб бросил взгляд в зеркало заднего вида и успел заметить автомобиль, который повернул налево и затерялся в потоке транспорта.

– Светлый «Линкольн»?

– Да. Это моя бабушка. – Келси потеряла неожиданно похолодевшие руки. – Это ее шофер за рулем. Я узнала его.

– В этом здании полно всяких офисов, Келси.

– ...А жизнь полна самых странных совпадений, – закончила она. – Нет...

Келси покачала головой и осталась сидеть, глядя прямо

перед собой, пока Гейб искал свободное место и парковал машину.

– Я не верю в совпадения, – проговорила она. – Я знаю, Милисент приезжала к Руни. И я намерена узнать – зачем.

По пути к лифтам Гейб взял ее за руку. Келси только что не дрожала от волнения и гнева.

– Если ты ворвешься в офис, паля из всех орудий, – предупредил он, – ты только спугнешь его.

– Плевать. – Келси шагнула в кабину лифта и ткнула пальцем в кнопку нужного этажа.

Можно подумать, что у нее в каждой кобуре по шестизарядному револьверу, решил Гейб, глядя, как Келси вступает в плюшевую приемную «Руни инвестигейшн».

– Передайте, пожалуйста, мистеру Руни, что его хотят видеть Келси Байден и Габриэл Слейтер.

Уже знакомая Келси секретарша за столом ответила ей приветливой профессиональной улыбкой.

– Вам назначено?

– Нет.

– Мне очень жаль, мисс Байден, но...

– Не надо извиняться. – Выражение лица Келси стало таким, что улыбка секретарши погасла. – Просто скажите ему, что мы здесь. Что мы никуда не уйдем, пока он нас не примет. И еще можете упомянуть, что я только что видела, как отсюда вышла моя бабушка – миссис Милисент Байден.

Это сработало. Не прошло и десяти минут, как их уже

пригласили в кабинет. На сей раз Руни не поднялся навстречу посетителям и приветствовал обоих сухим кивком.

– Вы выбрали не слишком удачное время, – проскрипел он. – Боюсь, я не смогу уделить вам больше пяти минут.

– Мы смогли бы договориться о более подходящем времени, если бы вы дали себе труд ответить на мои телефонные звонки.

– Мисс Байден... – Пытаясь изобразить терпение, Руни сложил руки на столе, но стал похож на человека, который собрался о чем-то униженно просить. – Я только хотел сбегать к вам и свое время. Я ничем не могу вам помочь.

– Почему вы оказались на ферме той ночью? Как видите, я снова и снова возвращаюсь к этому вопросу. Возможно, все дело в том, что эти события очень давние, и только я способна рассматривать их с иной точки зрения – отличной от той, с какой видят их все те, кто находился непосредственно в эпицентре этой..., этой драмы. Почему все-таки вы выбрали именно эту ночь? Чем она отличалась от всех остальных?

– Я проводил обычное наблюдение и ничего специально не выбирал. С тем же успехом вы можете спросить у своей матери, почему она пригласила Бредли именно в эту ночь, а не в какую-нибудь другую.

– Я знаю ответ. – Келси выпрямилась. – Мне только интересно, знаете ли вы. Как много вы увидели, мистер Руни?

– Все, что я видел, подробно отражено в моих отчетах и показаниях. – Руни поднялся, давая понять, что аудиенция

закончена. – Я действительно ничем не могу вам помочь.

– Какие полномочия дал вам мой отец? Как далеко он решил вам зайти в своем расследовании? Это он одобрил ваше решение пробраться на территорию частного владения и сделать компрометирующие снимки через окно спальни?

– Мне платят за то, чтобы я сам соображал, как лучше поступить в том или ином случае.

– За те недели, что вы следили за моей матерью, вы должны были узнать ее довольно хорошо. Не пришло ли вам в голову проследить заодно и за Алеком Бредли – узнать, с кем он встречается, с кем разговаривает, кто мог дать ему деньги?

Руни попытался откашляться, но не смог.

– Меня наняли, чтобы следить за вашей матерью.

– Но Бредли тоже был частью вашего расследования. Насколько хорошо мой отец знал его? Руни неприязненно посмотрел на Келси.

– Насколько мне известно, они даже не были знакомы.

Келси казалась совершенно спокойной. Она лишь слегка приподняла бровь.

– И его совсем не интересовал человек, с которым его бывшая жена завела интрижку?

– Бывшая жена, мисс Байден. Кроме того, в упомянутый вами период времени Филиппа Байдена интересовал только один человек – его трехлетняя дочь.

– Но когда вы отчитывались перед ним...

– Я отчитывался перед его адвокатами и не знаю, читал ли он копии моих докладов, которые они ему пересылали. Филипп Байден не хотел иметь к этому никакого отношения... – На лице Руни появилось подобие улыбки. – По-видимому, ему казалось, что, пользуясь услугами частного детектива, он может уронить себя в глазах общества и своих собственных глазах.

– И тем не менее он все-таки вас нанял?

– Возможно, он считал, что цель оправдывает средства. А теперь прошу извинить, у меня назначена встреча.

– Зачем моя бабушка приезжала к вам сегодня?

– На эту тему я не имею права распространяться.

– Она – ваш клиент?

– Ничем не могу вам помочь, – медленно, с расстановкой проговорил Руни, но его взгляд непроизвольно перескочил с Келси на Гейба, на мгновение задержался на нем, а затем ушел куда-то в сторону.

Оставшись один, Руни долго сидел за своим столом, пытаясь унять свое сердце. Он даже достал из кармана пилюлю и проглотил, в надежде устранить неприятное жжение в груди.

Как могло случиться, что после стольких лет эта история бумерангом вернулась к нему? На протяжении двадцати трех лет он старался действовать в соответствии со своей лицензией, следуя не только духу, но и каждой букве закона о частной детективной деятельности. И вот та единственная ночь

снова вернулась, снова стала реальностью, и Руни опять почувствовал себя в когтях тигра, бросившегося на него из за-сады.

При звуке зуммера детектив вздрогнул, но сразу взял себя в руки и выругался. Он мало чем сумеет помочь себе, если даст волю нервам. Твердой рукой он переключил микрофон селекторной связи.

– Мистер Руни? Вас желает видеть один джентльмен, – доложила секретарша. – Ему не назначено, но он утверждает, что является вашим старым другом. Он велел сказать вам, что его зовут старина Рик.

– Я не знаю никакого... – Руни вдруг почувствовал, как во рту опять пересохло, а ладони стали влажными от пота. В панике он оглянулся по сторонам, словно надеясь увидеть в стене потайную дверь, но ее, конечно, там не было, как не было и никакого другого пути к отступлению. Он попался, попался на крючок, совсем как меч-рыба со стеклянными глазами, голова которой висела на стене его кабинета. – Проводите его ко мне, а все звонки переведите в режим ожидания.

– Слушаюсь, сэр.

Когда Рик Слейтер вошел в кабинет, лицо его расплывалось в самой радушной улыбке.

– Сколько лет, сколько зим...

– Что тебе нужно?

Рик плюхнулся в кресло и забросил ноги на стол.

– А ты пополнел, Чарли. Впрочем, тебе идет, а то ты был

похож на огородное пугало. Почему бы тебе не налить старому другу стаканчик виски?

– Что тебе нужно? – повторил Руни.

– Можешь для начала рассказать, чего от тебя хотели мой щенок и его подружка. – Рик вытащил сигареты. – Отсюда и плясать будем.

– Я не чувствую себя ни капельки лучше, – пожаловалась Келси, садясь в машину. – Интересно, должна ли я радоваться, что мой отец нанял этого человека, но сам держался подальше от всей этой грязи, чтобы не замарать свою честь, или я должна испытывать облегчение от того, что он не имел никакого отношения к Руни и Алеку Бредли?

– Возможно, тебе следовало задержаться там подольше и выяснить, почему мистер Руни так нервничает.

– Нервничает? Мне Руни показался скорее раздраженным, но держался он спокойно и довольно холодно. Разве он нервничал?

– Ему приходилось изо всех сил стискивать руки, чтобы они не дрожали. – Гейб запустил мотор и начал не торопясь выкручивать со стоянки. – Кондиционер в его офисе работал на полную катушку, но он взмок, как мышь. Челюсти он сжимал так, что уголок рта у него начал дергаться. Короче, Руни блефовал...

Гейб заплатил служащему и выехал наконец на улицу.

– Он блефовал, но кое-какие детали его выдавали. Особенно глаза. У него был вид человека, у которого на руках

один мусор, но который продолжает повышать ставки.

Келси с любопытством поглядела на него.

– Ты научился всему этому за покерным столом?

– Это природный дар. Что-то сильно напугало нашего мистера Руни.

– Нам остается только выяснить – что. – Келси тяжело вздохнула. – Давай найдем телефонную будку, Гейб. Мне кажется, пора позвонить моей семье и предупредить о визите.

Милисент Байден приняла из рук сына крошечную рюмку шерри и, будучи в прекрасном расположении духа, благожелательно потрепала его по руке.

– Вот видишь, девочка в конце концов взялась за ум. И пожалуйста, Фил, не надо выглядеть таким озабоченным. Мне просто хочется, чтобы все эти месяцы как можно скорее остались позади. В конце концов, Келси тоже носит фамилию Байден. – Милисент откинулась на спинку кресла и сделала глоток из рюмки. – Кровные узы есть кровные узы.

– Я очень надеюсь, что Ченнинг приедет с ней. – Кендис встала со стула и, подойдя к окну, резким движением отдернула занавеску. – Ему незачем там оставаться, если Келси возвращается.

– Ченнинг поступит так, как считает нужным. – Филипп ласково опустил руку на плечо жены, и Кендис захотелось сбросить ее, хотя в глубине души она очень не хотела дальнейшего обострения отношений.

– Я хочу, чтобы он был счастлив, Филипп. И ты тоже, я знаю.

– Ну, разумеется.

– Мальчик тоже появится, – уверила их обоих Милисент. – Обычная юношеская блажь, стремление казаться самостоятельным, только и всего. Ну и еще, пожалуй, детская сентиментальность. Мальчик увидел больную лошадку и захотел стать ветеринаром. Это пройдет, и очень скоро. С этими словами она сделала рукой элегантно движение, словно отбрасывая подальше заветную мечту Ченнинга.

– Ничего удивительного в этом нет, – продолжала она. – Когда Филипп был маленьким мальчиком, ему очень хотелось стать.., кем бы вы думали? Бейсболистом! Ну кто бы мог подумать, скажите на милость? Ты помнишь. Фил, дорогой?

– Я помню, – пробормотал Филипп. Он действительно помнил. Тогда ему было шестнадцать, и он был полон смутных, но грандиозных планов. К тому же – несмотря на свою хлипкую наружность – он умел посылать мяч с огромной скоростью. Разумеется, с этой мечтой ему пришлось распрощаться почти сразу же после ее рождения. Никто из Байденов не мог заниматься профессиональным спортом.

– И Ченнинг тоже, как и Филипп, обязательно прислушается к голосу разума. Твоя единственная ошибка, Кендис, милочка, заключается в том, что ты не сумела стать для него непререкаемым авторитетом.

– Ченнингу уже исполнился двадцать один год, – сухо ото-

звалась Кендис.

– Мать – всегда мать. – Улыбка на лице Милисент стала еще шире, когда внизу послышался звон дверного колокольчика. – Ага, вот и блудная дочь. Для начала заставь ее извиниться, Филипп, – так будет лучше для нее. А уж потом Мы зарежем упитанного тельца.

Но Келси отнюдь не была расположена извиняться. Это было видно по ее лицу, когда она вошла в гостиную, держа под руку Гейба. Она улыбнулась отцу и подошла поцеловать его; она обняла Кендис, надеясь навести новые мосты взамен сожженных, и только потом повернулась к бабушке, чтобы поцеловать ее в напудренную розовую щечку.

– Чудесно, что вы все собрались. Бабушка, папа, Кендис – это Габриэл Слейтер, или просто Гейб. А это Милисент, Филипп и Кендис Байдены.

– Рад с вами познакомиться. – Филипп протянул руку Гейбу.

– Я не хотела бы быть резкой, – поспешно вставила Милисент, и ее прищуренные глаза впелись в лицо Гейба, – но мне казалось, что мы собрались здесь, чтобы обсудить внутренние семейные дела.

– Да, – легко согласилась Келси. – Семейные дела, как старые, так и совсем новые. Я решила начать с самых последних новостей. Гейб и я скоро поженимся.

На несколько мгновений в гостиной воцарилась мертвая тишина. Филипп опомнился первым.

– Какая неожиданность...:

– пробормотал он:

– Какая приятная неожиданность!

– Сногшибательная, я бы сказала, – уточнила Кендис. –

Как раз в твоем стиле, Келси.

Однако мысль о флердоранже помогла ей смягчиться.

– Шерри для таких случаев не подходит, – заявила она. –

Сейчас я распоряджусь насчет шампанского, и мы это отметим.

– Я не позволю... – прохрипела Милисент, смертельно побледнев под тонким слоем пудры и румян. – Это оскорбительно! Я не допущу, чтобы в моем доме творились такие..., такие непристойные вещи.

– Но, мама... – осторожно начал Филипп.

– В моем доме! – твердо повторила Милисент, беря себя в руки и поворачиваясь к Келси. – Это что, пощечина мне? – осведомилась она с ледяным спокойствием. – Хорошо замаскированное оскорбление? Ты осмелилась привести этого типа в мой дом и грозишься ввести его в нашу семью?

Келси хорошо знала Милисент, но и она была потрясена ее реакцией.

– Это не пощечина, не оскорбление и не угроза. Это просто факт. Через несколько недель мы с Гейбом поженимся. Свадьба состоится в его усадьбе в Виргинии, мы были бы очень рады, если бы вы смогли приехать.

– Конечно, мы приедем! – Кендис, всегда готовая выступить

пить в роли миротворца и уладить любой зарождающийся конфликт, поспешила успокоить Келси. – Все это довольно неожиданно, и неудивительно, что все мы немного растерялись, но у тебя на свадьбе мы непременно будем. Если хочешь, я могла бы даже помочь устроить все как следует.

– Хватит! – Милисент с такой силой опустила на стол свою рюмку с шерри, что хрустальная ножка переломилась, и янтарная жидкость растеклась по скатерти и закапала на ковер. – Никакой свадьбы не будет. Ты, Келси, позволила себе увлечься красивой мордашкой. Это глупо, но ничего неправимого тут нет.

С огромным трудом Милисент обуздала свои эмоции и задышала ровнее.

– Официального объявления о бракосочетании еще не было, так что никакого скандала не будет, – пообещала она. – А вы... – тут она указала на Гейба, – вы, молодой человек, можете оказаться в очень неловкой ситуации, если немедленно не уйдете.

– Я так не думаю, – ровным голосом отозвался он. – Так что давайте попробуем.

– Мы уйдем только вместе! – Дрожа от ярости, Келси взяла Гейба за руку. – Зря я тебя привела сюда, Гейб. Мне много чего нужно сказать моей бабушке, но я скажу это в другой раз. Не сегодня... О, я не думала, что из-за меня тебе придется выслушивать оскорбления!

– Перестань. – Гейб поднес ее руку к губам и поцеловал в

палец чуть выше кольца. – Дай ей закончить.

– Позвольте мне принести свои извинения, – проговорил Филипп, вставая между Келси и креслом матери. – Это известие действительно стало для нас неожиданностью, так что, возможно, нам на самом деле имеет смысл поговорить об этом несколько позднее.

– Не смей защищать девчонку! – рывкнула Милисент и, тяжело поднявшись, подошла к полированному чиппендейлскому столику. – Ты и так постоянно ее выгораживаешь. Ей уже пора научиться смотреть правде в глаза.

– Я научилась, – твердо ответила Келси. – Вот уже некоторое время я смотрю и вижу одну только неприглядную правду.

– Тогда тебе не помешает взглянуть вот на это. – Милисент достала из ящика стола папку из серо-коричневого глянцевого картона. – Я кое-то разузнала о вас, мистер Слейтер. Совсем немного, но этого должно быть достаточно. Вы – профессиональный игрок и бывший заключенный. Ваш отец – бродяга и пьяница, не имеющий никаких легальных доходов, а мать была уборщицей. В возрасте четырнадцати лет вы убежали из дома и жили на улицах, как бездомный пес, пока не попали в тюрьму за противозаконную карточную игру.

Произнося эту обвинительную тираду, Милисент пристально разглядывала Гейба тяжелым немигающим взглядом, не выпуская из рук папки.

– Может быть, со временем вы и сколотили кое-какое со-

стояние, мистер Слейтер, – закончила она с убийственным сарказмом, – но эти деньги не изменили вас самого.

– Разумеется, нет, – признал Гейб. – Деньги вообще не могут изменить человека. Даже того, кто родился богатым.

Милисент швырнула папку на стол.

– Вон из моего дома!

– Подожди! – Рука Келси судорожно сжала запястье Гейба. – Как ты посмела, бабушка? Как ты посмела копаться в личной жизни Гейба? И в моей?!

– Я делаю все, что в моих силах, чтобы спасти честь фамилии Байден. И ты, милочка, тоже Байден, несмотря на то что в последнее время в тебе развилась какая-то нездоровая привязанность к этой женщине.

– Эта женщина – моя мать. Может быть, и на нее у тебя имеется досье, а? – потребовала Келси. – Я уверена, что ты специально выискивала самые грязные сплетни о Наоми, чтобы швырнуть их в лицо моему отцу и помешать ему жениться на ней!

– К моему глубокому сожалению, это был один из немногих случаев, когда Филипп не послушал меня.

И та сцена была очень похожа на ту, что разыгралась сегодня, припомнила Милисент. Филипп впервые накричал на нее тогда и закончил фактическим ультиматумом: либо она примет эту женщину, либо потеряет сына.

– Нет, он не послушал меня, – с горечью повторила она. – И последствия были самыми катастрофическими.

– И я – одно из этих последствий, – напомнила Келси, вздернув подбородок. – Так ты за этим приезжала к Руни сегодня во второй половине дня?

Милисент покачнулась и оперлась одной рукой о полированную столешницу.

– Понятия не имею, о чем ты...

– Я тебя видела. Ты снова наняла его, бабушка, на этот раз для того, чтобы шпионить за Гейбом и рыться в его прошлом.

– Это было неизбежное зло. Мне необходимо было собрать сведения, которые привели бы тебя в чувство, – защищалась Милисент.

– Ты просто зря потратила деньги. Все, что ты тут рассказала, мне давно известно, и я не придаю этому значения.

– Значит, в тебе гораздо больше от матери, чем я надеялась, и ты заслуживаешь того, что с тобой в конце концов станет.

– Ты права. – Келси повернулась к отцу. – Скажи, па, ты разлюбил Наоми или просто позволил бабушке встать между вами?

– Келси! – Голос Филиппа был хриплым, потому что он вдруг понял, что не знает настоящего ответа на этот вопрос. – Что случилось – то случилось. И мне остается только извиниться перед вами обоими...

Он смущенно поглядел на Гейба.

– Извиниться от всего сердца.

– Извиняться? – презрительно бросила Милисент. – Я, кажется, уже дала всем понять, что это за тип. Келси использует его, чтобы унижить всю семью, а ты извиняешься!

– Да, извиняюсь. – Филипп печально посмотрел на мать. – Я извиняюсь за тебя, за то, что ты используешь фамильную честь в качестве кнута. Мне очень жаль, что честь семьи значит для тебя гораздо больше, чем такая простая вещь, как человеческое счастье.

Бледная как смерть, Милисент судорожно вцепилась су-хонькими наманикюренными пальчиками в край стола.

– Ты – мой сын и не должен так разговаривать со мной в моем собственном доме! – резко сказала она и перевела взгляд на Келси. – Во всем виновата эта женщина – Наоми. Вот откуда идет все зло!

Келси кивнула.

– Возможно. Мне очень жаль, но сюда я больше не вернусь. Поехали домой, Гейб.

– Келси! – Порозовев от смущения и стыда, Кендис бросилась за ними и догнала у самой двери. – Пожалуйста, Кел, не обвиняй ни в чем своего отца. Он...

– Я стараюсь, Кендис, очень стараюсь.

– Он ни за что не допустил бы ничего подобного, если бы знал... Ведь ты же знаешь, что он за человек.

Келси подняла голову и встретила встревоженный взгляд Кендис.

– Да, я знаю, – кивнула она. – Я знаю его и тебя. Меня

всегда удивляло, как хорошо вы друг другу подходите, как дополняете друг друга...

Наклонившись вперед, она поцеловала Кендис в щеку.

– До сегодняшнего дня я просто не представляла себе, как сильно ты его любишь, хотя мне следовало давно в этом разобраться. Скажи папе, что я позвоню ему попозже, хорошо?

– Да, да, конечно... И вот еще что, Келси,.. – Улыбка на лице Кендис была неуверенной, но она все-таки была. – Все-го самого лучшего вам обоим.

Глава 12

– Ну у тебя и семейка, дорогая.

– Хватит, Гейб. – Келси выбралась из машины, остановившейся на дорожке перед «Тремя ивами», и с преувеличенной осторожностью закрыла за собой дверцу. – Сейчас не слишком подходящее время для упражнений в остроумии.

– А я совершенно серьезен. Половину обратной дороги ты исходила паром, половину – медленно кипела. На мой взгляд, ты должна была успеть остыть и успокоиться.

Но Келси вовсе не чувствовала себя спокойной.

– Дело не только во мне, – заявила она. – Вернее, совсем не во мне. Я раскипятилась из-за тебя.

– Черт побери! – неторопливым и плавным движением Гейб обнял ее за плечи. – Мне приходилось выслушивать обвинения и похуже. Твоя бабушка еще не все сказала – она пропустила артистку стриптиза из Рено и одно дельце в Эль-Пасо.

– Да не в этом дело, – отмахнулась Келси и вдруг остановилась. – Какую артистку?

– Ага, кажется, я сумел завладеть твоим вниманием. – Он почти по-братски похлопал ее по спине. – Как бы там ни было, мне понравились и твой отец, и твоя мачеха. Двое из трех – это не так уж плохо.

Келси изумленно посмотрела на него.

– Ты даже не сердишься? – спросила она. – Как ты можешь быть спокойным, когда она такое сотворила? Она же наняла детектива, чтобы он копался в твоей жизни, чтобы он составил на тебя досье, как на какого-нибудь преступника!

– И чего она этим достигла? Ты ведь уже знала обо мне все самое худшее, но даже это ты оправдывала. Получается так, что я открыл все карты и все равно выиграл – выиграл по самому большому счету.

– Это нисколько ее не извиняет.

– Зато делает ее поступок бессмысленным. Впрочем, я ее понимаю – совеем немного, правда, потому что у меня никогда не было семьи, честь которой я должен был защищать.

Келси снова остановилась.

– Ты что, ее защищаешь? – с подозрением спросила она.

– Нисколько. Просто я считаю, что она сделала неверный ход, который в конечном счете обошелся ей гораздо дороже, чем мне.

Келси резко выдохнула воздух, пытаясь отбросить с глаз челку.

– Может быть, мне тоже стоит попробовать оставаться непредубежденной, – сказала она. – Ладно, достань, пожалуйста, из багажника платье. Надеюсь, мы сумеем сделать хоть одного человека счастливым, когда мы покажем его Наоми.

– Почему бы мне не пригласить вас обоих на ужин? – предложил Гейб и, взяв ее за руку, осторожно коснулся боль-

шим пальцем кольца – ему очень нравилось, как оно выглядит на руке Келси. – Заодно и отпразднуем.

– Действительно, – согласилась Келси. – Пойду, скажу ей.

И, передернув плечами в попытке сбросить с Себя груз неприятных воспоминаний, оставленный сегодняшним днем, она поспешила в дом. Но не успела Келси подняться по внутренней лестнице, как услышала, что Наоми зовет ее.

– Ах вот ты где! – Развернувшись, Келси взялась рукой за перила и снова спустилась вниз. – Ты была совершенно права насчет платья. Сейчас Гейб достанет его из багажника и отвезет нас в ресторан – он хочет пригласить нас на ужин. Как ты думаешь, может быть, стоит попробовать выманить и Моисея из конюшни?

Наоми стояла в прихожей, нервно стискивая руки.

– Нам нужно поговорить, – сказала она. – Давай-ка присядем.

– В чем дело? – заволновалась Келси. – Что-нибудь с лошадьми, да? О, нет, только не это! Юпитер немного похрипывал, но я дала ему лекарство – в точности как велел Мо.

– Дело не в нем, Келси. Пожалуйста, присядь. Незнакомка вернулась, подумала Келси. Та самая сдержанная, безупречно вежливая знакомка, которая когда-то с одинаковым хладнокровием приглашала ее выпить чаю и признавалась в убийстве.

Растерявшись, Келси послушно приблизилась к матери.

– Ты за что-то на меня сердита?

– Сердита? Я не думаю, что это самое подходящее слово. –
Наоми бросила взгляд на входящего Гейба. – Пожалуй, нам
лучше поговорить об этом наедине.

– У меня нет секретов от Гейба.

– Хорошо же... – Наоми подошла к окну и выглянула на-
ружу, призывая на помощь все свое самообладание, всю ту
уверенность в собственных силах, которая помогла ей вы-
жить в тюрьме.

– Пока тебя не было, тебе позвонил один человек. Гер-
ти приняла сообщение и оставила записку на столе в твоей
комнате. Я зашла туда на несколько минут – мне нужен был
список гостей...

Сохраняя на лице спокойное выражение, Наоми поверну-
лась к Келси.

– Я прошу прощения за то, что прочла записку, но это
было не нарочно. Просто она попалась мне на глаза.

– Почему бы тебе не сказать мне просто – кто звонил и
зачем?

– Звонил Чарльз Руни. Он сказал, что это срочно. Он хо-
чет встретиться с тобой как можно скорее.

– Если так, то мне нужно немедленно...

– Минуточку. – Наоми подняла руку. – Я не думаю, что
по прошествии двух десятков лет это может быть настолько
срочно. Ты встречалась с ним?

– Да. Дважды.

– Для чего, Келси? Разве я не ответила на все твои вопро-

сы?

– Да, ответила. И это было одной из причин, по которой я захотела побеседовать с ним. Потому что ты ответила на мои вопросы.

– А ты? – Наоми повернулась к Гейбу, в ее глазах промелькнули искорки гнева и горького разочарования. – Ты поощрял ее в этом?

– Дело не в поощрении, – отозвался Гейб. – Но я понимаю Келси.

– Как ты можешь что-то понимать? – не скрывая горечи, спросила Наоми. – Как может что-то понимать хоть один из вас? Вы даже не представляете себе, что я почувствовала, когда увидела это имя на записке. Десять лет я пыталась его забыть, и вот – все ожило вновь. Я думала, надеялась, что это плата за счастье вновь обрести дочь. Неужели я недостаточно платила?

– Я ездила к Руни не для того, чтобы причинить тебе боль. Мне не хотелось к нему обращаться, но... Я надеялась узнать что-то такое, что могло бы изменить положение вещей.

– Изменить ничего нельзя.

– Я уверена, что той ночью он видел нечто такое, о чем не удосужился сообщить полиции. Руни что-то скрывает, теперь это совершенно очевидно.

Наоми, потрясенная, опустилась на диван.

– Ты на самом деле рассчитываешь отыскать что-то такое, что могло бы оправдать меня? Ради этого ты и затея-

ла все это, Келси? Большая стирка грязного семейного белья, да еще с двадцатилетней задержкой! – Невесело усмехнувшись,. Наоми покачала головой. – Боже мой! Какая теперь-то разница? Ты не вернешь мне ни минуты, ни секунды из тех двадцати лет, которые я потеряла. Все косые взгляды, все слухи, издевательские перешептывания – все это было, было, и с этим уже ничего не поделать! Было... – повторила Наоми, опуская руки на колени. – Было, и умерло, и похоронено, как и Алек Бредли.

– Только не для меня. – Келси вскинула голову. – Я поступила так, как мне казалось правильным. И если Руни позвонил, значит, у него были на то причины. Сегодня утром он не захотел со мной даже разговаривать, но он нервничал. Он даже показался мне напуганным!

– Не надо этого делать, Келси.

– Но я не могу иначе! – Келси порывисто шагнула вперед и, взяв холодные руки Наоми в свои, попыталась согреть их. – Ничто не закончено, мама! То, что случилось с Горди и Рено., ведь это слишком похоже на то, что произошло много лет назад с твоей же лошадью и Бенни Моралесом. Как будто страшное эхо тех событий докатилось до нас только сейчас, но я уверена, что это не просто эхо. Даже полиция интересуется, нет ли здесь какой-нибудь связи.

– Полиция... – с ужасом повторила Наоми, бледнея. – Ты разговаривала с полицейскими? Келси выпустила ее руки и отступила назад.

– Я ездила к капитану Типтону.

– Типтон! – Наоми не сумела подавить дрожь. – О боже!..

– Он поверил тебе. – Келси заметила, что Наоми подняла голову. – Он сказал мне, что верил тебе тогда.

– Этот здоровенный бугай! – Наоми резко вскочила. – Ты не знаешь, что это такое – сидеть в их каменном мешке и отвечать на бесчисленные вопросы! Мне никто не верил, Келси, – никто! – и уж, конечно, не этот Типтон. Почему я попала в тюрьму, если он мне верил?

– Он не мог доказать, что ты говоришь правду. Фотографии...

– Да, – перебила ее Наоми. – Давай вернемся к Руни. Ты и в самом деле считаешь что-то изменить? Найти какую-то никем не замеченную подробность, которая поставит все на свои места и поможет мне доказать, что я действительно защищала свою честь?

В голосе Наоми зазвучали такие неподдельные мука и боль, что внутри у Колей все перевернулось.

– Ничего у тебя не выйдет, – негромко добавила Наоми. – Даже если ты хочешь мне помочь, из этого вряд ли что-нибудь получится по той простой причине, что я не смогу пройти через это еще один раз.

С этими словами она вышла из комнаты и стала быстро подниматься вверх по ступенькам. Через несколько секунд Келси и Гейб услышали, как наверху захлопнулась дверь.

– Ну и кашу я заварила. – Келси бросилась в кресло и за-

крыла глаза. – Все так запуталось...

– Ничего подобного, – подал голос Гейб. – Просто ты стала ворошить прошлое. Но, на мой взгляд, его следовало разворошить...

– Мы с Наоми прошли такой долгий и нелегкий путь, Гейб. И вот теперь я все испортила.

– Ты серьезно так думаешь?

– Не знаю. – Келси подняла было руки, но снова уронила их на колени. – Когда я начинала, то уверяла себя, что все вопросы я задаю ради себя самой. У меня было право знать правду. Где-то по пути я убедила себя, что все это я делаю ради нее. И, наверное, напрасно; именно мне это нужнее всего. Я должна выяснить, как все было на самом деле, и восстановить репутацию Наоми. Если я верю ей, пусть и другие тоже верят.

– Только не надо чувствовать себя подлой негодяйкой. – Гейб подошел к ней и уселся на поручень кресла. – Что ты собираешься предпринять?

Келси глубоко вдохнула воздух и медленно выдохнула, успокаиваясь.

– Нужно встретиться с Чарльзом Руни и довести дело до конца.

– Я еду с тобой, – решил Гейб.

Они встретились с детективом в баре. Это была отнюдь не грязная, провонявшая дешевым джином забегаловка, ко-

торая, на взгляд Келси, лучше всего подходила для секретной встречи, а вполне приличный, заставленный пальмами в кадучках бар, основными клиентами которого были многочисленные «белые воротнички» из ближайших офисов и контор.

Руни сам выбрал это заведение и, добираясь сюда, использовал все известные ему уловки и приемы, чтобы окончательно убедиться, что за ним никто не следит.

Когда детектив увидел входящих в бар Келси и Гейба, он как раз допил свой первый джин с тоником. Руни знал, что с ним покончено, и несколько часов, прошедших с того момента, когда Рик Слейтер покинул его контору, он потратил, планируя свое исчезновение. Отходных путей у него всегда было достаточно, нужных людей в нужных местах – тоже, и вот теперь у Руни появилась веская причина все это использовать.

– Мистер Руни?

– Садитесь. Советую заказать домашнее вино.

– Пожалуй, так я и сделаю. – Келси кивнула официантке, появившейся возле их столика.

– Кофе, – распорядился Гейб. – Черный. Вы сказали – это срочно, – напомнил он Руни.

– Так и есть.

Детектив постучал по своему бокалу, что должно было означать еще одну порцию. Еще один джин на дорожку, подумал он. К утру Руни уже рассчитывал посасывать коктейль

«Мимоза» где-нибудь в Рио.

– Прошу прощения, если я был несколько невнятен, когда звонил к вам на ферму, – извинился он. – Сегодня у меня в офисе побывало слишком много неожиданных гостей, а последний из них был еще и неприятным. Я работаю детективом вот уже больше двадцати пяти лет. За это время у меня было довольно много интересных дел, но ни разу мне не пришлось стрелять... – Руни постучал по столу костяшками пальцев. – Моя работа мне всегда нравилась. Самое сложное в ней – это обзавестись подходящей клиентурой. Определенный класс людей – я имею в виду людей состоятельных, – как правило, не стремится афишировать свои отношения с представителями детективных агентств. Они нанимают нас с тем же высокомерным презрением, с каким вызывают специалиста по уничтожению крыс или домашних насекомых. Разумеется, их интересуют результаты, но обсуждать способы, какими эти результаты будут достигнуты, они, как правило, не хотят. Впрочем, существуют и клиенты, которые предпочитают подход более практичный.

Руни замолчал, дожидаясь, пока официантка расставит на столе напитки.

– Все это очень интересно, Руни, – заметил Гейб, – но вряд ли так срочно и важно.

– Милисент Байден, – промолвил Руни и бросил быстрый взгляд на стиснувшую зубы Келси. – Эта женщина привыкла повелевать теми, кто на нее работает, привыкла отдавать

приказы. Кроме того, у нее есть обыкновение проверять, как именно выполняются ее распоряжения. А она любит, чтобы все делалось в точности так, как она велела, – и никак иначе.

– Мы знаем, что она наняла вас, чтобы собрать компрометирующую информацию о Гейбе. – Келси отпила глоток вина, чтобы перебить противный привкус, появившийся во рту. – Надеюсь, у вас много помощников, мистер Руни, поскольку бабушка, похоже, отнюдь не удовлетворена результатами вашей, гм-м..., деятельности.

– Ага, вы швырнули ей мое досье обратно в лицо? – Руни фыркнул в коктейль – настолько он был доволен. – Значит, в мире все-таки есть какая-то справедливость. Впрочем, когда она наняла меня в первый раз, она была удовлетворена. Даже более чем удовлетворена.

– В первый раз?

– Это ваша бабушка наняла меня для сбора материалов по процессу об опеке.

– Насколько я знаю, вас наняли адвокаты моего отца.

– Они были и ее адвокатами. Семейными адвокатами. Не забывайте об этом, мисс Байден. Именно на это она и рассчитывала.

Руни выудил из коктейля ломтик лимона и выжал его в стакан.

– Я выполнял кое-какую работу для одной ее знакомой. Дело о разводе. Должно быть, именно так Милисент Байден узнала обо мне. Ей понравилось, как быстро и чисто я срабо-

тал, к тому же я, видимо, подходил ей по каким-то высшим соображениям, которыми, сами понимаете, она со мной не делилась. Тогда я был молод, тщеславен, но то, кем она была – вернее кем был ее муж, – не могло не произвести на меня впечатления. Как и сумма чека, который она мне вручила.

Он пожал плечами и запустил руку в миску с солеными печеньками, похожими на китайские иероглифы.

– Какая вам разница, из чьих рук получать вознаграждение? – вставила Келси.

– Как правило – никакой, но тут был случай особый. Я никогда не встречался с вашим отцом, мисс Байден. Я впервые увидел его только на процессе, и мы ни разу не встречались с ним один на один. Так хотела ваша бабушка, а она умела добиваться своего. Милисент Байден хотела вычеркнуть вашу мать из жизни своего сына и из вашей тоже и придумала очень простой и эффективный план, чтобы этого достичь. Моя задача заключалась в том, чтобы следить за Наоми и фиксировать на пленку все случаи ее недостойного поведения. И, естественно, составлять отчеты. Это было все, что Милисент Байден удосужилась мне сообщить, но я хороший детектив. Я уже тогда был хорошим детективом, поэтому мне удалось узнать много больше.

– Больше? – У Келси появилось ощущение, что ворота в прошлое скрипя открываются все шире, и она вдруг испугалась того, что могло с минуты на минуту показаться оттуда – из ледяной мглы и серого тумана.

– Ипподром, особенно если посещаешь его хотя бы некоторое время, прекрасно подходит для того, чтобы завязывать знакомства. Один из моих тамошних источников сообщил мне, что у него есть кое-какие материалы на Бредли. Алек много играл, но в основном проигрывал и в конце концов задолжал крупную сумму денег не совсем подходящим людям. Секреты он хранить не умел и в одной беседе проболтался о том, что у него наклеывается неплохая сделка. Все, что от него требовалось, это приятно провести время с красивой женщиной, после чего он мог стать обеспеченным человеком.

Короче, мой источник и Бредли сблизились. Они вращались в разных кругах, но, как оказалось, были вылеплены из одного теста. Бредли много болтал, мой человек поддакивал, вынуждая его сказать больше, а потом, за определенное вознаграждение, передавал всю информацию мне.

– Вы слишком долго ходите вокруг да около, Руни, – заметил Гейб.

– Тогда я буду говорить коротко. – Руни оттянул галстук, который начинал его душить. – Суд, который "должен был определить законного опекуна для мисс Байден, склонялся в сторону Наоми. Оно и понятно: суды предпочитают не разлучать ребенка с матерью. Может быть, она и любила вечеринки и была равнодушна к мужчинам, но все свидетели показывали, что в присутствии ребенка она воздерживалась от того и от другого. Кроме того, Наоми Чедвик была

достаточно состоятельной женщиной, у нее был солидный источник дохода, и десятки людей могли под присягой подтвердить, что она была хорошей матерью для своей крошки. Поэтому Байденам нужно было что-то такое, что могло бы склонить чашу весов в их пользу. И Милисент нашла Алека Бредли.

– Она... – Келси судорожно сглотнула и постаралась, чтобы ее голос не дрожал так сильно. – Моя бабушка знала Алека Бредли?

– Да, она знала и его, и его родителей. Знала, что он за тип. Она и наняла Бредли, чтобы он соблазнил Наоми. Он должен был заманить ее в ловушку, создать такую ситуацию, которая скомпрометировала бы вашу мать и поставила под сомнение ее добродетель и способность быть достойным опекуном ребенка.

Келси сжала под столом руку Гейба.

– Вы хотите сказать, что моя бабушка платила Алеку Бредли? Платила ему за... Да почему я должна вам верить?

– Хотите верьте, хотите нет – мне все равно, – отмахнулся Руни.

Ему и в самом деле было плевать. Просто перед тем, как удалиться от дел, он решил пошуровать в самых дальних ящиках рабочего стола и выбросить оттуда весь мусор.

– Вы пришли получить ответы, мисс Байден, и не моя вина, что ответы не устраивают вас. Но я точно знаю, что в качестве аванса Бредли получил двадцать тысяч долларов.

Келси не сдержала невольного восклицания. Двадцать тысяч! Эту же цифру называл Типтон.

– Но самое главное заключалось в том, что Наоми не желала играть в эту игру. Во всяком случае, она играла не так, как рассчитывали Милисент Байден и Бредли. Наоми держала этого альфонса на поводке и не подпускала его к себе достаточно близко. Между тем сроки подпирали, процесс был не за горами, и Милисент решила действовать решительно. О, она быстро нашла, что еще можно, так сказать, бросить в котел! На ипподроме произошла какая-то неприятность с лошастью, потом повесился жокей. Разразился скандал, который, однако, отразился на репутации Чедвиков не так, как она рассчитывала.

Гейб поднял руку.

– Вы хотите сказать, что это как-то связано с тем, чем вы занимались?

– Здесь все связано. Бредли нужны были наличные, но Милисент не собиралась открывать перед ним свой кошелек до тех пор, пока не будут достигнуты совершенно определенные результаты. Поэтому Бредли и один его приятель по ипподрому заключили небольшую сделку. Когда фаворит сошел, Бредли перепали кое-какие шальные деньги в качестве выигрыша, но от Милисент он не получил ни гроша, поскольку все симпатии оказались на стороне Наоми, потерявшей своего жеребца. К тому же Милисент поставила ему крайний срок.

Руни некоторое время рассматривал то, что осталось от его коктейля, и раздумывал, не заказать ли еще одну порцию. До рейса оставалось меньше двух часов, поэтому он решил, что лучше сохранить голову свежей.

– Она велела мне взять фотоаппарат, запастись пленкой и ждать вблизи фермы. Но сначала я отправился в клуб – наблюдать за тем, как Бредли разыгрывает сцену ревности.

– Разыгрывает? – переспросила Келси.

– Игру всегда легче распознать со стороны, – пояснил Бредли. – Кроме того, мой источник предупредил меня о том, что должно случиться вечером. Бредли собирался вывести Наоми из себя, но он, скорее всего, не ожидал, что она пошлет его куда подальше. Красавчик всегда воображал о себе невесть что, когда дело касалось женщин. В общем, Наоми ушла из клуба одна, и я последовал за ней.

В доме никого не было – до тех пор, пока там не появился Бредли. Я знал, что должен сделать снимки, но только такие, которые помогли бы Байденам выиграть дело.

– Вы знали?.. Это велела вам моя бабушка? – уточнила Келси.

– Совершенно верно. И поначалу все выглядело довольно многообещающе. Наоми открыла ему дверь в легкой ночной рубашке и впустила внутрь. Потом они вместе выпили, и Бредли принялся ее очаровывать. Мне удалось сделать еще один удачный снимок – когда они целовались. Как она оттолкнула его, я снимать, естественно, не стал. Мне платили

за другое. Потом они заспорили, я слышал обрывки разговора сквозь открытую форточку – особенно когда Наоми стала кричать. Она приказывала ему убираться вон, Говорила, что между ними все кончено. А он схватил ее и начал лапать.

Руни поднял голову от стола и посмотрел на Келси.

– Была минута, когда я задумался о том, чтобы вмешаться, чтобы прекратить все это. Наоми попала в беду, и что это за беда, сомневаться не приходилось. Но я не сдвинулся с места, я должен был выполнить свою работу, тем более что, пока я колебался, она сумела отбиться от него. Я заметил, что Наоми раздражена, раздражена гораздо сильнее, чем испугана. Она снова закричала на него, потом двинулась к телефону, но Бредли снова ее схватил. Я не думаю, что у Наоми были какие-то сомнения относительно того, что должно случиться. И она решила спастись бегством.

Руни помолчал и вытер губы тыльной стороной ладони.

– Он знал, что я где-то поблизости. Этот сукин сын знал, что я за ними наблюдаю, потому что он повернулся прямо к окну и показал мне вот так... – детектив ткнул пальцем в потолок. – «Наверху, все будет наверху», – вот что он хотел мне сказать. И я полез на дерево, чтобы исполнить то, ради чего меня наняли. Сидя на дереве, я уже ничего не слышал – так громко стучало мое сердце – и не позволял себе ни о чем думать. У меня был заказ, дело, которое хорошо оплачивалось, и, самое, главное, в случае успеха я мог рассчитывать на новые заказы и на новых клиентов. «Она ведь сама

на это напрашивалась, – примерно так я себе говорил. – Она сама накликала на себя беду тем, что держала в узде такого жеребца, как Бредли».

– Вы знали, что он хочет изнасиловать ее, – выдавила Келси. – Знали – и ничего не сделали.

– Да. – Руни залпом допил остатки коктейля. – Наоми вошла в спальню, буквально ворвалась в нее. Вот теперь она испугалась, но, кроме страха, в глазах у нее было какое-то безумие. Ее тонкая ночная рубашка была разорвана и упала с плеча, но она этого не замечала. Потом в спальню вошел он. Он улыбался и выглядел вполне дружелюбно, как будто бы даже извинялся. То, как они стояли против друг друга в раме окна.., разорванная комбинация, расстегнутая рубашка у него под смокингом – все это выглядело достаточно провокационно. Даже, я бы сказал, эротично. Я не знаю, что Алек при этом говорил, только Наоми покачала головой и отступила, а он опустил руки, словно собираясь расстегнуть брюки. Тогда она ударила его. По щеке... – Детектив облизал губы. – Я заснял этот момент, но не стал снимать, как он ударил ее в ответ.

Тут Руни остановился. Он не представлял себе, как сильно на него самого подействует этот подробный, обстоятельный рассказ о событиях той страшной ночи. Тогда он чувствовал себя маленьким и испуганным, беспомощным. Сейчас осталось только ощущение своей собственной ничтожности.

– Потом Наоми наклонилась и на минуту исчезла из моего поля зрения, а Бредли почему-то поднял руки. Сначала я не понял почему. Он продолжал улыбаться, но его улыбка больше не была дружелюбной. И тут я увидел Наоми и револьвер в ее руке.

Я очень испугался и начал снимать как сумасшедший. Я продолжал снимать даже после того, как она застрелила его, даже когда там уже не на что было смотреть.

– Это была самооборона, – сказала Келси, впиваясь пальцами в руку Гейба. – Как она и говорила все это время.

Руни с трудом проглотил комок в горле и кивнул головой.

– Да, чистейшая самооборона. Возможно, с револьвером в руке Наоми и сумела бы заставить его в конце концов покинуть дом, но она была чересчур напугана происходящим. Бредли загнал ее в угол, вынудил прибегнуть к крайнему средству. И если бы эти факты всплыли, ее никогда бы не обвинили в умышленном убийстве. Скорее всего никакого приговора не было бы вообще.

– Но факты так и не всплыли.

– – Нет. Я сразу поехал к Милисент Байден. Я ни о чем не думал – просто явился к ней домой среди ночи и вытащил ее из постели. Она своей рукой налила мне бренди и велела сесть. Когда я выпил, она выслушала всю историю. От начала и до конца. И решила, что все обернулось как нельзя лучше для нас. По ее настоянию я выжидал два дня, прежде чем пойти в полицию со своим заявлением.

– Она знала... – прошептала Келси. – Значит, она все знала...

– Она все это и организовала. Если бы Наоми не арестовали, я должен был отнести в полицию пленку и дать показания. Милисент хотела, чтобы я рассказал копам все, что я видел, – но не больше. Ни слова о том, б чем я догадывался или подозревал. А потом она очень подробно рассказала мне, что же я видел. Молодая женщина, одетая в высшей степени легкомысленно, встречает своего любовника в дверях пустого дома. Они пьют, они обнимаются, потом начинают ссориться. Женщина взревновала – после сцены в клубе это не должно было вызвать ни малейших сомнений – и убежала наверх. Любовник последовал за ней, чтобы принести извинения, объясниться и, возможно, попробовать соблазнить ее. Но женщина, не помня себя от ревности, схватила револьвер и убила его. После этого Милисент вручила мне еще пять тысяч наличными и пообещала рекомендовать меня своим высокопоставленным знакомым.

Келси с побледневшим лицом выскользнула из кабинки и, прижимая руки к животу, ринулась к дамским комнатам.

Гейб проводил ее взглядом, потом поймал себя на том, что сжимает и разжимает под столом кулаки.

– Вы – отвратительный человечиска, Руни. Вы были свидетелем попытки изнасилования, а потом помогли упрятать жертву за решетку, и все это – за несколько тысяч долларов и десятков высокопоставленных клиентов. Не много же вам

надо...

– Я еще не все сказал, – хладнокровно ответил Руни. – Но мы подождем, пока мисс Байден вернется.

– Скажите мне вот что – что заставило "вас признаться во всей этой мерзости именно сейчас? Всего несколько часов назад вам было нечего сообщить нам.

– Ситуация осложнилась. Я не люблю, когда на меня начинают давить с двух сторон сразу. – Руни пожал плечами. – Когда эта история выплывет, – а я решил, что она должна стать известной, – моей репутации конец. Похоже, мне следовало уйти в отставку еще несколько лет назад, тогда бы я остался чист.

– Вот уж не знаю, – спокойно начал Слейтер, казалось бы, с искренним участием, – вывести тебя отсюда и измолотить до полусмерти или просто оставить тебя жить с этим.

Руни поднес к губам бокал и медленно выцедил воду, скопившуюся на дне от подтаявшего льда.

– Каждый человек делает свой собственный выбор, Слейтер. Ты – игрок. Если ты знаешь, что игорный дом пометил все колоды, – станешь ты биться за то, чтобы сорвать банк?

– В некоторые игры просто не стоит играть. – Гейб увидел возвращающуюся Келси и поднялся.

– Со мной все в порядке, прошу прощения. На лице Келси все еще были заметны бледные пятна, но рука, которую она вновь протянула Гейбу, уже не дрожала.

– Потерпи еще немного, – сказала она и вновь повернулась

к Руни. – Давайте выслушаем остальное.

– Не уверен, что вам это понравится. Миссис Милисент Байден наняла меня не только для того, чтобы собрать досье на мистера Слейтера. Об этой услуге она попросила меня совсем недавно. Свой первый аванс я получил несколько месяцев назад, сразу после того, как Келси связалась с Наоми Чедвик.

Келси сжала зубы, молясь о том, чтобы ее желудок снова ее не подвел.

– Я.., не понимаю, – неуверенно проговорила она, хотя многое было ей ясно уже сейчас. Келси просто боялась того, что ей предстояло услышать.

– Сейчас поймете, – сказал Руни. – Проще говоря, она очень не хотела, чтобы вы жили на ферме. Она боялась, что вы сумеете найти с Наоми общий язык.

– И как она намеревалась предотвратить это?

– Поскольку с тех пор, как мисс Чедвик освободили из тюрьмы, она не совершила ничего такого, что можно было бы поставить ей в вину, Милисент снова взялась за ее прошлое. После того как Алек Бредли был застрелен, Милисент забрала у меня все мои досье. Все, что я сумел собрать. Там было полным-полно всякой информации, и не только о Наоми. Я, видите ли, работаю очень тщательно, поэтому у меня было достаточно документов и свидетельств, касающихся Бредли и его приятеля с ипподрома. Я собрал материалы о том, как они «посолили» ту скачку, когда погиб Солнеч-

ный, и суммировал свои подозрения о причастности ко всему этому Канингема. Когда Милисент дернула за поводок, а вы, мисс Байден, не прибежали к ней на задних лапках, она пустила эту информацию в дело.

– Как? – Келси обхватила себя за плечи. – Лучше скажите мне сейчас, Руни.

– Она поручила мне найти старого приятеля Бредли и сделать так, чтобы он вернулся в Виргинию. Собственно говоря, я должен был обещать ему работу от ее имени. Она не сказала мне, что это за работа, однако догадаться было нетрудно – старая история должна была повториться. Скандал с наркотиками и смерть лошади должны были породить слухи и подозрения вокруг Наоми и вокруг вас, мистер Слейтер. – Руни ткнул пальцем в сторону Гейба. – Вас, кстати, Милисент не собиралась подпускать к своей внучке и на пушечный выстрел. Короче, Келси должна была своими глазами увидеть, как жесток мир скачек, сколько в нем всякой грязи, – и сбежать от всего этого обратно домой.

– Но я не сбежала. – Келси почувствовала, как у нее защипало глаза, но давать волю слезам она не собиралась. Во всяком случае, не сейчас. – Вы хотите сказать, что за всем этим стояла Милисент? Что это она организовала убийство Горди? Боже!.. Получается, что это из-за нее погиб Мик!

– Даже такая женщина, как Милисент, не может удовлетворительно манипулировать человеком, который не имеет никаких представлений об этике и морали. Ее наемник прак-

тически моментально вышел из-под контроля и стал действовать самостоятельно. После убийства конюха Милисент была вне себя от ярости. Она прочитала мне такую нотацию, словно я лично всадил в беднягу нож... – Руни покачал головой, припоминая. – Добраться до лошади – вот чего она хотела. А через это – через повторение старого преступления – она хотела преподать своей внучке наглядный урок.

– Все из-за меня, – прошептала Келси, и ее рука, накрытая ладонью Гейба, безвольно обмякла. – Если бы не я, ничего бы не было...

– Вы – последняя в роду Байденов, – без обиняков заявил Руни. – Милисент была буквально повернута на этом. Наоми она ненавидит с такой неистовой страстью, над которой даже годы не властны. В своем стремлении снова, погубить ее, как она уже погубила ее однажды, в своем желании снова подчинить себе вас, Келси, Милисент ни перед чем не останавливалась. Это она одолжила Канингему достаточно денег, чтобы он смог приобрести эту кобылу, Большую Шебу. Этого было достаточно, чтобы подчинить его себе и заставить работать вместе с тем человеком, которого она наняла раньше. Не скажу, чтобы ей это очень нравилось, – добавил Руни и тут же пояснил:

– Я имею в виду – иметь дело с этим типом, пусть даже на расстоянии, но, видно, она считала, что цель оправдывает средства.

– Я не узнаю ее, – медленно сказала Келси. – Не узнаю

женщину, о которой вы говорите. Как она могла разрушить, искалечить столько судеб, жизней?

– Она считала, что управляет ими, контролирует ход событий, – ответил детектив. – Милисент никогда не смотрела на это иначе. И мной она тоже руководила, направляя мои шаги.

Он потер рукой переносицу.

– Тогда, в первый раз, я был молод, впечатлителен, полон энтузиазма. Но теперь я оказался в ловушке. Черт побери, ведь это была просто работа, моя работа! И только последний мой сегодняшний посетитель изменил мой взгляд на ситуацию.

Он замолчал, пристально вглядываясь в лицо Гейба.

– Может быть, я просто старею, – сказал он наконец. – Господь свидетель, я здорово устал за это время. В общем, когда этот человек возник в моем кабинете и предложил заключить новую сделку, я решил отойти от дел. И мне нравится думать, что я выбрал довольно удачный момент, чтобы облегчить душу.

Увидев, что ни Гейб, ни Келси не обратили внимания на его последнее заявление, Руни прищурился, и его взгляд снова стал жестким.

– Хотите узнать, как сын Бенни Моралеса прикончил жеребца Чедвиков? Как еще кое-кто едва не изуродовал вашу лошадь, Гейб? Взгляните повнимательнее на своих людей и на собственного отца... Вот-вот, именно на него, – добавил

детектив, невесело улыбаясь. – Рик Слейтер сумел выпытать у Бредли немало секретов. И он был более чем счастлив повторить вновь уже знакомую ему процедуру, когда Милисент Байден призвала его под свои знамена, да еще пообещала хорошо заплатить. Месть и право решать за других, месть и деньги, ее мотивы, и его... Настоящая гремучая смесь, не правда ли, мистер Слейтер и мисс Байден?

Глава 13

– Останови, пожалуйста.

До «Рискованного дела» оставалось всего полмили, но Гейб послушно притормозил и вырулил на обочину.

– Тебя опять тошнит?

– Нет. – Келси действительно было тошно, но это не было физическое состояние. – Мне просто необходимо немного пройтись. Можем мы немного погулять?

Не дожидаясь ответа, она вылезла из машины. Прекрасная ночь, подумала она. Идеальная июльская ночь с сапфирово-синим куполом неба, с россыпью крупных звезд и безмятежной луной в зените. Ни единого облачка, способного омрачить эту величественную картину, она не видела. Теплый воздух благоухал медовым ароматом жимолости, которая оплетала металлическое ограждение шоссе. Дальше бугрились холмы, поросшие клевером и высокой, набравшей силу и сок травой. В траве стрекотали цикады. Мягкая земля обочины слегка подавалась при каждом ее шаге.

– Слишком много всего, – пробормотала она. – Слишком много такого, о чем просто не хочется думать. Как мне рассказать ей, Гейб?

Она обернулась, протянула к нему руки, как никогда остро нуждаясь в утешении.

– Как мне рассказать матери, что все это было спланиро-

вано? Что все ее беды были лишь частью плана, призванного разлучить ее со мной?

– Во-первых... – Гейб протянул руку и взял ее за локоть. – Во-первых, перестань обвинять себя.

– Я и не обвиняю. – Келси остановилась и, опершись на ограждение, окинула взглядом далекие темные холмы. – Меня бесит, что из меня сделали пешку. Милисент – она даже не думала обо мне как о ребенке. Теперь я ясно вижу это – ни как о ребенке, ни как о личности. Последняя, – с горечью произнесла она. – Последняя из Байденов, только и всего. Даже не внучка – просто очередная Байден.

Гейб хотел было что-то сказать, чтобы утешить ее, но подумал, что в данной ситуации он должен только слушать. Иногда молчание мудрее участия и может принести больше пользы.

– Я думаю, – продолжала Келси, – что она хотела бы любить меня и что когда-то, пусть не очень долго, она любила. Однако ее чувства..., то, что она испытывала в отношении моей матери, и – о боже, я так на это надеюсь! – ощущение вины за то, что она совершила, – а ведь ей приходилось жить с этим, Гейб, – сделали настоящую любовь невозможной. Все ее надежды на счастье и дальнейшее процветание рода Байденов сошлись на мне. Я училась в лучших школах, я разбиралась в искусстве, кое-что понимала в музыке и поднаторела во всяких модных занятиях... Мои друзья, которых она мне подбирала, непременно должны были быть из

приличных семей. Может быть, именно поэтому я так и не нашла ни одного человека, который был бы по-настоящему мне близок. И каждый случай неповиновения, каждое проявление моей индивидуальности, самый ничтожный бунт – во всем Милисент видела отражение женщины, которую она уничтожила.

Келси машинально сорвала ветку жимолости и принялась медленно, методично обрывать хрупкие белые цветы.

– Когда мне исполнилось двенадцать, Милисент захотела отправить меня в Англию, в закрытый пансион, но мой отец воспротивился этому. Это был один из немногих случаев, когда они ссорились. Бабушка считала, что мне необходимы воспитание и дисциплина. Знаешь, что ответил на это отец? «По-моему, ей просто нужно детство».

Вздыхнув, Келси растерла между ладонями белые лепестки, которые отозвались волной тягучего, сладкого запаха.

– Понимала ли Милисент, что использует и его – своего собственного сына? Был ли он для нее еще одной пешкой? Ведь это она сделала многое, если не все, чтобы расстроить их брак, хотя, возможно, он в конце концов распался бы и без ее помощи. Впрочем, все это мелочи... – глухо пробормотала она и, раскрыв ладони, стряхнула с рук последние остатки раздавленных цветов. – Самое главное – это где мне взять слова, чтобы рассказать моей матери, как, почему и кто виноват? И ей, и отцу. Ведь мне придется объяснить это и папе, верно? Он тоже имеет право знать, что Милисент сделала с

его жизнью. И все, что она пыталась сделать с моей.

Келси повернулась к Гейбу и прижалась лицом к его груди, испытывая огромное облегчение и благодарность за то, что он рядом и что его сильные руки умеют обнимать так нежно. В объятиях Гейба она чувствовала себя надежно и безопасно.

– Столько потерь, Гейб, столько зряшных потерь! Столько жизней, столько судеб загублено. И во всем этом виновата какая-то фамильная честь, вернее, даже не она сама, а ее уродливая интерпретация, которая отчего-то возникла в голове Милисент!

– Гордыня и еще несколько смертных грехов, – негромко проговорил Гейб, вспоминая собственного отца. – Зависть, жадность, похоть. Я всегда больше верил в удачу, нежели в судьбу, но одно везение не смогло бы замкнуть этот круг.

Он слегка отодвинул ее, чтобы она могла видеть его лицо.

– Ты и я, Келси, мы оба были частью всего этого с самого начала.

– И, может быть, мы не подошли бы так близко к завершению этой драмы, если бы не нашли друг друга. Теперь ты захочешь разыскать его, верно? Я имею в виду твоего отца.

– Мне придется разыскать его.

– Можешь предоставить это дело Росси. Гейб неожиданно почувствовал, как сжались руки Келси и как напряглось ее тело.

– Послушай, Гейб, он хочет отомстить тебе. Если он попал

в контору Руни вскоре после нас, то он, возможно, следил за нами! Он ищет способа добраться до тебя и нанести удар.

– Вот поэтому-то я и должен отыскать его первым. Это мой круг, Келси, и я должен сам замкнуть его.

– Но если мы пойдем в полицию...

– Кстати, почему мы до сих пор туда не позвонили?

Келси отвернулась. Гейб слишком хорошо видел, что у нее на сердце и на душе, и не стал добиваться ответа.

– Хорошо, – вздохнула она наконец. – Я должна поговорить с Наоми, а ты – найти своего отца. Это должно все решить. Подвези меня домой, пожалуйста.

Когда «Ягуар» остановился у дверей усадьбы, Гейб предложил Келси пойти с нею, но она отказалась. Она чувствовала, что должна сделать все сама. Дождавшись, пока свет над крыльцом погаснет, Гейб запустил мотор и отъехал. Ему предстояло сойтись лицом к лицу со своими собственными демонами, и первый из них вовсе не носил фамилию Слейтер.

Оказавшись в доме, Келси бросила взгляд на лестницу. Время было позднее, и Наоми, несомненно, уже легла. Может быть, подождать до завтра? – мелькнула у нее в голове трусливая мысль. Ведь ждали же эти новости двадцать с лишним лет, могут подождать и еще...

Нет уж, рассуждать так – это точно трусость, решила Келси и, вздохнув, направилась в кухню. Она заварит себе ча-

шечку чая и, попивая ароматный настой, во всем как следует разберется – ведь надо же ей хотя бы определить, с чего следует начать.

Келси была удивлена, застав на кухне Герти, которая загружала тарелками моечную машину. – Герти? – окликнула она, и старая прислуга вздрогнула.

– Ах, это вы, мисс Кел? Как ты меня напугала, малышка. – Герти прижала руку к своему розовому переднику.

– Уже далеко за полночь, ты не должна работать в такую поздноту.

– Да нет, я просто мыла свои тарелки. Сегодня вечером показывали фильм с Бетти Дэвис, называется «Привет, путешественник!». Так я отрезала себе кусок лимонного кекса и проплакала все два часа. – При мысли об этом Герти счастливо вздохнула. – В наши дни таких фильмов уже не делают, мисс Кел.

– Да... – Лихорадочно раздумывая о том, как поддержать разговор, Келси подошла к буфету, взяла чайник и двинулась с ним к раковине, чтобы набрать воды. Движения ее были механическими, но достаточно быстрыми. – А как все остальные? Уже спят?

– Хочешь чаю, дочка? Погоди, дай я сделаю. – Герти ревниво оттеснила Келси от раковины и, закрыв чайник крышкой, водрузила его на плиту. – Мистер Ченнинг где-то бродит с Мэттом Ганнером. Лошадь с фермы Уильямсов совсем плоха, и они не знают, протянет ли она до утра.

– Ох, какая неприятность!

– Как ни стыдно мне такое говорить, мисс Кел, но я все-таки скажу... – Герти принялась согреть фарфоровый заварочный чайник. – Этот ваш братец, Ченнинг, был просто в восторге, когда узнал, что ему придется полночи просидеть в конюшне. Я сказала ему, что не буду запира́ть дверь в кухне и что в холодильнике будет стоять тарелка с жареным цыпленком, да только он все равно не станет его разогревать.

– Он и так будет на седьмом небе, – заверила ее Келси.

– Да мне, в общем-то, нравится, когда мистер Ченнинг где-то поблизости.

– И мне тоже, Герти. Налей-ка мне две чашки – я хочу отнести одну маме.

– Так она спит, золотко мое. – Герти взяла с полки чай из ромашки и на глаз насыпала заварки в фарфоровый чайник. – Она выглядела такой усталой, такой расстроенной, что я уж не стала ее спрашивать. Час назад я отнесла ей снотворное.

– Снотворное?

– Ну да. Мисс Наоми, конечно, сказала, чтобы я не поднимала шума из-за ерунды, но только она все равно выглядела скверно – сама бледная такая, и глаза ввалились. Хороший крепкий сон – вот что ей нужно. Я так ей и сказала, и она послушалась свою Герти. Как пойду к себе – загляну к ней, проведаю.

– Я сама проведаю маму. – Келси покосилась на чайник

со смесью облегчения и покорности во взгляде. – Тогда одну чашечку, Герти. А с Наоми я поговорю утром.

– Да, к утру-то она оправится. Перетрудилась, бедняжка.

Герти поставила на поднос чайник, чашку с блюдцем и крошечный молочник со сливками.

– В последние месяцы она выглядит счастливее, чем я когда-либо видела за долгие-долгие годы, прямо светится вся. И все это ты сделала;. Кел. Пусть кругом что хочешь творится, да только мать всегда будет сохнуть по своему дитю-то...

– Но я никуда не денусь.

– Я знаю, золотко. И она знает. Не засиживайся поздно.

– Не буду. Спокойной ночи, Герти. Келси отнесла поднос в свою комнату и только потом заглянула к Наоми. В свете луны, пробивающемся в окно, она увидела, что ее мать крепко спит.

Значит, объяснение откладывается до завтра, заключила она и юркнула в свою комнату – ждать рассвета.

Гейб не остановился возле своего дома, а подъехал прямо к конюшне. В конторе над кузнечной мастерской он увидел свет. Оставив машину на дорожке, Гейб вскарабкался по лестнице и, не постучавшись, вошел.

Джемисон сидел за своим столом и что-то писал. Перед ним были аккуратно разложены стопки бумаг, возле локтя стоял бокал с бренди. Заслышав скрип плохо смазанных петель, Джемисон поднял голову и по-совиному заморгал.

– Что так поздно, Гейб?

– Я мог бы спросить о том же у тебя.

– А-а... – Джемисон с усталой улыбкой указал на бумаги. – Рутина! Столько бумажек, и совершенно нет времени заниматься ими. Я люблю работать ночью, когда все тихо и никто не мешает сосредоточиться. Между прочим, вон там на полке есть банка растворимого кофе, – добавил он. – Можешь подогреть чайник, он на плитке.

– Не хочу. – Гейб рассматривал своего тренера и своего старого друга в желтом свете настольной лампы. Последние напряженные месяцы не прошли для него даром. Тени под глазами были похожи на синяки, а морщины по углам рта стали настолько глубокими и резкими, словно были прорезаны ножом.

Нет, это лицо не было похоже на лицо человека, который воспитал «трижды венчанного» – обладателя трех главных призов скакового сезона.

– Помнишь, я все время болтался возле конюшни, когда работал здесь? Все приставал к тебе и Мику.

– Это точно. – Джемисон расслабил плечи, невольно напрягшиеся под пристальным взглядом Гейба. – До всего-то тебе было дело, все было интересно. Правда, иногда, для разнообразия, что ли, ты усаживал нас сыграть в покер и выставлял на недельный заработок.

– Насколько я помню, Канингем не давал тебе вздохнуть свободно. Если ты давал ему одного чемпиона, он требовал

у тебя двух. Каждый раз, когда на носу была большая скачка и Канингом видел возможность сорвать большой куш, он принимался метать икру, что, дескать, Моисей из «Трех ив» умеет растить классных крэков, и если тебе это не под силу, так он, мол, найдет человека, которому это по плечу.

– Да, – согласился Джемисон. – На Канингема нелегко было работать. Я подготовил для него нескольких неплохих лошадей, которые выиграли немало скачек, а один раз, еще в восьмидесятых, наш Попробуй Снова стал Лошадью года. Но Канингом так ни разу и не был доволен по-настоящему.

– Ему нужна была победа на дерби, а ты так и ;не добился этого для него. Даже после того, как Чедвики в Кинленде потеряли своего жеребца – в семьдесят третьем, кажется? – ты не сумел выиграть, хотя канингомовский скакун и считался фаворитом. – Голос Гейба был негромок и холоден. – Твой конь пришел третьим, насколько я помню. Всего лишь третьим. Должно быть, для тебя это было настоящим ударом.

Джемисон погрузился в воспоминания, и его губы едва заметно дрогнули.

– Ну что же, на дерби даже такое выступление – уже успех, и я несколько не стыжусь. Жеребец не выложил в полную силу и проиграл на последнем фарлонге. Да и вообще обстановочка была еще та – это ведь было вскоре после того, как Бенни повесился.

Он медленно поднес к губам стакан и сделал глоток.

– Вы с Бенни тесно общались?

– Мы были добрыми друзьями.

– Ага, друзьями... – Гейб развернул попавшийся ему под руки стул и уселся на него верхом. – Насколько глубоко ты был в этом замешан, Джеми? Тогда и сейчас?

– К чему ты клонишь, Гейб?

– Вы с Бенни были близкими друзьями. Это ты уговорил его «посолить» скачку или просто молча согласился с его планом? Я скажу тебе, что я думаю, – вкрадчиво продолжал Гейб, не дожидаясь ответа тренера. – Я думаю, ты просил Бенни помочь тебе. Ты просил немного подстегнуть жеребца. Канингейм слишком давил на тебя, добиваясь этой победы. Возможно, он даже обещал тебе львиную долю призовых денег, а возможно – просто продолжал наседать, пока ты не сломался. А сломавшись, ты потащил за собой и Бенни Моралеса.

Глаза Гейба скользнули куда-то в угол, наконец-то оторвавшись от лица тренера.

– Победа на дерби, Джеми, – разве не этого ты всегда хотел, но только сейчас получил?

– Не говори глупостей, Гейб. Ты слишком давно меня знаешь.

– Знаю, Джеми, в том-то и дело, что знаю. И мне хорошо известно, что в конюшне без твоего ведома не происходит ровным счетом ничего. Я не связал тебя с тем, что недавно случилось с жеребцом Наоми, и с тем, что чуть было не произошло с моим Дублем. Моя ошибка, – решительно сказал

он, заметив, что Джемисон опустил взгляд. – Никогда бы не подумал, что ты способен убить лошадь только для того, чтобы выиграть скачку. Какой бы важной она ни была.

Гейб достал из кармана сигару и стал внимательно ее рассматривать. Джемисон молчал.

– Эта-то уверенность и ослепляла меня, – продолжил Гейб. – Но только до тех пор, пока Рено не покончил с собой. Он не знал, что это смертельная доза. И ты не знал. Ты просто дал моему жеребцу преимущество, исключив Горди из борьбы. Разве мой отец представил это не так, а, Джемми? Почему бы не дать себе фору, ведь никто не узнает?

– Я мечтал о собственном доме, о собственной ферме, – прошептал Джемисон. – Человек имеет право на собственный дом после того, как он столько лет ухаживает за чужим. В любой другой год Дубль выиграл бы дерби играючи. Почему именно в этот год и именно Моисей подготовил лошадь, которая могла с ним тягаться? Почему?!

– Просто тебе не повезло. – Гейб закурил сигару. Он больше не чувствовал ни сожаления, ни горечи.

– Тебе тоже нужна была эта победа, Гейб! И не говори мне, что нет.

– Да, нужна. Я не буду этого отрицать.

– И ты хочешь сказать, что не воспользовался бы способом победить наверняка, если бы знал – как?

Гейб поднял голову, и его глаза сверкнули, но не сожаление и не сочувствие горели в этом взгляде.

– Если ты так считал, то почему ничего не сказал мне?

– Ты был дикой картой в колоде. Так сказал Рик. Ты был дикой картой, и тебе нельзя было доверять. Ты только погляди, как этот жеребец несется по треку, Гейб! – с отчаянием в голосе воскликнул Джемисон. – Подумай об этом! Он выиграл Тройную Корону, и никто не смог ему помешать.

– Но какой ценой, Джемми? Это ведь не просто убитая лошадь – это и Мик, и Рено. Глаза Джемисона наполнились слезами.

– Это не я, Гейб! Господи Иисусе, неужели ты мог подумать, что это я? Липски действовал на свой страх и риск. О том, что он натворил, я узнал только потом, когда было уже поздно...

Его голос надломился, Джемисон замолчал, и некоторое время Гейб не слышал ничего, кроме его натужного дыхания. Наконец он справился с собой и снова заговорил:

– Рик хотел, чтобы ты кое о чем задумался, но он ничего мне не говорил. Я не знал, что он собирается добраться до Дубля. Господь свидетель, Гейб, это должен был быть жеребец Чедвик. Дисквалификация, скандал и все такое...

Он вздрогнул всем своим большим рыхлым телом и снова замолчал, ожидая, пока Гейб заговорит. Но Гейб молчал, и тишина начинала действовать на Джемисона угнетающе.

– Ты должен мне верить, Гейб. Это Рик и Канингатем заварили всю эту кашу. Ты, наверное, и сам догадался...

– Да, я догадался.

– Рикю было мало дисквалификации. И мало денег, которые он за это получил. Он же жаден, как я не знаю что! Рик использовал нас, чтобы прикончить Горди. Ты не представляешь, как я мучился, когда он упал на дорожке, и потом, когда я понял, что Рик заставил нас совершить. А Рено... – Джемисон закрыл лицо руками. – Я любил этого парня, Гейб. Я много раз говорил ему, что он не виноват, но он не хотел меня слушать. Рик все подстроил, Рик виноват во всем! А когда он опять явился сюда и сказал, что хочет играть по другим правилам...

– Что-что?

Джемисон отнял от лица руки и, снова взяв стакан с бренди, выпил его мелкими глотками словно лекарство.

– Он не хотел, чтобы тебе досталась Корона. Мысль о том, что тебе это по силам, точила его изнутри. Мне он сказал, что это просто работа – маленькая побочная ставка, которая должна принести нам обоим неплохой барыш. На самом деле все было в деньгах. Он же держал меня за горло, разве ты не видишь? Меня и Рено. Только я никогда бы не согласился калечить Дубля, уж ты мне поверь. На этот раз я сам взял у Рика наркотик. Доза была достаточной для того, чтобы его дисквалифицировали. Никакого вреда.

Зрачки Гейба сузились настолько, что напоминали два раскаленных угля.

– В ту ночь, когда Келси пришла в конюшню... Это ведь ты был там, верно? Это ты ударил ее?

– Я не причинил ей никакого вреда. Мне просто нужно было выбраться оттуда, пока меня кто-нибудь не увидел. Кипа я устранил, да и он, в общем-то, отделался головной болью. Келси появилась неожиданно, и я не успел закончить. Я просто...

– За одно это я готов разорвать тебя на части! Словно атакующая змея, рука Гейба метнулась вперед и схватила Джемисона за горло.

– За одно это, – пробормотал он, стискивая пальцы.

– Я напугался, Гейб! – Джемисон в панике вцепился обеими руками в пальцы Гейба, но они держали, как клещи. – Господи, я от страха просто не соображал, что делаю. Ты что, не понимаешь?!

– Я многое теперь понимаю. – Гейб с отвращением выпустил горло тренера. Джемисон с жадностью глотнул воздуха, и его лицо, ставшее иссиня-багровым, стало понемногу приобретать нормальный цвет.

– Он загнал меня в угол, разве не ясно? Когда я отказался, Рик сказал, что нам обойм – мне и Рено – придется дорого заплатить, если не будет, как он сказал. И я попробовал, хотя, видит бог, у меня сердце обливалось кровью. Но из-за Келси ничего не вышло. Потом Рено пытался сделать то же самое в Бельмонте, но не смог. Он же повесился, Гейб! Никакая лошадь не стоит того, чтобы из-за нее умирать!

– А убивать?

– Я же говорю тебе, я не...

– Расскажи это кому-нибудь другому, – резко прервал его Гейб.. – Например, самому себе. Расскажи, как ты стал невинной жертвой, как тебя использовали без твоего ведома. Расскажи себе, что все, что случилось с Моралесом, с Миком, с Рено и даже с Липски – все это простое невезение. Несчастное стечение обстоятельств. Интересно, сможешь ли ты с этим жить?

Он поднялся и пинком отшвырнул стул.

– Я был вынужден, Гейб! Но сегодня я сказал ему – нет. Сегодня и сказал! Гейб вскинул голову.

– О чем ты толкуешь?

– Рик был тут. Примерно час назад. Он был пьян как сапожник и говорил всякие вещи.., что убьет всех лошадей, сожжет конюшню и так далее. Одному богу известно, что он мог Здесь натворить, если бы я не вышвырнул его вон.

Последние слова Джеми буквально прокричал вслед Гейбу, который круто развернулся и уже бежал вниз по ступенькам. Оказавшись в конюшне, он включил весь свет и, давась страхом, начал методично, один за другим, проверять денники.

– Говорю тебе, я не пропустил его в конюшню, – сказал за его спиной Джемисон. – Послал его проспаться и объяснил, что больше не желаю иметь с ним никаких дел. Что больше не буду выполнять для него грязную работу. Особенно после того, как Рено умер. Ни грязную, ни какую другую...

Гейб остановился возле денника Дубля. Почувяв его, жеребец подошел к самой дверце и лениво ткнулся носом в руку.

– Ты больше здесь не работаешь, Джеми, – сказал Гейб устало. – С тобой – все. Собирай свои вещи и уходи. Сегодня же.

– У человека есть право на свое место в жизни, – прошептал Джемисон. – На свой угол, на свой собственный дом. Ты должен понимать это...

– Я понимаю. Но твое место не здесь. Больше не здесь.

В течение двадцати минут Гейб разбудил трех конюхов и поставил их охранять лошадей. Он решил, что до тех пор, пока он не отыщет отца и не зароет его живым в землю, конюшня будет охраняться двадцать четыре часа в сутки. Рик вернется, размышлял Гейб, шагая к дому по засыпанной хрустящим гравием дорожке. Жадность и ненависть непременно заставят его вернуться.

Он был уверен, что его отец не успокоится до тех пор, пока не сделает своего сына самым несчастным человеком на земле. Для этого Рик не побоится уничтожить, растоптать самое главное, самое дорогое.

Гейб почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Он кое-что упустил. Нет, не лошадей – что-то еще более дорогое, самое заветное. Келси!..

Герти нанесла на лицо крем, который она заказала в телемагазине «Покупай, сидя дома!». Время от времени она поз-

воляла себе эти маленькие удовольствия, хотя никому о них не рассказывала. В последний раз бойкая молодая продавщица, возникшая на экране маленького кухонного телевизора, без труда уговорила Герти приобрести крем для лица, который она сравнивала со вторым рождением – не меньше.

Герти, впрочем, не надеялась на чудеса. Единственное, чего ей хотелось, это сделать чуть менее заметными морщины, которые с недавних пор начали неумолимо возникать на ее лице.

Тщеславие!

Она широко ухмыльнулась, глядя на свое отражение в зеркале. Для женщины, которая прожила на белом свете более полувека, подобное тщеславие было по меньшей мере странным, однако, когда Герти взгляделась в свое лицо пристальнее, ей показалось, что «гусиные лапки» морщин возле глаз стали чуточку менее глубокими.

Удовлетворенная результатами своего нового вечернего ритуала, который она совершала вот уже почти неделю, Герти поднялась, чтобы снять халат, но, услышав, как скрипнула кухонная дверь, снова запахнула полы и улыбнулась.

Этот мальчишка, подумала она, непременно полезет в холодильник и оставит после себя полную мойку грязной посуды. Кроме того, она знала, что молодые люди в возрасте Ченнинга редко обращают внимание на просыпавшиеся на пол крошки и кусочки застывшего жира. Нет, лучше выйти к нему и самой собрать ужин да проследить, чтобы Ченнинг

запил цыпленка четвертой молоком вместо содовой шипучки, которую он постоянно тянул из этих ужасных жестяных банок.

– Я знаю, что вы здесь! – С этими словами Герти распахнула дверь кухни и шагнула внутрь. – Нечего прятаться. Нука, садитесь за стол, мистер Ченнинг, и я...

Она остановилась и нахмурилась. В свете небольшого светильника, который она оставила зажженным специально для Ченнинга, Герти увидела, что кухня совершенно пуста.

– Наверное, мои уши начинают шуточки со мной шутить, – пробормотала она. – Хорошо бы по телевизору продавали какое-то средство и от глухоты.

Она стала поворачиваться, и в это мгновение ее затылок взорвался болью. Жалобно, по-птичьи пискнув, Герти мешком повалилась на кафельный пол.

Рик Слейтер стоял над ней, пьяно усмехаясь и похлопывая себя по ладони тяжелой скалкой. Уложил старую кошелку ее же кухонным инструментом, подумал он и пнул Герти носком башмака под ребра, но покачнулся и с трудом сохранил равновесие.

Ничего, это мы поправим, решил он, имея в виду частично утраченную координацию движений, и достал из заднего кармана заветную фляжку. Когда в его пересохшее горло выкатилось несколько жалких капель, он выругался и, засунув флягу обратно в карман, переступил через бесчувственное тело Герти. Здесь должна быть выпивка, подумал он. Хо-

рошая, качественная выпивка. Он заправится как следует, а потом пойдет искать Гейбову милую голубку.

Келси мерила шагами свою комнату и, прихлебывая чай из второй чашки, думала о том, как было бы хорошо, если бы Ченнинг уже вернулся домой. Тогда по крайней мере она могла бы поговорить хоть с кем-нибудь. Да и кто, кроме Ченнинга, в состоянии понять этот невероятный конфликт? Даже Гейб, хоть и умел хорошо утешать, не разделял с Келси ее воспоминаний, ее разочарований и привязанностей. Что касалось Ченнинга, то он умел быть надежным и твердым, как скала, если семейные проблемы вставали во весь рост.

Утром, через какие-то несколько часов, она расскажет Наоми все, что она узнала. И Келси не сомневалась, что эта история будет оправдательным вердиктом для одной из женщин, которых она любила, и приговором для другой.

А Келси не могла не признать, что, несмотря на все свое негодование, гнев и горечь последних откровений Руни, она все еще любила свою бабушку.

Милисент Великая, подумала она, закрывая глаза. Как-то она переживет этот скандал, не говоря уже о законе, который тоже может оказаться достаточно суров? А в том, что закон обрушится на Милисент всей своей мощью, Келси почти не сомневалась. Если только...

Внизу раздался звон разбитого стекла, и Келси вздрогнула. Это Ченнинг, подумала она, опуская чашку на ночной

столик. Она не слышала, как он подъехал, но кто еще может бродить там, внизу, в темноте, в тщетной попытке не перебудить весь дом?

С облегчением вздохнув, Келси выскочила из комнаты и поспешила к лестнице, чтобы скорее увидеть брата.

– Ченнинг, ты идиот! – прошипела она, спускаясь на первый этаж. – Что ты расколотил? Если это одна из хрустальных лошадей Наоми, я, ей-богу, тебя выдеру. Вернее – попытаюсь. Ты хоть знаешь, сколько они стоят?

На последних ступеньках лестницы она, однако, остановилась и прислушалась. В доме вдруг стало так тихо, что по рукам и спине Келси пробежал какой-то леденящий холод.

Прекрати! – приказала она себе и, потирая ладони друг о друга, кое-как согрела руки.

– Ну давай, Чен, вылезай! – сказала она резко. – Мне некогда играть в прятки. Я хочу поговорить с тобой.

Она сделала шаг вперед и включила свет в прихожей.

– Я знаю, что ты здесь, Ченнинг. Твоя кошачья грация всегда тебя выдает. Это важно, Чен!..

Раздражение помогло ей одолеть страх, и она решительно прошла в гостиную. На ковре сверкали в лунном свете осколки хрусталя.

– Так и есть – лучшая ее лошадь! Ченнинг, ты болван!

Она наклонилась, чтобы собрать с пола осколки.

– Вся королевская конница... – сказал у нее за спиной Рик Слейтер. – Вся королевская рать... Он ослабился, глядя на

Келси сверху вниз.

– Но сможет ли дочь королевы осколки обратно собрать?

Запрокинув голову, он расхохотался – так ему понравился стишок, который он сочинил на ходу.

Глава 14

Келси негромко вскрикнула от удивления и боли, когда ее рука непроизвольно сжала осколок хрустала. По ладони обильно потекла кровь.

– Поосторожнее, крошка. – Рик наклонился над ней. – Иначе ты разрежешь себя на ленточки.

Он немного покудахтал над ее порезом, потом галантно предложил Келси свой носовой платок.

– Не хотел тебя пугать, детка, но мне показалось, что нам пора поболтать. Я же вижу – ты почти каждую ночь проводишь в постельке у моего щенка.

– Вы – отец Гейба! – Келси вскочила на ноги, но проделала это недостаточно быстро. Рука Рика метнулась вперед и сомкнулась на ее запястье.

– Что, похож, да? Бабы всегда говорили, что мы с моим мальчишкой просто как две капли воды... Семейное сходство. – Его глаза, лихорадочно сверкавшие от выпивки и предвкушения торжества, оглядели лицо Келси.

– Да ты настоящая куколка! – воскликнул он. – Теперь ясно, с чего это мой пацан надумал к тебе прислониться. Нука, что тут у тебя? Ничего страшного. Вот, держи крепче... – Он заставил Келси зажать платок в окровавленной руке.

Келси машинально подчинилась.

– Если вы ищите Гейба... – Келси ненадолго замолчала,

пытаясь оценить ситуацию. – Он наверху, – быстро нашлась она. – Хотите, я поднимусь и позову его?

– Чего я никогда не переносил от баб, так это вранья. – Рик с такой силой толкнул ее в кресло, что голова Келси непроизвольно откинулась назад. – Так что давай выкладывай на чистоту.

Он наклонился над креслом и взялся за ручки, так что Келси оказалась зажата между его руками.

– Гейба нет наверху, так? Я своими глазами видел, как он высаживал тебя из своей карнавальной тачки примерно час назад. Не знаю, правда, чего это он отправился домой один, когда у него есть такая роскошная грелка для койки, как ты. Впрочем, мне так и не удалось вколотить в этого мерзавца ни крошки здравого смысла.

Рик потрепал ее по щеке и ухмыльнулся. Ощущение власти и безнаказанности стало еще сильнее, когда он увидел, как Келси отпрянула.

– Но это, пожалуй, даже к лучшему. Так мы с тобой сможем ближе узнать друг друга. Ба-а! А это что такое? – все еще смеясь, он схватил ее за руку и поднес к глазам. – Обручальное, что ли? – спросил Рик, разглядывая ее кольцо. Внезапно выпустив руку Келси, он помахал у нее перед носом согнутым пальцем. – Похоже, мой щенок решил сделать из тебя честную женщину, крошка! Что же, это определенно шаг вперед; насколько я знаю, Гейб никогда не предлагал ничего подобного шлюхам, с которыми он обычно якшался.

Не принимай на свой счет, – закончил он неожиданно.

– Что вы, я все понимаю, – отозвалась Келси, надеясь поддержать разговор и выиграть время. – Мы с Гейбом решили пожениться в августе. Надеюсь, вы придете на свадьбу?

Лицо Рика даже не дрогнуло, но тыльная сторона его ладони врезалась ей в лицо с такой силой, что Келси невольно вскрикнула и зажмурилась.

– Что я тебе говорил насчет вранья, а? Забыла?! Да вы оба предпочли бы, чтобы я сдох не сходя с этого места! Что, не так?!

Келси часто заморгала, стараясь прогнать оранжевые круги, которые после хлесткого удара все еще плавали перед глазами.

– Я совсем не знаю вас, – сказала она осторожно, хотя знала достаточно, чтобы бояться, и дрожь страха выдала ее.

– Знаешь, крошка, знаешь. Готов биться об заклад, что мой любящий сын выложил тебе все, что знал. И твоя мать тоже.

При мысли о Наоми его лицо стало угрюмым.

– Да-да, – кивнул он, – Наоми тоже могла бы многое порассказать о старом добром Рике.

Келси сделала все, чтобы ее подбородок перестал дрожать.

– Простите, но она никогда о вас не упоминала.

Мрачная улыбка исчезла с лица Рика.

– Сука! И всегда была сукой. Ты – ее точная копия.

– В некоторых отношениях – да. Вы делаете мне больно, мистер Слейтер.

– Рик, крошка. Зови меня Рик. Или попросту папочкой. Ведь мы скоро станем родственниками. – При мысли об этом Рик расхохотался так, что на глазах его выступили слезы. – Мы породнимся и заживем одной большой и дружной семьей. Клянусь чем угодно, эта старая сосулька закипит от злости при одной мысли об этом! Я имею в виду твою бабушку Милисент. Разве я не упоминал, что мы с ней хорошо знакомы? Да у нее пена из ушей пойдет, когда она узнает, что ее любимая внучка решила поиграть в любовь с сыночком старины Рика. Она, как ты знаешь, ненавидела твою мать. Ненавидела и продолжает ненавидеть.

– Я знаю.

– А знаешь, что я думаю? – Он ущипнул Келси за щеку так, что она снова невольно вскрикнула от боли. – Я думаю, ты должна налить нам обоим по порции виски. А потом мы начнем знакомиться по-настоящему.

– О'кей... Рик.

Он отступил в сторону, и Келси соскользнула с кресла. Ее взгляд метнулся сначала к французским окнам, ведущим на веранду, потом на дверь, выходящую в прихожую. Она была уверена, что сумеет оторваться от него, если ей удастся выбраться из комнаты.

– Даже не пытайся, куколка, – пробормотал Рик, внимательно за ней наблюдавший. С этими словами он ухватил

Келси за руку, и его пальцы больно сжали ее. – Ведь ты не хочешь, чтобы я сделал тебе еще больней?

– Здесь в шкафчике есть коньяк «Наполеон».

– Сойдет. – Рик подтащил Келси к буфету. – Налей-ка нам обоим пальца на четыре.

Он уже пьян, с отчаянием подумала Келси. Если она нальет ему большую порцию, он закосеет сильнее, и тогда ей, возможно, удастся обмануть его бдительность.

– Гейб как-то говорил, что вам пришлось много путешествовать.

– Да, побывал кое-где.

– Я очень люблю новые места. – Келси улыбнулась и протянула ему бокал. – Ваше здоровье.

Она подняла свой и негромко звякнула хрусталем о хрусталь.

– Да ты, оказывается, умеешь владеть собой. – Рик залпом выпил коньяк и с удовольствием выдохнул воздух. – Эта черта нравилась мне в Наоми больше всего остального. Она – как большой глоток холодной воды, эта Наоми. Впрочем, кому-кому, а мне-то она ни за что не дала бы напиться. Пусть другие хлебают эту ее прохладу, но только не старина Рик – вот как она всегда себя вела. Может быть, теперь она позволит мне сделать хотя бы маленький глоточек? А нет – так я сам... Спорю на что угодно, я сумею заставить Наоми изменить свое поведение. Она наверху?

– Ее нет дома.

Келси еще не договорила, как новый удар в лицо заставил ее пошатнуться. Из глаз посыпались искры, а затылок отозвался тупой болью. В первое мгновение Келси даже не поняла, что упала и стукнулась головой о пол возле буфета.

– Лживая сучка! – Похабно улыбнувшись, Рик налил себе еще коньяку. – Такая же, как и твоя мать. Пожалуй, я все-таки начну с тебя. Интересно, какова ты на вкус, крошка.

На этот раз Рик хохотал до тех пор, пока у него не заныли бока, – таким забавным показалось ему выражение животного ужаса на лице Келси.

– Нет, не бойся – мне не пристало подбирать объедки за моим щенком. Кроме того, я предпочитаю.., более зрелых женщин. Твоя мать часто бывала на ипподроме.., и тогда, и теперь. Если бы твоя бабка в свое время наняла меня, а не этого слабака Бредли, который без понюшки кокаина шагу ступить не мог, все могло бы быть по-другому. Пойдем спросим у Наоми – может быть, она даст старине Риду шанс попробовать еще раз?

– Держись от нее подальше. – Келси вскочила на ноги, хотя голова у нее кружилась, а перед глазами все плыло после удара в переносицу. – Я убью тебя, если ты тронешь ее хоть пальцем!

– Пальцем? Ха-ха-ха! – Рик снова заржал. – Как ты похожа на свою мать – готова убить человека только за то, что он следует велениям природы.

– Мне все про тебя известно. – Стараясь сохранить рав-

новесие, Келси схватилась за полочку буфета. Ей нужна одна минута, уговаривала она себя. Всего одна минуточка, чтобы прийти в себя, чтобы справиться с болью в голове и удостовериться, что ноги перестали подгибаться. – Гейб поехал за полицией. Они вернутся с минуты на минуту.

Рик снова замахнулся, и Келси невольно попятилась, едва не упав при этом.

– Ну-ка, говори правду, крошка, иначе я изуродую тебя так, что мать родная не узнает.

– Но это правда! Сегодня вечером мы встречались с Чарльзом Руни, и он все нам рассказал. – Келси стала пересказывать детали, надеясь выиграть время.

И Рик верил ей, она видела это по выражению его лица. И выражение его лица подсказало ей, что он может сделать кое-что похуже, чем ударить ее еще раз.

– Они застанут тебя здесь и упрячут в тюрьму, если только ты останешься, – продолжала она. – Точно так же, как когда-то копы засадили за решетку мою мать. Может быть, тебе еще удастся скрыться. Если уйдешь сейчас, они, возможно, тебя не найдут.

– У них ничего нет против меня. Ничего. – Рик взял с буфета ее стакан с коньяком и выпил. – Все это слова. Кроме того, ты позабыла про свою бабуку.

– Нет, не забыла. Мою мать осудили потому, что ее оболгали. Чтобы отправить за решетку тебя, достаточно будет правды.

– Он сдаст меня! – Рик в ярости швырнул опустевший бокал в черное жерло камина. – Мой собственный сын, моя плоть и кровь сдаст меня полиции! Ну что же, я заставлю его об этом пожалеть. Очень пожалеть!

Он бросился на нее. Паника и проворство молодости помогли Келси уклониться от его протянутых рук, так что Рик схватил только рукав ее блузы. Раздался треск рвущейся материи, и Келси, освободившись, ринулась к двери.

Рик настиг ее вторым прыжком и повалил на пол. От удара об пол боль залила ее тело, и Келси принялась отбиваться руками и ногами, всхлипывая от бессилия и страха. Первый ее удар попал Рикю в грудь, второй скользнул по плечу, третий вообще пришелся в пустоту. Одновременно Келси пыталась ползти по ковру к лестнице, но каждый дюйм давался ей с великим трудом.

Она была уверена, что Рик вот-вот прикончит ее. Забьет ее до смерти или задушит своими огромными сильными руками. А когда она умрет, "он поднимется наверх, чтобы напасть на Наоми.

Она вскрикнула только раз – когда он схватил ее за волосы и рывком запрокинул голову назад. Перед глазами Келси вспыхнул ослепительный свет, а слезы так и брызнули во все стороны. Если бы Келси могла говорить, она бы сдалась и стала молить о пощаде, но воздух, обжигавший ее горло при каждом вдохе и выдохе, странным образом не касался голо-
совых связок. Она была нема как рыба.

– Ну что, сука, получила свое? Получила?!

Будешь знать, как обманывать старину Рика!

Вытянутые вперед пальцы Келси нащупали на ковре длинный и острый осколок хрусталя. Ничего не соображая, Келси инстинктивно сжала его в кулаке и нанесла удар.

Рик взвыл, словно раненый зверь, и отпрянул. Из глубокой раны на щеке, куда пришелся удар стеклянным обломком лошадиной ноги, обильно хлынула кровь.

Негромко поскуливая от страха, Келси поднялась на четвереньки, потом выпрямилась и, прихрамывая, ринулась прочь из комнаты. Вслед ей летели его проклятия.

На ступеньках лестницы она споткнулась и упала, но встала не сразу. Несколько мгновений она не шевелилась, стараясь восстановить сбитое дыхание и прогнать застилающую мозг пелену страха. Казалось, ей это удалось, но когда она попыталась крикнуть, чтобы предупредить Наоми, из горла ее вырвалось лишь какое-то сиплое мяуканье. Сплюнув кровью, Келси поползла вверх по ступенькам и встала на ноги только на самом верху – когда услышала, что Рик гонится за ней.

– Нет!!! Келси схватила с широких перил лестницы вазу с лилиями и швырнула в него. Звон разбиваемого фарфора и хриплый крик боли подсказали ей, что снаряд попал в цель. Этим Келси выиграла несколько драгоценных секунд, которые оказались очень кстати, когда она пыталась повернуть дверную ручку спальни Наоми своими окровавленными

ми пальцами.

– Мама! Боже мой, мама! – напрягая все силы, Келси повернула наконец проклятую ручку и, ворвавшись в комнату, захлопнула за собой дверь. – Мама, проснись!

Всхлипывая, Келси возилась с защелкой, но пальцы ее онемели от боли и страха. Но вот шпингалет встал на место, и Келси, бросившись к кровати, схватила Наоми за плечи.

– Ради бога, проснись, мама!

– Что?.. – Снотворное было слишком сильным. Наоми не сразу проснулась и лишь раздраженно оттолкнула руки дочери. – В чем дело? – пробормотала она сонно.

– Проснись! Он сейчас будет здесь! Нужно бежать отсюда. Ты слышишь меня, мама?!

– Кто будет? – Наоми с трудом разлепила веки. – Что случилось, Келси?

– Он убьет нас! Вылезай же из постели, черт тебя возьми!

Келси завопила от ужаса, когда Рик налег на тонкую дверь спальни всей тяжестью тела.

– Вставай, мама!

Келси повернулась к двери и увидела, как за-, сов пляшет в гнезде.

– Она долго не продержится, он сейчас вышибет дверь! Господи Иисусе, мама, он сейчас будет здесь, и тогда... Револьвер! Где твой револьвер, мама?

Открывая один за другим ящички ночного столика, Келси сбивчиво бормотала молитвы. К счастью, револьвер был

на месте – хромированная сталь тускло блеснула в лунном свете в самом нижнем ящике, и у Келси вырвался вздох облегчения.

– Что ты делаешь? – Все еще в объятиях сна, Наоми никак не могла сориентироваться в происходящем. Каким-то чудом ей удалось сесть на кровати, но при этом она едва говорила, не в силах стряхнуть с себя сон.

– Господи боже мой, Келси, откуда ты взялась? Что происходит? Кто.., кто это ломится в дверь?

Громко затрещало дерево, и Келси обернулась. Револьвер она сжимала обеими руками, отчаянно боясь выронить оружие из своих трясущихся пальцев.

Дверь пала, Рик ворвался в спальню, размазывая по щеке темную кровь, и увидел Наоми, сидящую в постели в тонкой ночной рубашке. Одна бретелька сползла с мраморно-белого плеча, обнажая изгиб нежной груди. Оскалив зубы, Рик прыгнул вперед.

Келси почувствовала, как револьвер дернулся в ее руках точно живой. Плечи отозвались неожиданной болью.

Выстрела она не услышала.

– Алек?.. – Затуманенный мозг Наоми еще не воспринимал реальность, путая образы настоящего и прошлого.

– Это не Алек, – услышала Келси свой собственный, неестественно спокойный голос, доносящийся как будто издалека. – Это отец Гейба. Я убила его.

– Слейтер? – Борясь со сном, Наоми выбралась из постели

и – как и много лет назад – склонилась над мертвым женщиной. Машинально пощупав пульс, она выпрямилась.

– Рик Слейтер? – Она потеряла глаза. – Что, хотела бы я знать, здесь происходит?

– Я убила его, – повторила Келси, опуская руку с револьвером.

Наоми подняла на нее глаза и увидела на лице дочери шок, испуг, ужас. У нее самой дрожали ноги, но она заставила себя сделать шаг к Келси.

– Сядь, Келси. Ты должна сесть. Вот так, хорошо...

Она помогла дочери опуститься на край кровати. Ничего, ничего не имело теперь значения, кроме нее.

– Дай-ка мне револьвер. – Наоми вынула оружие из безвольных пальцев Келси и отложила в сторону. Кажется, теперь с этим будет все в порядке, подумала она. – А теперь пригни голову к коленям и попытайся дышать.

– Не могу. Не могу дышать...

– Можешь, я знаю. Медленно и глубоко... Ну, начали. Молодчина, Келси.

Пока Келси пыталась отдышаться, Наоми вкратце изложила свой план.

– Теперь я расскажу тебе, что именно мы должны делать. Постарайся все запомнить и сделать в точности, как я скажу. Поняла?

– Он хотел убить меня... И тебя тоже. Он бы и убил, но я застрелила его. Я не помню, как я нажала на курок, но он

мертв...

Зубы у Келси начали стучать.

– Я убила его!

– Нет, это я убила его. Посмотри-ка на меня, Келси...

Наоми осторожно взяла Келси за подбородок и заставила повернуться, но, увидев ее окровавленное, разбитое лицо, ахнула и вонзила ногти обеих рук в ладони в надежде, что боль поможет ей справиться с потрясением.

– Слушай меня, девочка... Он ворвался сюда и... – Она легко коснулась кончиками пальцев пореза на щеке Келси. – И избил тебя. Потом я достала револьвер и застрелила его.

– Нет, мама, все не так. Я никак не могла тебя разбудить.

– Нет, нет, деточка, я проснулась сразу же, как только ты убежала сюда. Ты хотела только спрятаться от него здесь, но он сломал дверь, и я застрелила его. Сейчас я должна буду позвонить в полицию, и мы должны сказать копам, что все было именно так.

– Я не... – перед глазами Келси все поплыло, и она обхватила голову руками. – Я не буду...

Она вздрогнула и громко вскрикнула, услышав на лестнице чьи-то тяжелые шаги.

– Господи... – Гейб бросил только один взгляд на тело своего отца, затем уставился на двух женщин, которые, тесно прижавшись друг к другу, скорчились на краю постели. – Келси!

Одним прыжком он преодолел расстояние от двери до

кровати, опустился на колени и взял ее изрезанные руки в свои.

– Он поранил тебя! Что он сделал с твоим лицом?! – вырвалось у него. – Я убью его!

– Я уже сделала это, – спокойно сказала Наоми. – Уведи ее отсюда, Гейб. Хотя бы к ней в комнату, а я пока позвоню в полицию.

– Со мной все в порядке, – настаивала Келси, но, как только она поднялась на ноги, комната закачалась, и Келси почувствовала, что куда-то проваливается.

– Тебе просто нужно лечь. – Гейб подхватил ее на руки и не дал упасть. – Я о тебе позабочусь. Он бросил взгляд на Наоми.

– Не волнуйся, я займусь Келси.

– Пусть остается у себя, пока я здесь не закончу. – Наоми сняла трубку телефонного аппарата, который стоял на тумбочке возле кровати.

– Он все время был рядом с нами... – пробормотала Келси и теснее прижалась к груди Гейба, который внес ее в спальню. – Он следил... И он погубил лошадь.

– Лежи спокойно. – Гейб опустил Келси на кровать, хотя ему хотелось держать ее на руках и не выпускать. Сейчас он мог бы не колеблясь убить человека или сокрушить все кругом. С трудом совладав с собой, он укрыл Келси шерстяным одеялом и почувствовал, что она вся дрожит. От пережитого потрясения зрачки ее стали величиной с булавочную голов-

ку, а лицо...

Гейб в бессильной ярости сжал кулаки. Лицо Келси было покрыто синяками и кровоподтеками. О том, кто это сделал, Гейб старался не думать; одна мысль, что это был его отец, могла привести его в такое бешенство, что он перестал бы отвечать за свои поступки.

Чтобы унять ярость, Гейб прошел в ванную комнату, намочил полотенце и набрал в чашку холодной воды.

– Ну-ка, малыш, выпей вот это. – Он сел рядом, помог Келси приподнять голову и поднес чашку к ее губам.

– Он был внизу, – прошептала Келси, и Гейб заметил, как ее пальцы с силой вцепились в край одеяла. – Я думала, это Ченнинг вернулся и разбил одну из хрустальных лошадей. Но это был.., был.., т-твой отец. Он все время улыбался, бил меня и улыбался...

Рука, в которой Гейб держал полотенце, сжалась с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

– Не бойся, он больше не тронет тебя... – Гейб пытался смыть кровь с ее лица, но пальцы его дрожали почти так же сильно, как у Келси. – Если хочешь, возьми меня за руку, Кел. Никто никогда больше тебя не тронет.

– Я не сумела обмануть его... – Вздрагивая всем телом, Келси прижалась к нему. Ей было очень холодно, а Гейб был таким уютным, теплым. – Я пыталась сблефовать, но ты говорил, что я не умею, к тому же я очень испугалась. И рассердилась. Он понял, что я вру, и снова ударил меня.

. Она прижалась своим разбитым лицом к его шее.

– У него такие огромные кулаки, Гейб!

Но он всегда предпочитал использовать их только против женщин, мрачно подумал Гейб.

– Я хотел бы убить его своими собственными руками, – пробормотал он. – Убить за то, что он прикоснулся к тебе.

– Дело не во мне... – Келси неожиданно почувствовала себя смертельно усталой. – В тебе... Он хотел отомстить тебе.

– Я знаю. – Гейб слегка повернул голову и легко коснулся губами ее лба, потом опустил Келси на подушки. – Теперь все позади.

Келси ненадолго прикрыла глаза. Потрясение и шок отступали, и боль от ушибов понемногу вступала в свои права. Тело ныло и болело так, словно его только что пропустили через мясорубку.

– Ты пришел... – прошептала она и на ощупь нашла его руку.

– Да. – Гейб посмотрел на их соединенные руки. – Интуиция. Только я немного опоздал.

Келси неожиданно открыла глаза, и в них промелькнула новая паническая мысль.

– Наоми!..

– С ней все в порядке. Если бы ты была одна... – Мысль об этом была настолько страшной, что Гейб непроизвольно вздрогнул, когда холодные когти чистого ужаса впились ему

в горло. – Я мог бы отпустить тебя. Прямо сейчас.

– Отпустить? – Келси вовсе не была уверена, что ей придется по душе то, что она обнаружит, однако она приподнялась на подушках и ощупала рукой опухшее, саднящее лицо.

– Честно говоря, я давно должен был уйти, – Уйти?

Плотный туман, застилавший ей взор, понемногу рассеивался. Теперь Келси ясно видела не отпускавшее его напряжение и бурю чувств в глубине глаз.

– Гейб... – Келси коснулась рукой его щеки, словно надеясь вернуть на лицо румянец, а в душу – спокойствие. – Не надо. Со мной все в порядке.

– Он разбил тебе лицо, разорвал твою одежду. Он напугал тебя. – Гейб отнял у нее руку и поднялся, – Этот человек был моим отцом. Не имеет значения, что всю свою жизнь я старался избавиться от малейших черточек его характера, которые всплывали во мне. Это наследственность, это – его кровь, и она всегда пребудет во мне. Мне не должно быть места в твоей жизни, Келси. Единственное, что я могу для тебя сделать, это уйти, исчезнуть.

Келси с трудом села на кровати. Боль при этом стала такой, что она едва не потеряла сознание, но каким-то образом ей все же удалось не повалиться обратно на подушку.

– Я тебя об этом не просила, – резко сказала она и поморщилась, услышав вдали скрежещущий вой полицейских сирен. – Если хочешь сделать мне одолжение, найди мне пару таблеток аспирина и держи свое дурацкое благородство при

себе.

– Я пытался вести себя как порядочный человек.

– А повел себя как настоящая свинья. Кроме того, я не люблю порядочных. Я люблю тебя.

Келси отбросила волосы и внимательно оглядела его.

– Ты что; рассчитывал воспользоваться моим состоянием, чтобы потихонечку смыться? Не выйдет, Слейтер. Мы заключили сделку, и тебе никуда не деться, покуда не заплатишь по счетам.

– Я всегда плачу по счетам. – Гейб снова опустился на краешек кровати и легко опустил руки ей на плечи. – Это была моя последняя попытка поиграть в благородство. Так ли, эдак ли, героя из меня не вышло. Это я должен был убить его, Келси. Убить, как собаку, и, желательно, голыми руками.

Келси дотронулась до его пальцев.

– Не надо, не казни себя. Ты не мог знать, что он придет сюда, что он сделает.., то, что пытался сделать. И все-таки ты пришел. – Она наморщила лоб, пытаясь соображать. – Почему ты пришел, Гейб?

– Теперь это не имеет значения. Все равно, это должен был быть я. Я должен был убить его, а не Наоми.

Келси отпрянула, и по лицу ее снова разлилась смертельная бледность.

– Это была не Наоми, – медленно сказала она. – Это я убила твоего отца, Гейб.

...Наоми медленно потягивала бренди из высокого бокала. Она сидела в кухне и шурилась на свет ламп, который был таким ярким, что резал глаза. Руки ее мелко-мелко дрожали.

Она не могла думать ни о чем другом, кроме того, что ее дочь – испуганная, израненная – лежит наверху и что Герти, верная Герти сейчас следует в больницу в карете «Скорой помощи».

– Должно быть, он прошел через кухню, – сказала Наоми. – И попал на Герти. Она поправится, правда?

Самообладание на мгновение изменило ей, и ее губы запрыгали.

– Она ведь такая хрупкая и совсем безобидная...

– Медики сказали, что она уже приходила в сознание, мисс Чедвик, – ответил лейтенант Росси, стараясь говорить тише. Сидевшая перед ним женщина выглядела так, словно она вот-вот может рассыпаться на куски. – Как только ее доставят в больницу, мы свяжемся с ними и узнаем, как дела у вашей горничной.

– Наверное, я должна была послать с ней Моисея.

– Он все равно вас не бросит, мисс Чедвик.

Нам и так очень нелегко удерживать мистера Уайттри снаружи. Расскажите же мне, что все-таки произошло?

Наоми глубоко вдохнула воздух и устало сказала:

– Он забрался в дом. Как – этого я не знаю.

Я спала наверху, в своей комнате, и слышала какой-то шум. Прежде чем я успела встать и одеться, в спальню во-

рвалась Келси. Она.., она была напугана и порядком избита, лейтенант. Ее лицо... я видела на нем следы ударов и кровь.

Наоми ненадолго замолчала, прижав ладонь к губам. Она проспала это. Она спала, пока внизу избивали ее дочь.

– Потом кто-то стал ломиться в дверь. У меня было такое впечатление, что человек бросается на нее всем своим весом. Я тоже испугалась и достала револьвер.., из ящика ночного столика. Когда он сломал замок, я выстрелила.

Росси смотрел, как она подносит к губам бокал, как пьет из него, удерживая другой рукой, чтобы стекло не стучало о зубы.

– Вы были еще в постели, когда застрелили его, мисс Чедвик?

– Да. То есть нет. – Наоми опустила свой бокал на стол. Нужно быть осторожной, напомнила она себе. – Я была около окна. Все произошло так быстро...

– Вы сказали, что вас разбудил шум и что ваша дочь вбежала в комнату до того, как вы успели подняться и узнать у нее, в чем дело. Это верно?

– Да. – Почему они постоянно повторяют за мной то, что я сказала? – удивилась Наоми, но вспомнила, что так было и раньше. Что она говорила, не имело значения. Никогда.

– Вы были в гостиной с того момента, как позвонили в полицию?

– Нет. – Наоми крепко сжала губы. Если здесь и была скрыта какая-то ловушка, она ее не видела. – Я не спускалась

вниз и оставалась наверху до тех пор, пока вы не приехали.

– Там настоящий разгром, мисс Чедвик. Кровь, сломанная мебель, разбитое стекло. На мой взгляд, для того, чтобы нанести такой урон, гм-м.., вашей собственности, злоумышленнику потребовалось бы некоторое время. Достаточно большое время, чтобы успеть встать с постели и выйти на лестницу.

– Я.., я испугалась.

Может, сказать ему про снотворное? – подумала Наоми. Да? Или все-таки нет?

– Я осталась в спальне, потому что боялась.

– Боялись, имея под рукой телефон и револьвер?

Наоми подняла голову и встретилась с ним глазами.

– Он ворвался в мою спальню, – сказала она ровным голосом. – И я его застрелила.

– Нет, это не правда! – в кухню вошла Келси. Она была благодарна Гейбу, который помог ей добраться сюда, но на пороге выпустила его руку. – Наоми никого не убивала.

– Келси, откуда ты взялась? Тебе нельзя здесь находиться! – Наоми в панике вскочила. – Отведи ее обратно в спальню, Гейб.

Она повернулась к Росси и в отчаянии схватила его за руку.

– Вы же видите, она избита! Что он с ней сделал, этот подонок... С моей дочерью! Она растерялась и не понимает, что происходит. Вряд ли она сумеет внятно объяснить вам,

как все случилось. Во всяком случае – сейчас.

– Не надо, мама.

Келси подошла к столу, и в ярком свете ламп ушибы на ее бледной коже стали видны отчетливее.

– Я все равно не дам тебе взять вину на себя – в этом нет необходимости. Это попросту несправедливо!

– Садитесь, мисс Байден, – пригласил ее Росси. – Садитесь и расскажите мне, что случилось.

– Молчи! – Наоми стремительно обогнула стол и схватила Келси за руки. – Послушай меня, Келси! Ты ранена, ты растерялась. Пусть Гейб отвезет тебя в больницу, а я обо всем позабочусь.

– Нет. – Келси решительно тряхнула головой и притянула Наоми к себе. – Нет, мама, не надо.

– Я не хочу, чтобы ты прошла через то, через что прошла я. Не хочу! – Наоми дрожала все сильнее, но сейчас это ее уже не волновало, и она только еще крепче сжала руки Келси. – Ты не представляешь, на что это похоже. Что бы ты ни говорила, не имеет значения. И что бы ни случилось – тоже. Они заберут тебя, Келси, заберут насовсем. Пожалуйста, послушай меня, Келси!

– На этот раз то, что случилось, имеет значение, – пробормотала Келси. – Все изменилось, мама.

Но Наоми так не думала. Почему что-то должно меняться, в особенности – полицейские?

– На револьвере – мои отпечатки, – твердо сказала она и

повернулась к Росси. Лицо ее было холодным и белым, как мрамор. – Револьвер хранился в моей спальне, и убит он был в моей спальне. Для вас этого должно быть достаточно, лейтенант.

– Наоми, – мягко сказал Гейб. – Сядь.

– Ты обещал мне позаботиться о ней! – воскликнула Наоми, поворачиваясь к нему. – Ты сказал, что сделаешь все, что нужно. Я прошу тебя, отведи ее наверх.

– Мисс Чедвик... – Лейтенант Росси впился в нее взглядом. – Вам, должно быть, известно, что существует несколько простейших способов узнать, кто из вас – вы или ваша дочь – произвел выстрел из револьвера.

– Плевать я хотела на ваши способы. Вы не отправите мою дочь в тюрьму!

– Думаю, что не отправлю, – неожиданно согласился Росси и добавил:

– Сядьте обе. Пожалуйста.

– Сядь, мама. – Колеи обняла Наоми за плечи. – И не бойся. Я обещаю, что все будет хорошо.

– Не хотите ли глоточек бренди, мисс Байден? – обратился к ней Росси, когда Келси уселась на стул напротив него.

Келси посмотрела на бокал и вздрогнула.

– Нет, что-то не хочется.

Она перевела дыхание и подняла на Росси глаза.

– Я услышала звон стекла внизу... – начала она свой рассказ.

Глава 15

Росинки сверкали на склоненных стеблях травы, словно драгоценные камни. Сидя на веранде на раскладном кресле, Келси любовалась их красотой, зная, что скоро солнце поднимется достаточно высоко и высушит влагу.

На площадках возле конюшен конюхи работали лошадей, мальчишки чистили стойла и наполняли кормушки, но тело Келси все еще слишком болело, чтобы она чувствовала угрызения совести от того, что ей не разрешают работать наравне со всеми. Отлучение от вил и скребниц должно было продолжаться еще неделю, и в глубине души Келси была этому только рада.

За спиной ее отворилась дверь, Келси обернулась и увидела Наоми.

– Как там Герти? – спросила она.

– Ей намного лучше. Настолько лучше, что она начала волноваться из-за всяких пустяков.

Наоми со вздохом села в соседнее кресло и с наслаждением вытянула ноги. Сначала она хотела налить себе кофе из кофейника, который стоял на столике рядом с Келси, но даже пошевелиться ей было лень.

– Приходится выдумывать всякие уловки, чтобы Герти оставалась в постели хотя бы еще день или два. Я сказала ей, что если она встанет, то волноваться начну уже я.

– Хитро придумано.

– Главное, это сработало. В настоящее время она занята тем, что смотрит по телевизору коммерческие каналы, которые предлагают разную дребедень, и скупает все подряд. Как ты себя чувствуешь, Келси?

– Прекрасно, но только до тех пор, пока мне не попадается зеркало. – Келси поморщилась. За последние два дня некоторые синяки почти совсем прошли, зато другие налились изжелта-серым цветом. – Пока я не вижу своего отражения, все происшедшее кажется мне дурным сном. Возможно, это просто такой период... Я знаю, что убила человека, но весь ужас этого до меня еще не дошел.

– Не думай об этом. Ты сделала то, что должна была сделать, чтобы защитить себя. И меня тоже. – Наоми подставила лицо солнечным лучам и зажмурилась. – Ведь я его совсем не помню, Келси. Совсем. Может быть, я изредка встречалась с ним на ипподроме, может быть, даже разговаривала с ним, но я не помню лица... И все же иногда мне кажется, что я должна была запомнить его, и запомнить хорошо – ведь этот человек сыграл такую важную роль в моей судьбе. В том, что стало с моей жизнью. А ты как думаешь?

– Он всегда был для тебя пустым местом. И знал это. Из-за этого Рик Слейтер так злился на тебя. В конце концов он нашел способ, чтобы отомстить тебе и заодно нажиться на этом.

Она наклонилась к столу и пододвинула поближе к Наоми

тарелку с печеньем.

– Солнечный... – пробормотала Наоми, не открывая глаз. – Как я любила этого жеребца!

Да, Рик отомстил мне.

– Она... Бабушка использовала и Алека Бредли... Для этого и еще для многого другого. Его и Канингема.

– Билл... – Наоми вздохнула. – Он оказался еще большим дураком, чем я всегда считала. И какую пользу он из этого извлек – тогда и сейчас?

Смешно!

– В прошлый раз Канингом вышел сухим из воды, но сейчас ему придется платить. Они заставят его..., я имею в виду полицию, суд, скаковую комиссию. Ему придется очень долго расплачиваться за то, что он сделал с Солнечным и с Горди. И не только деньгами.

– Боже, как много лет прошло с тех пор. И никто не догадался сложить два и два.

– Все могло так и кончиться – ложью и несчастьями, если бы Гейб не вернулся, если бы он не вытянул стрейт флеш на бубнах... – Она улыбнулась, увидев, что Наоми открыла глаза и потянулась к печению. – Если бы он не сделал себя самого таким, каков он есть.

– И если бы ты не влюбилась в него. Это – то главное, что уравнивает все зло. Когда я думаю, что могло бы случиться...

– Но ведь не случилось? Рик Слейтер заплатил жизнью

за все, что он сделал. С нашей.., с моей стороны это была чистая самооборона. Дело закрыто.

– Да, наверное, я зря пыталась лгать этому копу Росси. – Наоми стряхнула с рубашки крошки от печенья. – Он мне все равно не поверил. Странно, не правда ли: в похожих обстоятельствах я один раз сказала правду, в другой раз солгала, но ни то ни другое не сработало.

– Ты пыталась защитить меня.

Келси подумала, что сейчас, пожалуй, самый подходящий момент для того, чтобы сказать матери то, что она давно хотела сказать. Лишь бы Наоми правильно ее поняла.

– И тогда, когда я была маленькой, ты тоже защищала меня. И тогда, и сейчас ты была не права. И права.

– Да, простых ответов нет.

– Мне потребовалось много времени, чтобы понять, что ответ не всегда бывает единственным. Или однозначным.

Прежде чем продолжить, Келси некоторое время кусала губы и наконец решилась.

– Я благодарна тебе за то, что ты делаешь для Милисент. Только, пожалуйста, не сердись на меня, – добавила она торопливо, увидев движение бровей Наоми. – Я благодарна тебе, пусть в душе я никак не могу решить, как бы я поступила на твоём месте Спасибо, мама.

– Какая теперь разница, Келси? Конечно, я могла бы позволить всей этой истории выплыть наружу и тем превратить в ад остаток ее жизни. Но кому от этого будет лучше? – На-

оми ненадолго замолкла, прислушиваясь к утренним голосам птиц, которые звучали так жизнерадостно и успокаивающе. – Я все равно не смогу вернуть себе все годы, которые я потеряла. Да и Рено с Миком уже не оживишь.

– Но ведь это Милисент во всем виновата! – воскликнула Келси, внутри которой боролись стыд и горький гнев. – И не имеет никакого значения, что она не желала никому смерти. Нанимать убийц и преступников, чтобы их руками защищать честь семьи, честь фамилии! И что она получила? Что стало с ее фамилией? Что стало с ее честью?

– Теперь ей придется с этим жить. Но я молчу вовсе не ради нее.

– Я знаю.

Наоми приподняла бровь.

– Доля здорового эгоизма еще никогда никому не мешала. Я не хочу снова проходить через все это, не хочу общаться с прессой и отвечать на вопросы полиции. Кроме того, я с самого начала получила щедрый подарок – ты мне поверила. Поверила и осталась.

– Я была не единственной, кто тебе поверил. А остальные.., остальные тоже имеют право знать, что случилось с Алеком Бредли, что случилось с Горди и кто виноват.

– Остальные меня не очень интересуют. – Наоми все-таки потянулась к кофейнику, хотя кофе наверняка уже остыл. – Вчера вечером мы с Мо говорили об этом и решили, что, если у женщины есть мужчина, который не покинет ее в самой

трудной ситуации, все остальное не имеет значения.

Она улыбнулась, добавила в кофе сливок и оглянулась на звук мотора. Какая-то машина двигалась по обсаженной деревьями подъездной аллее, но ее пока не было видно.

– Это, наверное, Гейб, – сказала Наоми.

– Хорошо бы... За завтраком мы с ним собирались обсудить варианты свадебного меню.

– Тогда я, пожалуй, оставлю вас вдвоем.

– Не хочешь позавтракать с нами? Я-то надеялась, что тебе понравится мой выбор и ты сможешь мне убедить Гейба.

Она помолчала, потом наклонилась к Наоми и проговорила негромко:

– Я люблю тебя.

Наоми ощутила, как в душе ее всколыхнулись, вскипели самые сильные чувства..., всколыхнулись и замерли – безмятежно, спокойно.

– Я знаю.

Келси выбралась из шезлонга и пошла через террасу встречать «Ягуар» Гейба. Глаза ее широко раскрылись от удивления, когда вслед за Гейбом из машины показался ее отец.

– Папа?..

– Бедная моя девочка! – На лице Филиппа появилась гримаса муки, он бросился вперед и порывисто прижал Келси к груди, стараясь не коснуться ее избитого лица. Как Гейб ни пытался, он не смог в достаточной степени подготовить его

к этому зрелищу.

– Ты только не волнуйся, – все не так страшно, как выглядит. Со мной, честное слово, все в порядке! Я сама собиралась заехать к тебе через пару дней... – «Когда сойдут синяки», – добавила она мысленно и бросила на Гейба красноречивый взгляд.

– Твой молодой человек был совершенно прав, когда посвятил меня во все детали. Во все детали, – повторил Филипп, глядя прямо в глаза Келси. – Когда ты звонила мне по телефону, ты многое опустила.

Еще одна разновидность лжи, подумала Келси, а вслух сказала:

– Я думала, что так будет лучше. Мне хотелось сказать тебе, что я жива и здорова до того, как об этом напишут в газетах. Кроме того, я на самом деле неплохо себя чувствую.

– Так мне и сказали. – Филипп покосился на Гейба, потом его взгляд снова скользнул по лицу Келси и остановился за ее спиной. Келси поняла и, отступив в сторону, повернулась.

– Папа только хотел убедиться, что я действительно хорошо себя чувствую, – начала она.

– Разумеется, – кивнула Наоми. Руки ее так и остались висеть вдоль тела. – Здравствуй, Филипп.

– Здравствуй, Наоми. Прекрасно выглядишь.

– И ты тоже.

– Я... Мне... – Келси пыталась придумать что-то такое, чтобы поскорее преодолеть неловкость момента. – Ченнинг

сейчас в конюшне. Хочешь пойти со мной, па? Тебе понравится, как он работает, а увидев тебя, он вообще будет стараться за троих. На это стоит взглянуть, честное слово...

Она замолчала и беспомощно посмотрела на Гейба.

– Я уверена, что ты хочешь поговорить с Келси, – сказала Наоми. – Я как раз собиралась в конюшню – у меня там дела. Я скажу Ченнингу, что вы оба здесь.

– Нет, я... – неуверенно начал Филипп, но справился с собой и закончил твердо:

– Я приехал сюда, чтобы поговорить с тобой. Если у тебя найдется время.

– Хорошо.

– Пошли прогуляемся, – негромко пробормотал Гейб, подхватывая Келси под руку.

– Просто не знаю, с чего начать, Наоми. Гейб., мистер Слейтер рассказал мне все. От начала и до конца, – добавил Филипп, чувствуя, как опять заныло сердце. – Он был настолько любезен, что дождался меня, пока я заходил к Милисент. Я должен был поговорить с ней, прежде чем ехать сюда.

– Я понимаю.

– И снимаешь? – Филипп медленно просунул пальцы под очки, отчего они задрались на лоб, и с силой потер глаза. – А я – нет. Не могу понять. Она причинила нам всем столько зла, столько страданий, и все же, когда я встретился с ней, она ни о чем не жалела и не отступала. Несгибаемая Мили-

сент... Он опустил руки.

– Все, что она сделала, она по-прежнему считает совершенно необходимым и неизбежным. И не более того. Из-за нее погибли люди, но она не чувствует себя виноватой. Ни перед ними, ни перед тобой.

– Это тебя удивляет? Филипп Байден поморщился.

– Она остается моей матерью, Наоми. Даже теперь, когда я все знаю. Я придумывал для нее тысячи извинений, но ни одно из них не искупает ее вину... Всего, что она сделала. И что сделал я...

Он снял очки, повертел в руках, потер переносицу и снова надел их.

– Самое главное, я не знаю, что мне сказать тебе.

– Ничего не надо говорить. Все в прошлом, Филипп.

– Я подвел тебя. Пусть это было много лет назад, но я подвел тебя. Предал.

– Нет. Одно время я тоже так думала. Это помогало, но это не соответствовало действительности. Просто я была не такой, какой ты хотел меня видеть. И что бы ни совершила Милисент, ее нельзя за это винить. Она лишь сделала все возможное, чтобы ты осознал тот простой факт, что я другая, не такая, какой ты меня себе воображал. Вот за это она несет ответственность – и больше ни за что.

– Она могла устроить так, чтобы ты не попала в тюрьму.

– Да, могла.

– А что она пыталась сделать сейчас? С тобой, с Келси? –

У него перехватило дыхание, когда он вспомнил избитое, распухшее лицо дочери. – Боже мой, Наоми, ведь Келси могла погибнуть!

– Но она не погибла. Она сумела защитить себя. И меня тоже.

Наоми внимательно изучала Филиппа и видела в его глазах затаенную боль, а за ней – растерянность и непонимание.

– Я не могу настаивать, чтобы ты не думал о том, о чем думаешь сейчас. Келси была ранена, и ей пришлось отнять чужую жизнь, чтобы спасти свою. Ни ты, ни я никогда этого не забудем, как не забудем и ту, кто положил начало всей цепи событий. Может быть, – медленно закончила она, – это само по себе достаточное наказание для Милисент.

– Я не могу... – голос Филиппа надломился. – Ничего не могу предпринять, чтобы исправить то зло, которое...

– Ты ничего не должен предпринимать, – перебила его Наоми. – Несмотря ни на что, Келси добилась всего, чего хотела. И я...

Ее губы изогнулись в легкой улыбке.

– Я тоже получила то, чего мне хотелось. У меня есть моя ферма, лошади, человек, который меня любит. И у меня есть Келси. Ты прекрасно воспитал ее, Филипп. Я знала, что ты справишься.

– Она так похожа на тебя. Теперь настал черед Филиппа внимательно посмотреть на свою бывшую жену. Как сильно она изменилась – и как мало!

– Боже мой, Наоми, как бы мне хотелось вернуться назад, чтобы что-то изменить, исправить.

Хоть что-нибудь!

– Ты не сможешь.

Он всегда был таким честным, таким справедливым, подумала она. И вот теперь он страдает, потому что справедливость оказалась бессильна, и не может справиться с болью.

– Просто мы требовали друг от друга такого, чего никто из нас дать не мог. Мы совершали ошибки, которые могли быть и были использованы против нас другими людьми. Мы оба пали жертвами чужих желаний и стремлений, Филипп.

– Ты дорого за это заплатила.

– Но приобрела еще больше. Она любит меня, Филипп. Кажется, это просто, но это и сложно, и прекрасно. И пусть прошлое остается прошлым и спит, как раньше, за закрытой дверью. Не нужно его будить.

Она помолчала, потом снова повернулась к нему.

– Знаешь, мне всегда было интересно, что я буду чувствовать, если встречу тебя.

– И мне. Что ты чувствуешь, Наоми?

– Я рада тебя видеть, Филипп. Действительно рада.

– Как ты думаешь, правильно ли, что мы надолго оставили их вдвоем?

– Думаю, что да. – Гейб прижал Келси к себе.

– Но... – Келси оглянулась через плечо. Ее мать и отец все еще стояли на расстоянии нескольких ярдов друг от друга. –

Папа кажется таким грустным.

– Его мир пошатнулся так сильно, что едва не рассыпался. Но все успокоится. Может быть, не все будет как было, но он снова обретет покой.

– Кендис не даст ему слишком долго задумываться над этим, – сказала Келси. – Скажи, Гейб, почему ты привез его сюда?

– Нужно замкнуть круг, прежде чем начать наш собственный.

– Мне нравится, как это звучит. – Келси прислонилась виском к его плечу. – Ты чертовски умен, Слейтер. Умен и хитер. Подумать только, ты ничего не сказал мне, а просто поехал и привез папу.

– Встретиться – это была моя идея, а приехать сюда – его. Он хотел поговорить с Наоми.

– Они помирились, и все будет хорошо, я уверена. – Келси улыбнулась своим мыслям. В конце концов, это была ее собственная волшебная сказка.

– Мне нравится здесь, – пробормотала она. – Очень нравится. Подумать только, каких чемпионов мы с тобой воспитаем, Гейб!

– Ты имеешь в виду лошадей? Келси тряхнула головой и звонко рассмеялась.

– Не только. А что ты думаешь по этому поводу?

– Эта идея мне очень по душе.

Он увел ее подальше от конюшни, от спящих туда-сюда

работников, увел туда, где на склонах холмов паслись кобылы со своими жеребятами и где стригунки-однолетки носились наперегонки с собственной тенью.

– Следующей весной родится жеребенок. Его мать была из «Трех ив», а отец – из «Рискованного дела», – сказал Гейб, поворачивая Келси к себе лицом. – А я всегда буду помнить день, когда он был зачат. Тогда я смотрел на тебя и мечтал, чтобы ты стала моей.

– И вот – я твоя. – Келли обняла Гейба. – Что дальше?

– У нас тут новая, нераспечатанная колода. – Гейб похлопал себя по нагрудному карману. – Всякое может случиться.

– Всякое? Ну что же...

Она наклонила его голову, чтобы коснуться его губ.

– Сдавай, Слейтер.